Экземпляр
50 7/16

852

50 7/16

На правахъ рукописи.

Е. И. Арексъ.

Ординарный профессоръ Николаевской Морской Академіи.

Морская сила и Исторія.

„Во всѣ времена разрушеніе націй причинялось тѣмъ, что онѣ ставили военное искусство выше, нежели военныя добродѣтели".

Шарнгорстъ.

С.-Петербургъ.
1912.

Государств. публичная
историческая
библиотека СССР
1394114

Посвящается

Е. Е. Аренсъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

I. Единство исторической науки 1
II. Философія исторіи 9
III. Задачи исторіи 15
IV. Уроки прошлаго 31
V. Методъ и знаніе 56
VI. Военныя науки 61
VII. Военно-морская исторія и исторія военно-морского искусства. 72
VIII. Военно-морская исторія какъ учебный предметъ 91
IX. Рутина и традиціи 102
X. Наука и жизнь 109

Настоящій трудъ составился постепенно изъ нѣсколькихъ вступительныхъ лекцій, прочитанныхъ мною въ разное время на Курсѣ военно-морскихъ наукъ и въ Николаевской морской академіи. Затрагиваемые въ немъ вопросы не могутъ быть безразличны для офицеровъ флота; значитъ, въ томъ или иномъ рѣшеніи ихъ заинтересованы не только слушатели академіи, но и болѣе широкіе морскіе круги.

Въ этомъ единственное оправданіе моей попытки раздвинуть нѣсколько стѣны своей аудиторіи.

Теперь у каждаго морского офицера столько своего прямого, служебнаго дѣла, что для пріобрѣтенія знаній, хотя бы весьма важныхъ и даже безусловно необходимыхъ, но не связанныхъ непосредственно съ его профессіей, у него почти не остается времени.

Къ подобнаго рода знаніямъ надо прежде всего отнести такъ называемыя гуманическія науки, служащія основой гармоническаго развитія въ человѣкѣ его умственныхъ и нравственныхъ свойствъ. Настаивая на великомъ воспитательномъ значеніи общаго образованія, Н. И. Пироговъ справедливо указывалъ, что „всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми“ („Вопросы жизни“). Безъ этого же они всегда рискуютъ стать узкими и односторонними спеціалистами, являющимися, по словамъ того же знаменитаго педагога, или грубыми эмпириками, или уличными шарлатанами.

Въ ряду такихъ наукъ, обязательныхъ для всякаго интеллигентнаго человѣка, одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ исторіи. Всѣмъ извѣстно однако, какъ неудовлетворительно поставлено преподаваніе ея въ средней школѣ, дающей главный кон-

тингентъ поступающихъ въ наши морскія учебныя заведенія. Въ послѣднихъ же еще менѣе, конечно, благопріятныхъ условій для ея изученія.

А между тѣмъ, безъ основательнаго знакомства, напримѣръ, съ отечественной исторіей, трудно понять и усвоить себѣ и свою военно-морскую исторію, которая, по моему глубокому убѣжденію, должна служить краеугольнымъ камнемъ какъ низшаго, такъ и высшаго образованія во флотѣ. Остается, слѣдовательно, болѣе или менѣе всѣмъ доступный путь самообразованія и академія. Но первый изъ этихъ способовъ представляетъ значительныя неудобства, какъ вслѣдствіи бѣдности спеціально приноровленной для него литературы, такъ и за упомянутымъ уже недостаткомъ досуга; а второй—по самой сущности своей, представляется достояніемъ лишь ничтожнаго числа избранныхъ.

Зная все это по собственному опыту и желая подѣлиться имъ, по мѣрѣ возможности, съ товарищами по оружію, я и рѣшился изложить здѣсь свои мысли о томъ всѣмъ дорогомъ намъ дѣлѣ, которому служилъ, какъ умѣлъ, больше пятнадцати лѣтъ.

Авторъ.

29 апрѣля 1912 г.
Царское Село.

I.

Единство исторической науки.

Міровая роль морской силы. Значеніе водной стихіи въ исторіи человѣчества. –Отношеніе историковъ къ морской силѣ.– Единство исторической науки.—Необходимость во всякомъ дѣлѣ предварительно установить взаимное пониманіе.—Общія идеи.—Сложность исторіи.—Стремленіе къ упорядоченію исторической науки.—Эволюція исторической науки.—Провиденціальная исторія.—Метафизическая исторія.—Научная исторія.—Смѣшеніе методовъ и трудность избѣжать этого.—Исторія—наука духа, а потому важнѣе для человѣка формальныхъ наукъ.—Стремленіе къ закономѣрности. — Попытки открыть историческіе законы.—Что разумѣть подъ закономъ.—Современный взглядъ на исторію.—Философія исторіи.—Элементъ случайности.— Историческій процессъ. — Три направленія въ философіи исторіи. — Общая цѣль всѣхъ направленій въ исторической наукѣ.

Міровая роль морской силы. Значеніе водной стихіи въ исторіи человѣчества.

Морская сила — одинъ изъ главныхъ факторовъ міровой исторіи. „Le trident de Neptune est le sceptre du monde“, сказалъ еще въ XVIII вѣкѣ Лемьеръ. А современные морскіе писатели, съ Мэхэномъ во главѣ, развили и обосновали это положеніе до ясной для всѣхъ наглядности [1]).

[1]) Извѣстный географъ Левъ Мечниковъ въ своемъ трудѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки“ (Парижъ, 1889 г.) предложилъ даже вмѣсто обычнаго ненаучнаго дѣленія всемірной исторіи на древнюю, среднюю, и новую, собственную, весьма остроумную, систему, обоснованную именно на великой роли водной стихіи въ жизни человѣчества. По этой естественной, такъ сказать, системѣ всемірная исторія дѣлится на три періода цивилизацій: 1) рѣчной 2) морской, и 3) океаническій. Примѣняя ее къ „мѣстной“ исторіи Россіи, мы вправѣ, мнѣ кажется, заключить, что страна наша, пройдя первую стадію этой эволюціи, остановилась пока на второй. „Первая попытка перейти къ слѣдующему фазису этой борьбы и вырваться окончательно на океанскій просторъ ознаменовалась кровопролитною войной съ Японіей и полною неудачей“. (см. мою статью „Значеніе Японской войны въ исторіи нашего флота“, М. Сб. 1907 г. № 2). Можетъ быть, неудача эта и объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ освоиться со сравнительно новою для нея ролью *морской* державы, поспѣшила съ выходомъ на міровую борьбу за океанъ.

Отношеніе историковъ къ морской силѣ.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ историки должны были бы въ своихъ трудахъ удѣлять морской силѣ если не первенствующее, то, во всякомъ случаѣ, весьма видное мѣсто. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ морская сила обыкновенно или вовсе игнорируется, или представляется въ ложномъ освѣщеніи, а въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ она большею частью разсматривается внѣ связи съ общимъ ходомъ исторіи, что придаетъ ей искусственный характеръ и тенденціозно преувеличиваетъ ея значеніе.

Трудно, конечно, ожидать, чтобы историки стали спеціализироваться въ морскихъ вопросахъ, а потому намъ ничего другого не остается какъ самимъ приняться за изученіе общей исторіи, почерпая изъ нея тѣ жизненные соки, безъ которыхъ никакая спеціальная отрасль ея существовать не можетъ.

Единство исторической науки.

Морская исторія не только цѣликомъ базируется на исторіи страны, къ которой относится, но и составляетъ органическую часть ея. «Исторій» всякихъ много, но *историческая наука* одна. «Всякая спеціальная наука, каковъ бы ни былъ ея предметъ, есть только отрасль единой положительной философіи». (Контъ). Это единство исторической науки обязываетъ слѣдовательно и морскихъ историковъ къ ознакомленію съ главнѣйшими философскими воззрѣніями на ея сущность, задачи и методы изслѣдованія, такъ какъ оно не менѣе необходимо для лучшаго уразумѣнія и своей морской исторіи.

Необходимость во всякомъ дѣлѣ предварительно установить взаимное вниманіе.

По справедливому замѣчанію Менделѣева,—«всегда и въ каждомъ дѣлѣ, для сознательности совершаемыхъ въ немъ дѣйствій преполезно подсчитаться». Хотя почтенный авторъ изслѣдованія «Къ познанію Россіи» подразумѣвалъ здѣсь, конечно, подсчетъ математическій, но мнѣ кажется, что афоризмъ его не слѣдуетъ понимать только въ буквальномъ смыслѣ. Во всякомъ дѣлѣ необходимо прежде всего установить взаимное пониманіе или, какъ теперь принято выражаться, выяс-

---

На эту же первенствующую роль моря какъ бы символически указываетъ и евангелистъ Іоаннъ въ своемъ Откровеніи: „Въ рукѣ у него (ангела) была книжка раскрытая; и поставилъ онъ *правую ногу свою на море, а лѣвую на землю*“ (X, 2. Курсивъ мо.й)

нить свои платформы. Безъ этого мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ и ни до чего, конечно, не договоримся.

Общія идеи.

«Каждая наука,—говоритъ Наполеонъ,—должна содержать извѣстныя *начала* и развивать нѣкоторыя *общія идеи* (въ нихъ вся сила и значеніе дѣла), дающія особый взглядъ на міръ». Безъ такихъ идей не можетъ быть «субординаціи знанія» (Шопенгауэръ), а слѣдовательно и науки: «есть нити, но нѣтъ цѣлаго, нѣтъ ткани». Не менѣе важно практическое значеніе общихъ идей. По мѣткому выраженію одного автора,—«наши личныя идеи и взгляды насъ разъединяютъ; общія же идеи насъ сближаютъ» [1]).

Сложность исторіи. Стремленіе къ упорядоченію исторической науки.

Это особенно необходимо имѣть въ виду при изученіи такихъ сложныхъ и туго поддающихся научной дисциплинѣ соціальныхъ наукъ, какова исторія, гдѣ нерѣдко царитъ почти неограниченный произволъ личнаго усмотрѣнія. Вотъ почему объ упорядоченіи своей капризной науки хлопотали еще историки глубокой древности (Геродотъ, Полибій, и др.). Сложность исторіи зависитъ отъ сложности самой жизни, изображеніемъ и объясненіемъ которой она занимается. Жизнь же такъ своеобразна и капризна, что уложить даже ничтожную частицу ея въ какія либо рамки, ради удобства изученія, представляетъ громадныя трудности.

Надсонъ изображаетъ ее намъ въ такихъ прочувствованныхъ и вѣрныхъ штрихахъ:

То вся она печаль, то вся она приманка,
То все въ ней блескъ и свѣтъ, то все позоръ и тьма;
Жизнь—это серафимъ и пьяная вакханка,
Жизнь—это океанъ и тѣсная тюрьма.

Справиться съ подобной особой, очевидно, не такъ-то легко. Прежде всего для этого слѣдовало бы призвать ее хоть на одинъ моментъ къ порядку; но, въ виду абсолютной невозможности подобнаго эксперимента, приходится лишь ограничиться упорядоченіемъ той области человѣческаго знанія, которая занимается ея изслѣдованіемъ въ соціальномъ отношеніи, т. е. исторической науки. Въ извѣстной степени это и достигнуто въ послѣднее время. Во всякомъ случаѣ, теперь

[1]) Лееръ, „Общія идеи“ (Развѣдчикъ 1895 г. № 255).

исторія это уже не та «старая лгунья», какою она представлялась склонному къ ѣдкимъ и парадоксальнымъ афоризмамъ Шопенгауэру, а несомнѣнно наука, хотя пока и весьма далекая отъ совершенства.

Эволюція исторической науки.

Прежде, однако, чѣмъ занять настоящее положеніе, исторія претерпѣла не мало различныхъ превращеній.

Древній міръ не находилъ научнаго интереса въ исторіи, а потому въ тѣ времена не могло быть и почвы для философіи исторіи. О ней не думали ни Платонъ, ни Аристотель.

Провиденціальная исторія.

Средніе вѣка—расцвѣтъ такъ называемаго *провиденціальнаго* (теологическаго) пониманія исторіи, выросшаго главнымъ образомъ на почвѣ христіанскаго міросозерцанія. Представители этого направленія (Св. Августинъ, Боссюэтъ, и др.) выходили изъ того оптимистическаго положенія, что судьбами человѣчества управляетъ Провидѣніе, по разумнымъ, но не всегда извѣстнымъ и понятнымъ законамъ. Такимъ образомъ, пользуясь методомъ абсолютно апріористическимъ, они строили историческое зданіе ex nihilo (изъ ничего), не заботясь вовсе объ изслѣдованіи дѣйствительнаго хода вещей. Сами люди, по этой теоріи, какъ существа не обладающія всевѣдѣніемъ, лишены возможности проникать въ тайники исторіи. Очевидно, что, сваливая все на Провидѣніе и отказываясь въ принципѣ отъ собственнаго пониманія исторіи, нельзя было и претендовать на ея научное объясненіе [1]).

Метафизическая исторія.

Въ XVII—XVIII вѣкахъ, въ эпоху развитія и господства метафизики, зарождается новый взглядъ на исторію — *мета-*

[1]) Къ весьма рѣдко встрѣчающимся въ наше время, особенно въ чистомъ видѣ, представителямъ этой школы принадлежитъ, напримѣръ, профессоръ Надлеръ, авторъ обширнаго труда „Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза“ (Рига, 1886 г.). Чувствуя потребность оправдать такую исключительность своего міровоззрѣнія, онъ въ предисловіи къ III тому между прочимъ говоритъ: „Авторъ убѣжденъ и онъ пришелъ къ этому убѣжденію путемъ тщательнаго изученія историческихъ фактовъ, что въ жизни народовъ и государствъ проявляется во всемъ своемъ величіи руководство Божественнаго Промысла, что чудное сплетеніе судебъ и событій не есть результатъ какихъ нибудь законовъ, подобныхъ закону тяготѣнія, а тѣмъ менѣе слѣпого безсмысленнаго случая“.

(См. мои „Матер. для библ. указателя по ист. Россіи и рус. флота“ № 35, М. Сб. 1907 г., IX).

физическій (идеалистическій), провозвѣстниками котораго явились Гегель, В. Гумбольдтъ и другіе философы того времени. Близкое родство этой системы съ предыдущей не подлежитъ сомнѣнію: то-же построеніе историческаго процесса сверху внизъ, a priori, съ замѣной лишь Провидѣнія *идеей* или *идеаломъ*, осуществленіе котораго и составляетъ будто-бы задачу этого процесса. Но и тутъ все же шагъ впередъ въ развитіи философіи исторіи.

Научная исторія.

Новый толчокъ ей даютъ великія событія конца XVIII вѣка и быстрый ростъ естественныхъ наукъ. Настаетъ потребность научно-положительнаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія. Вотъ начало современнаго *научнаго* (позитивно-реалистическаго) пониманія исторіи. Оно лишь обладаетъ въ принципѣ единственно вѣрнымъ методомъ, стремящимся, въ противность первымъ двумъ (объясненіе хода исторіи самою исторіей), отыскать *законы* историческаго развитія на основаніи изученія всѣхъ его элементовъ.

Смѣшеніе методовъ и трудность избѣжать этого.

Благодаря капитальнымъ трудамъ Конта, Бокля, Маркса и цѣлой плеяды даровитыхъ учениковъ и послѣдователей ихъ, методъ этотъ несомнѣнно восторжествовалъ, хотя и не успѣлъ еще создать вполнѣ научно-обоснованной философской системы. Вѣроятно, этимъ объясняется то часто встрѣчающееся въ дѣйствительности смѣшеніе различныхъ методовъ, отъ котораго не застрахованы и лучшіе представители современной науки [1]).

Такимъ образомъ, большая часть наукъ, пройдя постепенно различные періоды своего развитія (описательный, классификацій и частныхъ обобщеній), вступила теперь на путь положительнаго изслѣдованія, ведущаго къ широкимъ

---

[1]) Профес. ген. Михневичъ даетъ этому явленію такое объясненіе: „Иногда бываетъ, что лица, культивирующія какую-либо науку, достигшую позитивной ступени, сами находятся въ метафизическомъ фазисѣ". Одинъ и тотъ-же человѣкъ, будучи строгимъ позитивистомъ въ физикѣ, можетъ метафизически относиться къ біологіи и придерживаться теологическаго пониманія соціологіи, „такъ что одинъ намекъ на возможность существованія исторической или соціальной науки вызываетъ въ немъ только насмѣшки".

(„Воен. наука и степень точности ея выводовъ", СПБ. 1899 г.).

обобщеніямъ и позволяющаго до извѣстной степени даже предсказывать явленія; за исключеніемъ, однако, пока «самой важной для общества, самой сложной отрасли знанія, предполагающей всѣ другія, именно ученія о человѣческомъ обществѣ, соціологіи, въ которую входитъ исторія» [1]).

Исторія—наука духа, а потому важнѣе для человѣка формальныхъ наукъ.

Какъ бы то ни было, исторія въ наше время (эволюціонная, генетическая) стоитъ уже на вѣрномъ пути. Она стремится узнать какъ развилось каждое историческое явленіе, какъ оно стало тѣмъ, что оно есть. Предметъ ея—своеобразная область фактовъ, имѣющихъ между собой причинную связь (Бернгеймъ). Она стремится въ то же время къ научнымъ обобщеніямъ, къ раскрытію законовъ явленій, т. е. пытается подмѣтить въ кажущемся историческомъ хаосѣ извѣстную *закономѣрность* [2]).

Стремленіе къ закономѣрности. Попытки открыть историческіе законы. Что разумѣть подъ закономъ.

«Историкъ есть въ то же время философъ,—говоритъ И. Тэнъ,—онъ собираетъ факты, чтобы открывать законы». Въ этихъ словахъ мы уже имѣемъ указаніе на возможность обобщенія отдѣльныхъ историческихъ явленій и установленія между ними осмысленной связи, иначе говоря—на возможность

Современный взглядъ на исторію. Философія исторіи.

---

[1]) Бернгеймъ. „Введеніе въ истор. науку". Москва, 1908 г.

Эти слова слѣдовало бы запомнить особенно тѣмъ представителямъ точныхъ, но узко-спеціальныхъ наукъ, которые съ дѣтски-наивнымъ высокомѣріемъ не допускаютъ даже мысли о научномъ значеніи исторіи и ея выдающейся культурной роли. Такихъ однобокихъ спеціалистовъ справедливо сравниваютъ съ флюсомъ. Не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ: кромѣ *формальныхъ* наукъ (напр., математики) существуютъ еще *науки духа*, къ которымъ принадлежитъ и исторія. (Вундтъ, „Введеніе въ философію").

[2]) Подъ *закономъ* надо понимать *необходимую* и *недопускающую исключенія* зависимость между извѣстными явленіями, почему наличіе въ данномъ случаѣ такого закона опредѣляется, по мнѣнію Канта, двумя критеріями; *всеобщностью* и *необходимостью*. Къ нимъ прибавляютъ иногда и *повторяемость* историческихъ явленій, но это уже не обязательное условіе, такъ какъ подъ закономъ можно подразумѣвать и *развитіе* при данныхъ обстоятельствахъ этихъ явленій въ *одномъ опредѣленномъ направленіи*.

Шеллингъ, напримѣръ, приписывая каждому историческому явленію абсолютную индивидуальность, считаетъ даже прямо невозможнымъ его повтореніе, и, на этомъ основаніи, доходитъ до отрицанія самой философіи исторіи

философіи исторіи. А это, въ свою очередь, является косвеннымъ доказательствомъ *научности* исторіи.

Элементъ случайности.

Ничего не можетъ быть проще и удобнѣе, какъ объяснять историческія явленія *случайностью,* но подобный, кстати сказать, весьма распространенный пріемъ, уже не можетъ удовлетворить теперь пытливый умъ человѣка, и, по выраженію Спинозы, представляетъ лишь «убѣжище незнанія»; притомъ такого, котораго мы сами не сознаемъ (Писаревъ). А Буастъ прямо находитъ, что «приписывать исторію случайностямъ—это имѣть жалкій взглядъ на нее».

Такъ обстоитъ дѣло въ теоріи, но практическимъ дѣятелямъ волей-неволей приходится иногда считаться съ тѣми неизвѣстными намъ данными, кабалистическая комбинація которыхъ въ видѣ такъ называемаго «случая» получаетъ иной разъ въ жизни рѣшающее значеніе. Такъ, по свидѣтельству историка Валишевскаго, даже такая разсудочная реалистка какъ Екатерина II должна была «разсчитывать, *что и дѣлала всю свою жизнь*, на ту высшую и таинственную силу, къ которой взывала въ своемъ разговорѣ съ княгиней Дашковой, и могущество которой признавалъ и самъ Фридрихъ, хотя и называлъ ее непочтительно: Его священное величество случай» [1]).

Историческій процессъ. Три поправленія въ философіи исторіи.

Историческій процессъ опредѣляется тремя главными факторами: естественной средой, исторической средой и человѣческой личностью [2]). Сообразно съ этимъ и въ философіи исторіи различаютъ три направленія [3]):

1) *Физико-климатическое,* исходящее въ объясненіи историческаго процесса изъ познанія внѣшней природы. Оно нерѣдко грѣшитъ умаленіемъ значенія личности въ исторіи.

2) *Физіолого-психологическое,* черпающее свои данныя во внутренней природѣ человѣка. Естественно, что послѣдо-

---

[1]) „Романъ Императрицы", 158. Курсивъ мой.

[2]) Отсюда важное значеніе естественныхъ наукъ, какъ пособія для изученія исторіи. Но послѣдняя, вопреки утвержденію крайнихъ позитивистовъ и матеріалистовъ, не есть естественная наука.

[3]) Раппопортъ, „Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ", СПБ. 1898 г., гл. X.

ватели этого направленія склонны, напротивъ, преувеличивать роль личности.

3) *Культурно-историческое*, источникомъ котораго служатъ культурно-бытовыя и общественныя формы, образовавшіяся въ самомъ историческомъ процессѣ. Тутъ первое мѣсто принадлежитъ обществу, соціальной группѣ; личность же разсматривается только какъ продуктъ своего времени.

Общая цѣль всѣхъ направленій въ исторической науки.

Всѣ эти направленія, не смотря на видимое различіе, стремятся, главнымъ образомъ, къ одной выше указанной цѣли, т. е. къ накопленію возможно большаго количества точно установленныхъ фактовъ и выводу изъ нихъ историческихъ законовъ.

II.

Философія исторіи.

Трудность точнаго возстановленія историческаго факта.—Достовѣрность свидѣтельскихъ показаній и наблюденій очевидцевъ.—Письменные документы.—Задачи исторической критики.—Поступательный характеръ историческаго процесса и повторяемость историческихъ явленій.—Историческій прогрессъ; его спорность и односторонность.—Взгляды Карѣева, Шопенгауэра и славянофиловъ.—Вопросъ о двигателѣ прогресса. Роль личности въ исторіи и проблема о свободѣ воли.—Задача исторіи и различное пониманіе ея. Карлейль, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, гр. Толстой, Марксъ. — Примиряющій взглядъ химика Д. Кука.

Трудность точнаго возстановленія историческаго факта.

Возстановленіе факта въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ происходилъ въ дѣйствительности—самая, пожалуй, трудная вещь въ исторіи. «Человѣку присуще заблужденіе,—говоритъ Золя,—и для того, чтобы установить самую незначительную истину, нуженъ по-истинѣ героическій трудъ» («Лурдъ»).

Достовѣрность свидѣтельскихъ показаній и наблюденій очевидцевъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ житейскимъ явленіемъ: вольнымъ и невольнымъ искаженіемъ самаго даже элементарнаго событія, въ передачѣ его разными лицами. Кому не извѣстно, напримѣръ, какъ мало заслуживаютъ довѣрія показанія даже самыхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей на судѣ. Не такъ давно въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ произведена была среди студентовъ-юристовъ весьма поучительная въ этомъ отношеніи анкета, съ цѣлью всесторонняго обслѣдованія факта прибытія въ канцелярію какой то просительницы. Результаты получились прямо невѣроятные: одни отрицали вовсе присутствіе этой женщины въ комнатѣ, гдѣ, между тѣмъ, сами находились; другіе подробно описывали ея свѣтлый костюмъ, когда она была въ темномъ; были и такіе,

которые даже отрицали существованіе въ канцеляріи стеклянной двери, находившейся тамъ давно, и т. п.

Сохранилось преданіе, что англійскій историкъ Вальтеръ Ралей († 1618 г.) былъ такъ пораженъ подобнаго же рода противорѣчіемъ между своимъ личнымъ наблюденіемъ одного уличнаго происшествія и сообщеніемъ о немъ другого очевидца, что съ досады бросилъ въ огонь рукопись второго тома своей всемірной исторіи. Если это и анекдотъ, то во всякомъ случаѣ весьма назидательный, такъ какъ наглядно показываетъ, что одно и то же событіе воспринимается и объясняется различными наблюдателями далеко неодинаково, въ зависимости отъ ихъ индивидуальныхъ особенностей (чувствъ, духовныхъ способностей, настроеній и т. д.) и обстановки.

Письменные документы.

Но и съ письменными документами дѣло обстоитъ иногда въ этомъ отношеніи нисколько не лучше. Въ извѣстныхъ, напримѣръ, и когда то весьма авторитетныхъ «Генеалогическихъ таблицахъ» Іоанна Гюбнера (1708 г.) перечислено было болѣе 60 государей, предшественниковъ франкскаго короля Хлодвига I, съ точнымъ обозначеніемъ періодовъ ихъ царствованія и генеалогическихъ данныхъ. Между тѣмъ, критическое изслѣдованіе этого «ученаго» труда показало, что ни одинъ изъ упомянутыхъ въ немъ государей и не существовалъ вовсе, и что авторъ явился лишь жертвой частью фантастическихъ, частью псевдо-научныхъ измышленій. [1])

Задачи исторической критики.

Приведенные только что примѣры (а ихъ можно было бы привести сколько угодно) ясно указываютъ на необходимость сравненія, сличенія и строгой провѣрки всякаго рода свидѣтельствъ и документовъ прежде чѣмъ ими пользоваться какъ матеріаломъ для историческихъ выводовъ и заключеній. Это и составляетъ задачу *исторической критики*.

Только возстановивъ такимъ путемъ возможно большее количество фактовъ, мы окажемся въ состояніи набросать болѣе или менѣе отвѣчающую дѣйствительности картину давно минувшаго и схватить хотя главнѣйшіе моменты создавшаго ее историческаго процесса. Представленіе о характерѣ и сущ-

---

[1]) Бернгеймъ, „Введеніе въ ист. науку“, с. 62.

ности послѣдняго со временемъ, конечно, мѣнялось; да и теперь врядъ ли можно считать его вполнѣ установившимся.

Поступательный характеръ историческаго процесса и повторяемость историческихъ явленій.

Еще древніе, подмѣтивъ нѣкоторую повторяемость историческихъ явленій и въ то же время общій поступательный характеръ ихъ, сравнивали историческій процессъ съ движеніемъ волнъ (Гераклитовское: «все течетъ»). Въ наше время если и встрѣчается иногда разногласіе относительно повторяемости фактовъ, то насчетъ всемірно-историческаго движенія по пути къ вѣчному усовершенствованію у большинства историковъ, повидимому, сомнѣній никакихъ не имѣется. Это и есть такъ называемый *историческій прогрессъ*, душа философіи исторіи, по выраженію профес. Карѣева.

Историческій прогрессъ; его спорность и односторонность. Взгляды Карѣева, Шопенгауэра и славянофиловъ.

«Какъ ни различны были въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ судьбы прогресса,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—сколькимъ бы случайностямъ онъ ни подвергался, какъ-бы односторонне онъ ни совершался, сколькобы, наконецъ, ни было въ его исторіи возвращенія вспять,—въ общемъ ходъ всемірной цивилизаціи былъ прогрессивный, хотя въ самой Европѣ, гдѣ жизнь создала для него наиболѣе благопріятныя условія, исторія прогресса шла въ высшей степени неравномѣрно, и за временами болѣе быстраго движенія впередъ слѣдовали періоды застоя и реакціи, прерывавшіе это поступательное движеніе» [1]).

Съ такимъ наиболѣе распространеннымъ оптимистическимъ взглядомъ далеко не согласны, конечно, скептики и пессимисты. Шопенгауэръ, напримѣръ, съ безпощадной ироніей относится къ такого рода пониманію хода всемірной исторіи: «Прогрессъ,—утверждаетъ онъ,—это ваша химера, это мечта XIX вѣка какъ воскресеніе изъ мертвыхъ было мечтой X вѣка. У каждаго вѣка есть своя такая мечта. Когда, опустошивъ ваши чердаки и склады прошлаго, вы еще выше возведете свои скопленія наукъ и сокровищъ, окажется ли человѣкъ менѣе мизеренъ рядомъ съ этими грудами добра»?

Какъ бы мы ни относились къ столь рѣзко выраженному взгляду выдающагося мыслителя, но отказать ему въ мѣткости

[1]) „Общій ходъ всемірной исторіи“. с. 11. Приложеніе къ журналу „Вѣстникъ и библіотека самообразованія“ СПБ. 1903 г.

и остроуміи врядъ ли возможно. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только оглянуться вокругъ и хоть немного призадуматься надъ жизнью, чтобы убѣдиться въ томъ, что наряду съ бѣшенной скачкой *матеріальнаго* прогресса почти незамѣтно какого либо совершенствованія въ *духовной* природѣ самаго человѣка. Счастливѣе онъ во всякомъ случаѣ не сталъ, что лучше всего подтверждается поразительнымъ въ наше время обезцѣненіемъ жизни (убійства и самоубійства буквально изъ за выѣденнаго яйца).

Но особенный интересъ должны представлять для насъ относящіяся сюда воззрѣнія такъ называемыхъ славянофиловъ и лицъ близкихъ имъ по духу. По теоріи извѣстнаго Н. Я. Данилевскаго,—«каждый типъ (народъ) выражаетъ человѣчество съ одной стороны, и прогрессъ или, если можно такъ выразиться, раскрытіе совершается не въ преемственной передачѣ цивилизаціи, а во внесеніи новыхъ сторонъ. Такимъ образомъ, прогрессъ слѣдуетъ представлять не громадною прямою линіей, а множествомъ мелкихъ, расходящихся въ разныя стороны линій, чѣмъ усвояется постепенно человѣческому сознанію все богатство содержанія, заключающагося въ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ». [1]).

Съ этимъ, повидимому, согласенъ и историкъ Бестужевъ-Рюминъ.

Итакъ, въ общемъ можно допустить, что историческій процессъ характеризируется двумя свойствами: повторяемостью явленій и поступательнымъ движеніемъ. Но положеніе это нельзя считать безспорнымъ и во во всякомъ случаѣ оно требуетъ оговорокъ.

Историческія явленія могутъ быть продуктами общихъ и постоянныхъ причинъ или же они объясняются мѣстными и временными условіями. Въ первомъ случаѣ они до извѣстной степени повторяемы, во второмъ—нѣтъ. Поступательное же движеніе можетъ направляться не только по прямой линіи, но также по кривымъ и ломаннымъ линіямъ. Мало того, иногда наблюдается даже какъ-бы задній ходъ исторіи, и прогрессъ становится регрессомъ.

---

[1]) „Россія и Европа“, СПБ. 1871 г.

Не менѣе спорнымъ и еще болѣе труднымъ представляется вопросъ о двигателѣ прогресса, тѣсно связанный съ капитальнѣйшей философской проблемой о *роли личности* въ исторіи, другими словами о *свободѣ воли.* [1]). Вопросъ этотъ рѣшается тоже весьма различно, въ зависимости отъ міровоззрѣнія авторовъ.

Вопросъ о двигателѣ прогресса. Роль личности въ исторіи и проблема о свободѣ воли.

Карлейль, напримѣръ, считаетъ исторію только *біографіей великихъ людей.* А Костомаровъ предостерегаетъ отъ увлеченія біографическимъ элементомъ и думаетъ, что отдѣльныя лица, выходящія изъ массы, важны лишь постольку, поскольку они что либо извлекли изъ нея и сами сумѣли ей дать. [2]). Въ такомъ же родѣ высказывается и Бестужевъ-Рюминъ, полагая, что «лицо можетъ понять, угадать, но ничего не можетъ создать», и что задача историка излагать всесторонне не исторію лицъ, а исторію того сложнаго историческаго явленія, которое называется обществомъ. [3]). Сюда же можно отнести и мнѣніе Л. Н. Толстого, что *великіе люди только ярлыки исторіи.*

Задача исторіи и различное пониманіе ея. Карлейль, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, гр. Толстой, Марксъ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей матеріалистическаго направленія въ исторіи, К. Марксъ, утверждаетъ, что *люди являются въ исторіи одновременно и авторами и актерами собственной драмы,* и что отдѣльная личность имѣетъ только тогда значеніе, когда она сознательно идетъ по тому же направленію, по которому безсознательно развертывается сама экономическая эволюція. Роль личности, слѣдовательно, исполнительная. Ея желанія, побужденія и стремленія диктуются ей общими законами историческаго хода вещей, опре-

---

[1]) Этой, по опредѣленію Дидеро, „иллюзіи существа, которое сознаетъ себя причиной, но не сознаетъ себя слѣдствіемъ". Во всякомъ случаѣ, это свобода условная и довольно ограниченная. Крашевскій такъ иллюстрируетъ устами своего дьявола эту причинную зависимость между волевыми импульсами и ихъ осуществленіемъ: „Поступки и послѣдствія ихъ это тоже, любезный другъ, что прицѣлъ и выстрѣлъ. Не всегда же выстрѣлъ попадаетъ въ цѣль, куда стрѣлокъ его мѣтитъ. Даже опытный стрѣлокъ никогда не можетъ поручиться головой за вѣрность выстрѣла".

(„Панъ Твардовскій", повѣсть. СПБ. 1884 г.)

[2]) „Лекція по рус. исторіи". СПБ. 1861 г., с. 12.

[3]) „Русская Исторія", с. 7.

дѣляемаго въ послѣднемъ счетѣ ростомъ производительныхъ силъ.

«Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи,—говоритъ этотъ своеобразный мыслитель,—люди дѣлаютъ ее такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя сознательныя цѣли, а въ результатѣ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на внѣшній міръ—получается исторія».

Исходя изъ этого положенія, Х. Раппопортъ приходитъ къ заключенію, что «субъективное происхожденіе дѣйствія исчезаетъ безслѣдно въ его результатѣ, носящемъ объективный характеръ» [1]).

Примиряющій взглядъ химика Д. Кука.

Тутъ много, конечно, вѣрнаго, но само-то основное положеніе, что будто бы экономическая эволюція является альфой и омегой всей философіи исторіи, представляетъ, въ сущности, не болѣе какъ остроумную гипотезу, недостаточную къ тому же для удовлетворительнаго объясненія всей совокупности историческихъ явленій. Одного познанія внѣшняго міра для этого, очевидно, мало; необходимо прежде всего (и, быть можетъ, больше всего) считаться съ самимъ человѣкомъ и его психикой. [2]).

---

[1]) „Философія исторіи въ ея главн. теченіяхъ", с. 50.

[2]) Историки, въ силу особенностей своей профессіи, менѣе другихъ ученыхъ изслѣдователей застрахованы отъ крайнихъ увлеченій въ ту и другую сторону, а потому здѣсь умѣстно будетъ привести трезвый взглядъ на дѣло извѣстнаго англійскаго химика, проф. Джосія Кука. Въ своемъ замѣчательномъ трактатѣ по философіи химіи онъ, констатируя существованіе трехъ главныхъ естественныхъ законовъ: 1) *матерія* неразрушима и измѣряется вѣсомъ; 2) *энергія* неразрушима и измѣряется работой; 3) *разумъ* неразрушимъ и измѣряется способностью примѣненія,—приходитъ къ заключенію, что эти три великія истины объясняютъ и дополняютъ другъ друга. „Дайте, каждой,—говоритъ онъ въ концѣ своей X лекціи, должное мѣсто въ вашей философіи, и вы избѣгнете крайностей идеализма, съ одной стороны, и матеріализма, съ другой".

(„Новая химія". СПБ. 1876 г., с. 254).

III.

Задачи исторіи.

Опредѣленіе исторіи. — Прагматизмъ и дидактизмъ. Исторія какъ наставница жизни.—Современная историческая наука.—Предметъ историческаго изслѣдованія. Государство и народъ. — Требованія, предъявляемыя къ историку.—Погоня за объективностью.—Что есть истина? Способы служенія истинѣ.—Неизбѣжность и желательность субъективнаго пониманія исторіи.—Тенденціозность такъ называемаго „научнаго объективизма".—Мода на развѣнчиваніе историческихъ героевъ. „Разрушители легендъ" во Франціи.—Починъ профес. Н. И. Костомарова.—Соблазнъ въ школахъ.—Отраженіе взглядовъ Костомарова въ морской исторіи.—„Объективная" оцѣнка адмирала Нахимова. Иниціатива анонимнаго автора очерка „Изъ записокъ Севастопольца". — Нахимовъ и Нельсонъ.—Школа и жизнь. Солидарность во взглядахъ обоихъ адмираловъ на воспитаніе личнаго состава.—Сходство въ пониманіи задачъ морской тактики но различіе въ пріемахъ.—Нахимовъ по духу своему ближе къ Нельсону чѣмъ Ушаковъ.—Нахимовъ выполнилъ предназначенную ему роль безукоризненно.—Необходимость для историка художественнаго творчества.—Непостоянство исторической критики. Примѣры различнаго отношенія изслѣдователей къ тѣмъ же самымъ фактамъ.—Идеалъ историка.

Опредѣленіе исторіи.

Греческое слово *historia* (такъ-же какъ и скандинавское *saga*), подразумѣвающее разсказъ о событіяхъ, хотя бы и почитаемыхъ за истинныя, не даетъ еще, очевидно, яснаго представленія о сущности и характерѣ предмета. Это, такъ сказать, опредѣленіе общее, элементарное. Подъ него можно подвести какое угодно содержаніе.

Прагматизмъ и дидактизмъ. Исторія какъ наставница жизни.

Но уже въ древнія времена пытались предъявлять къ такого рода художественному разсказу о достопамятныхъ лицахъ и событіяхъ два основныя требованія: *прагматизма*, т. е. установленія между фактами причинной связи, и *поучительности*.

Отсюда и довольно распространенный прежде взглядъ на исторію, какъ на «наставницу жизни» (magistra vitae). Теперь на это смотрятъ нѣсколько иначе, но не столько по существу дѣла, сколько по формѣ.

Современная историческая наука.

«Исторія есть наука,—говоритъ профессоръ Платоновъ,—изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста, и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человѣчества» [1]).

Предметъ историческаго изслѣдованія. Государство и народъ.

Такъ формулированное современное понятіе объ исторіи получило уже почти всеобщее признаніе. Но установилось оно, конечно, не сразу. Уже знаменитый трудъ Карамзина «Исторія *государства* Россійскаго» не удовлетворилъ весьма многихъ, и Полевой, въ видѣ протеста, написалъ свою «Исторію русскаго *народа*» (1833 г.). Противопоставляя, такимъ образомъ, народъ государству, онъ стремился, наперекоръ господствовавшимъ тогда увлеченіямъ внѣшними, офиціальными, такъ сказать, событіями, къ изученію внутренней жизни русскаго общества. Единичная попытка эта не могла, конечно, имѣть успѣха, за отсутствіемъ въ тѣ времена для осуществленія ея необходимыхъ матеріаловъ и благопріятной почвы. Самая же идея Полевого, въ основѣ своей совершенно справедливая, не пропала даромъ и стала теперь краеугольнымъ камнемъ научной исторіи.

«Изслѣдованіе развитія народной духовной жизни,—говоритъ Костомаровъ,—вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политическаго событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона» [2]).

Для такой исторіи время настаетъ лишь теперь, когда обиліе серіозныхъ историческихъ трудовъ и критическихъ изысканій достаточно подготовило для нея почву. Впрочемъ, большая часть этихъ подготовительныхъ работъ, въ силу необходимости, посвящается изученію пока все той же внѣшности, такъ какъ безъ основательнаго знакомства съ нею немыслимо, конечно, и уразумѣніе внутренней народной жизни [3]).

---

[1]) „Лекціи по рус. исторіи“, СПБ. 1904 г., Введеніе.

[2]) „Лекціи по рус. исторіи“, с. 11.

[3]) „Состояніе русской историографіи до сихъ поръ таково,—замѣчаетъ по этому поводу С. Ф. Платоновъ,—что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку“ („Лекціи по русской исторіи“, Введеніе).

Это и не удивительно, если принять во вниманіе, что наша національная историческая наука сравнительно еще очень молода. По свидѣтельству одного изъ видныхъ представителей славянофильства, Самарина,—«историческая наука зачалась въ Россіи вслѣдъ за переворотомъ (петровскимъ), прервавшимъ у насъ живую нить историческаго преданія. Оттого наука явилась не какъ плодъ созрѣвшаго народнаго самосознанія, а какъ попытка со стороны цивилизованнаго общества, оторвавшагося отъ народной почвы, возстановить въ себѣ утраченное самосознаніе» [1]).

Требованія, предъявляемыя къ историку.

Независимо отъ тѣхъ или другихъ задачъ, возлагаемыхъ на исторію, и къ самимъ историкамъ обыкновенно предъявляется цѣлый рядъ довольно таки суровыхъ требованій. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, безспорно, пресловутому *объективизму*. Приравнивая почему то историковъ къ жрецамъ, посвятившимъ себя культу Вѣчной Истины, многіе думаютъ, что это служеніе обязываетъ къ отреченію отъ міра, отъ всего близкаго и дорогого, даже отъ собственнаго *я* (совершенно такъ, какъ при постриженіи въ монашество мѣняется самое имя). «Чтобы достойнымъ образомъ писать исторію,— говоритъ, напримѣръ, Буастъ,—слѣдуетъ забыть о своей вѣрѣ, о своемъ отечествѣ, о своей партіи». А Полевой идетъ еще дальше, полагая, что «историкъ долженъ отдѣлиться отъ своего вѣка, своего народа, самого себя».

Погоня за объективностью.

Но это совершенно невыполнимо, да и врядъ ли даже желательно. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться съ Пикаромъ, что «полная объективность науки—это химера», ибо «наша наука, созданная нами съ помощью нашихъ органовъ чувствъ, всегда будетъ по нашей мѣркѣ» [2]).

Что есть истина?

Толстой съ прямолинейностью генія совѣтуетъ искать истину и не бояться, куда бы она ни привела [3]). Но что

[1]) Кояловичъ, „Ист. рус. самосознанія“, 367.

[2]) М. Бородкинъ, „Національность въ наукѣ“ (Н. Вр. № 12831).

[3]) Сочиненія, т. XII. Москва 1886 г.

Въ такомъ же смыслѣ, но гораздо осторожнѣе, высказывается и Э. Дюркгеймъ: „Ученый, — говоритъ онъ, — долженъ безповоротно рѣшиться не пугаться тѣхъ выводовъ, къ которымъ приводятъ его изслѣдованія, *разъ послѣднія велись подъ руководствомъ правильнаго*

есть истина? На этотъ міровой вопросъ, какъ извѣстно, не послѣдовало въ свое время никакого отвѣта (отъ Іоанна XVIII, 37—38). Это и не удивительно, такъ какъ, по справедливому замѣчанію Драгомирова, «безусловная истина для человѣка недосягаема, и что поэтому для него истиной является то, что онъ въ данную минуту признаетъ за истину» [1]).

Способы служенія истинѣ.

Самое служеніе истинѣ можетъ носить различный характеръ, въ зависимости отъ личныхъ воззрѣній и наклонностей автора. Для однихъ руководящимъ началомъ служитъ девизъ «vera pro gratia» (правда въ ущербъ пріятности); другіе, слѣдуя завѣту извѣстнаго Тредьяковскаго, предпочитаютъ, напротивъ, смягчать эту правду, придавая ей нѣкоторую «гибкость» [2]).

Единственно чего можно, по моему, требовать отъ историка—это завѣщаннаго еще Тацитомъ *безпристрастія* (sine ira et studio), т. е. спокойнаго отношенія къ фактамъ и добро-

---

метода", и сейчасъ же спѣшитъ оговориться, что „къ несчастью, легче признать это правило въ принципѣ и теоретически, чѣмъ настойчиво примѣнять его на практикѣ". („Методъ соціологіи", перев. съ французскаго. Кіевъ—Харьковъ, 1899 г. Курсивъ мой).

Да и самъ Толстой, какъ чуткій къ жизненной правдѣ художникъ и человѣкъ на-рѣдкость искренній, не могъ не признать извѣстной условности истины: „Пьера (т. е. въ сущности самого автора) въ первый разъ поразило на этомъ собраніи (въ массонской ложѣ) то безконечное разнообразіе умовъ человѣческихъ, которое дѣлаетъ то, что *никакая истина одинаково не представляется двумъ людямъ*" („Война и миръ", II, 230; собр. сочин. изд. 1880 г., Москва, т. VI; курсивъ мой).

[1]) „Одиннадцать лѣтъ" (1895—1905 г.г.). Сб. статей, I, 134. СПБ. 1909 г.

Самъ великій Будда не могъ придумать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи: „Точка зрѣнія большинства, — сказалъ онъ, — есть единственный источникъ всего, что называется у людей истиною".

[2]) Разбирая въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ (въ Елисаветинъ день, 6-го сентября 1749 года) рѣчь академика Миллера, онъ, между прочимъ, сказалъ: „Благопристойность и осторожность требуютъ, чтобы правда была предлагаема нѣкоторымъ пріятнѣйшимъ образомъ: давно уже вѣдомо изъ Теренція, римскаго комика, что нагая истина (что-жъ дѣлать? сіе есть одно изъ состояній оплакуемыя человѣческія слабости) ненависть рождаетъ, а гибкая на всѣ стороны поступка только-жъ бы беспорочная, ибо чаще такая услуга бываетъ противнымъ образомъ, а особливо въ надеждѣ полученія, гибкая, говорю я, и удобообращающаяся поступка пріобрѣтаетъ множество друговъ и благодѣтелей".

(Кояловичъ. „Ист. русскаго самосознанія", 101).

совѣстнаго ихъ освѣщенія. Послѣднее же всегда и неизбѣжно будетъ имѣть субъективный характеръ, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ духовнаго уклада изслѣдователя. Подъ обаяніемъ художественнаго образа пушкинскаго Пимена, мы нерѣдко склонны видѣть въ древнемъ лѣтописцѣ какъ бы идеалъ безстрастнаго бытописателя, обязательный для всякаго историка:

Неизбѣжность и желательность субъективнаго пониманія исторіи.

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ-же видъ—смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Кто изъ насъ не помнитъ этихъ дивныхъ строфъ, такъ много говорящихъ русскому сердцу! Тѣмъ не менѣе, приходится признать даже въ этой области подбора простѣйшихъ голыхъ фактовъ наличіе извѣстнаго ихъ освѣщенія со своей личной точки зрѣнія.

«Лѣтописцы того времени, замѣчаетъ по этому поводу профес. Ключевскій,—не были безстрастными и даже безпристрастными наблюдателями совершавшихся событій, какъ мы склонны ихъ представлять себѣ: у каждаго изъ нихъ были свои мѣстные политическіе интересы, свои династическія и областныя сочувствія и антипатіи» [1]).

Съ этимъ согласенъ и професс. Кояловичъ, совершенно основательно утверждая, что «и древнѣйшій нашъ лѣтописецъ, писавшій безхитростно свою лѣтопись, и послѣдній подьячій московскихъ временъ, составлявшій простую бумагу, и ученѣйшій русскій историкъ новѣйшихъ временъ—всѣ субъективны, всѣ высказывали и высказываютъ такъ или иначе свое пониманіе дѣлъ. Я не думаю, чтобы позволительно было скрывать это или слѣдовало стыдиться. Раньше или позже это откроется» [2]).

Нѣсколько иначе относится къ этому капитальному во-

---

[1]) „Курсъ рус. исторіи“, I, 109. Москва 1904 г.
[2]) „Исторія рус. самосознанія“, с. XLII.

просу историографической этики Корсаковъ. Считая, что объективизмъ составляетъ все же для каждаго изслѣдователя conditio sine qua non, онъ въ то-же время готовъ согласиться, что на дѣлѣ «субъективизмъ историка постоянно даетъ себя знать» [1]). Такимъ образомъ, онъ не отказывается отъ своего идеала, а только съ сожалѣніемъ констатируетъ его практическую неосуществимость. Это уже какъ бы нѣкоторый компромиссъ между крайними взглядами Полевого и Кояловича. Послѣдній, находя вредными и нежелательными произвольныя философскія теоріи и поверхностныя умозаключенія, приходитъ къ глубокому убѣжденію, что «вообще субъективное воззрѣніе и неизбѣжно, и необходимо, и желательно» [2]).

Тенденціозность такъ называемаго «научнаго объективизма».

На этой исчерпывающей предметъ формулѣ можно бы и остановиться. Но мнѣ хотѣлось бы нѣсколько дополнить ее соображеніями другого рода. Обыкновенно принято думать, что субъективность—это синонимъ пристрастія, тогда какъ объективность — гарантія отъ него. Однако это не совсѣмъ такъ и погоня за моднымъ объективизмомъ нерѣдко приводитъ къ результатамъ, вовсе не отвѣчающимъ назначенію исторической науки [3]). Подъ флагомъ такъ называемой

Мода на развѣнчиваніе историческихъ героевъ. «Разрушители легендъ» во Франціи.

---

[1]) Тамъ-же, 578.

[2]) Тамъ-же, 434. Достойно, между прочимъ, вниманія, что въ послѣднее время, даже въ области естественныхъ наукъ, непогрѣшимость объективнаго метода стала подвергаться сомнѣнію. Извѣстный Эльпе, разбирая приложеніе такого метода къ изученію психической жизни животныхъ, приходитъ къ заключенію, что „этотъ методъ стремится лишить психологію существа ея, ея содержанія, души. Самый методъ измышленъ исключительно съ одной цѣлью: свести всѣ психическія явленія къ тому намѣченному еще Декартомъ автоматизму, при которомъ признаніе души, какъ самостоятельнаго начала, не представляетъ для жизни никакой цѣнности. В. Вагнеръ полагаетъ, что эта точка зрѣнія новая, въ дѣйствительности же она очень устарѣла и, сколько бы ни усердствовали объективисты, ея не обновить. Она сдана уже въ архивъ".

(„Научныя письма", Н. Вр. 1910 г. № 12469).

[3]) Къ подобнымъ „разрушителямъ легендъ", одержимымъ какимъ то обличительнымъ зудомъ, можно отнести, напримѣръ, академика и профессора Сорбоны, Поля Жирара, очень популярнаго теперь въ Парижѣ. (Нов. Вр. 1911 г. № 12680). Этотъ талантливый ученый употребилъ не мало времени, чтобы, съ документами въ рукахъ, разбить красивую легенду о Фринѣ и доказать, что защитникъ ея передъ аре-

«научной объективности» проникаетъ въ нашу историческую литературу не мало грубо тендеціозныхъ сочиненій, весьма безцеремонно обращающихся съ истиною и стремящихся лишь угодить господствующимъ вкусамъ тѣхъ или другихъ общественныхъ круговъ. Такимъ путемъ вкралось въ нашу исторію много фальши и искаженій. Существенная черта жизни русскаго славянства—подвигъ и доблесть, исчезли понемногу въ такого рода произведеніяхъ, такъ какъ, по мѣткому замѣчанію того же Кояловича, «ни объективнаго подвига, ни объективной доблести не бываетъ—это нелѣпость. Поникли передъ объективностью знаменитѣйшіе люди нашей родины, поблѣднѣли блистательнѣйшія дѣла, получили и въ русской исторіи гражданство лживость, тиранія, безнравственность» [1]).

Починъ профессора Н. И. Костомарова.

Къ сожалѣнію, однимъ изъ піонеровъ на этомъ скользкомъ пути очутился, быть можетъ неожиданно для самого себя, даровитѣйшій историкъ и блестящій профессоръ 60-хъ годовъ, Н. И. Костомаровъ. Подъ вліяніемъ господствовавшей въ кружкѣ украйнофиловъ федеративной теоріи и другихъ псевдо-либеральныхъ тенденцій того бурнаго времени, Костомаровъ не удержался отъ искушенія отдѣлить народъ отъ государства, противопоставить ихъ другъ другу, и затѣмъ приступить къ развѣнчиванію неугодныхъ ему почему либо національныхъ героевъ. Послѣ такой операціи отъ великой русской женщины св. Ольги не осталось и слѣда; Дмитрій Донской оказался трусомъ и гнуснымъ предателемъ; Скопинъ-Шуйскій,

---

опагомъ, Гиперидъ, никогда вовсе и не сбрасывалъ съ нея покрывало. Подумаешь, какъ это важно для исторіи! Вотъ ужъ именно стрѣльба изъ 12-ти дюймовой пушки по воробьямъ, какъ любилъ говорить въ такихъ случаяхъ одинъ нашъ почтенный преподаватель въ Морскомъ Училищѣ. А результатъ? Одной дивной сказкой стало на свѣтѣ меньше, а ихъ и безъ того уже не много осталось. Забываются полныя глубокого смысла слова великаго поэта:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

А что, если, къ тому же, и „документы“ г. Жирара окажутся при новой попыткѣ въ нихъ разобраться не совсѣмъ благонадежными? Такихъ случаевъ вѣдь встрѣчается не мало, особенно въ вопросахъ, касающихся „сѣдой древности“.

[1]) „Ист. рус. самосознанія“, 574.

Пожарскій и Мининъ—заурядными, ничѣмъ не замѣчательными людьми, и т. д. Костомаровъ былъ слишкомъ уменъ и добросовѣстенъ, чтобы въ концѣ концовъ не сознать своей ошибки; но было уже поздно и соблазненные его примѣромъ многіе «изъ малыхъ сихъ», зачастую невѣжественные и бездарные, принялись съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, охолащивать свою отечественную исторію на всевозможные лады. Наша интеллигенція, и безъ того безпочвенная и склонная къ космополитическимъ бреднямъ, съ легкимъ сердцемъ отдалась новому теченію и поспѣшила освободить себя отъ всякихъ историческихъ «предразсудковъ». За нею потянулась и учащаяся молодежь [1]).

Соблазнъ въ школахъ.

---

[1]) Духъ этотъ проникъ даже въ военно-учебныя заведенія, и безъ того носившія тогда полуштатскій обликъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ прошлаго“ (IV, 296) П. Д. Паренсовъ приводитъ весьма характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ, имѣвшій мѣсто на экзаменѣ по русской исторіи въ Петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ, подъ его предсѣдательствомъ: „На экзаменѣ этомъ пришлось встрѣтиться съ очень интереснымъ явленіемъ, какъ уже въ это время гражданскіе преподаватели, преимущественно изъ молодыхъ, настраивали учащуюся молодежь въ извѣстномъ направленіи. Отвѣчалъ изъ русской исторіи юнкеръ Гильдебрандъ, сынъ моего стараго батарейнаго командира П. И. Гильдебранда, о которомъ я упоминалъ въ 3-й части „Изъ прошлаго“, „Затишье“, гл. I. Гильдебрандъ разсказывалъ о Куликовской битвѣ, отвѣчалъ порядочно. Когда онъ кончилъ, молодой преподаватель во фракѣ, сидѣвшій около меня, задалъ слѣдующій вопросъ: „Можете ли вы намъ сказать, какъ велъ себя въ этомъ сраженіи самъ князь Дмитрій Донской“? Юнкеръ смущенно глядитъ на меня, молчитъ и преподаватель начинаетъ его „направлять“.—„Скажите, хорошо ли онъ велъ себя какъ воинъ?“ Гильдебрандъ очень смущенно отвѣтилъ: „нѣтъ, не хорошо“, на что учитель сказалъ: „да скажите прямо: онъ показалъ себя трусомъ“.

По окончаніи экзамена, въ инспекторской комнатѣ, я сказалъ директору, полковнику Радзишевскому и инспектору, полковнику Абаза (извѣстный составитель книжекъ для солдатъ), что не могу согласиться съ правильностью такого „освѣщенія“ историческихъ фактовъ и что упомяну объ этомъ въ моемъ отчетѣ“.

Костомаровъ и его послѣдователи, очевидно, уже успѣли сдѣлать свое дѣло. А между тѣмъ, историческая правда, въ концѣ то концовъ оказалась вовсе не на ихъ сторонѣ. Ключевскій, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить въ излишней снисходительности къ нашимъ князьямъ, свидѣтельствуетъ, что „въ шести поколѣніяхъ одинъ Дмитрій Донской далеко выдался впередъ изъ строго выровненнаго ряда сво-

Все вырабатываемое исторической наукой должно, конечно, такъ или иначе отразиться и на спеціальныхъ ея отрасляхъ, къ каковымъ принадлежитъ и наша военно-морская исторія. Отозвалось на ней и новое реалистическо-объективное направленіе. Особенно повезло въ этомъ отношеніи адмиралу Нахимову [1]). Ему ставилось въ вину и то, что онъ не Нельсонъ (даже не Ушаковъ и не Сенявинъ), и то, что подъ Синопомъ онъ разбилъ турокъ безъ соблюденія всякихъ тактическихъ правилъ, и то, что онъ самый заурядный и ограниченный человѣкъ, и многое другое [2]). А то, что Нахимовъ, будучи

Отраженіе взглядовъ Костомарова въ морской исторіи.

«Объективная» оцѣнка адмирала Нахимова. Иниціатива анонимнаго автора очерка «Изъ записокъ Севастопольца».

Нахимовъ и Нельсонъ.

ихъ предшественниковъ и преемниковъ" и что въ числѣ другихъ исключительныхъ обстоятельствъ его 30-и лѣтняго бурнаго княженія болѣе всего великое побоище на Дону положило на него яркій отблескъ Александра Невскаго". Таковъ былъ въ дѣйствительности, по словамъ лѣтописца, этотъ витязь „крѣпокъ и мужественъ и взоромъ дивенъ зѣло". („Курсъ рус. ист." II, 60). Къ чему же было тогда огородъ городить и всякую дрянь на немъ сажать?

[1]) Конечно, говорить о *дѣйствительномъ* (т. е. не искаженномъ въ ту или другую сторону) значеніи Нахимова и Корнилова по сравненію съ Ушаковымъ, Сенявинымъ или Нельсономъ—это еще вовсе не значитъ „развѣнчивать" первыхъ. Но все дѣло въ томъ, *что* и *какъ* говорить.

[2]) Иниціатива такого тенденціознаго отношенія къ нашимъ выдающимся морякамъ той эпохи принадлежитъ, повидимому, какому то анонимному „Севастопольцу", который, по словамъ покойнаго морского историка В. Ф. Головачева (М. Сб. 1903 г. № 12, „Воспоминанія по поводу 50-и лѣтняго юбилея Синопскаго сраженія"), „увидѣлъ одинъ разъ на батареѣ покойнаго Павла Степановича Нахимова, и по надѣтой у него нѣсколько на затылокъ фуражкѣ, призналъ его за простака и чудака, недостойнаго того глубокаго уваженія, которымъ онъ пользовался отъ людей, близко его знавшихъ". Сенсаціонная статья „Изъ записокъ Севастопольца" (Р. Архивъ 1867 г. с. 1581) въ свое время возбудила не мало толковъ, особенно въ морской средѣ. Написана она бойко и остроумно, подкупая своею кажущеюся правдивостью. Автору нельзя отказать въ извѣстной наблюдательности, хотя и довольно поверхностной. Подмѣтивъ вѣрно нѣкоторые факты и уловивъ кое-какое внѣшнее сходство, онъ поторопился набросать нѣсколько сомнительныхъ силуэтовъ, ничуть не заботясь о внутреннемъ (самомъ важномъ) сходствѣ ихъ съ оригиналами.

Должно быть, лавры Костомарова не давали ему спать... И какъ произвольныя теоріи этого историка возстановили противъ него здравомыслящую часть русскаго общества (во главѣ съ Погодинымъ), такъ и легкомысленная затѣя „Севастопольца" естественно возбудила противъ него негодованіе моряковъ (Краббе, Асланбеговъ, и др.).

прекраснымъ воспитателемъ личнаго состава, сумѣлъ поднять *духъ* его на небывалую почти высоту; что, подобно Нельсону, онъ видѣлъ въ командирахъ своихъ *братьевъ*, на которыхъ могъ всегда безусловно положиться; что суда его эскадры содержались въ образцовомъ порядкѣ и всегдашней готовности для боя и крейсерства—все это блестящее осуществленіе принципа органической связи, главный залогъ побѣды, исчезло куда-то, какъ дымъ. Самая побѣда, вѣнецъ боя, должна была померкнуть передъ тактическими промахами адмирала. То, что Нельсону справедливо ставится въ заслугу, то у Нахимова совершенно игнорируется.

Школа и жизнь.

Удивительное дѣло! Кто изъ насъ не знаетъ, что «человѣкъ есть, былъ и навсегда останется главнымъ орудіемъ войны?» Эта заѣзженная во всѣхъ военныхъ академіяхъ и училищахъ формула успѣла уже стать какимъ-то общимъ мѣстомъ. Но посмотрите: едва зайдетъ рѣчь о примѣненіи ея на дѣлѣ, какъ тотчасъ же ее начинаютъ оттѣснять на задній планъ разные «принципы», «нормы», «правила» и прочіе неизбѣжные атрибуты всякой теоріи. Вещи все сами по себѣ весьма почтенныя и необходимыя, но, во всякомъ случаѣ, не главныя [1]).

Солидарность во взглядахъ обоихъ адмираловъ на воспитаніе личнаго состава.

По многимъ и весьма понятнымъ причинамъ Нахимова нельзя, конечно, и сравнивать съ Нельсономъ: слишкомъ большая разница въ масштабахъ. Но есть у нихъ несомнѣнно и общія черты, указывающія на нѣкоторое духовное сродство.

Прежде всего имъ обоимъ, несмотря на то, что они не

---

[1]) Адмирала Рожественскаго нельзя было, конечно, упрекнуть въ незнакомствѣ съ теоріей в. м. искусства, но это нисколько не застраховало его отъ пренебреженія къ нравственному элементу на своей эскадрѣ. А между тѣмъ, такое удивительное невниманіе къ „главному орудію войны“ и превратило Цусимское *пораженіе* (обусловленное множествомъ другихъ причинъ) въ ужасную *катастрофу*, вовсе не неизбѣжную при настоящей обстановкѣ.

Такихъ примѣровъ въ в. м. исторіи сколько угодно и всѣ они, по справедливому замѣчанію Н. Л. Кладо, „неустанно твердятъ намъ—не будемьте забывать, что $^3/_4$ успѣха на войнѣ зависитъ отъ духовнаго начала, а главнымъ его носителемъ и выразителемъ является начальствующій персоналъ“.

(„Введеніе въ ист. в. м. искусства“, 258).

были въ нашихъ академіяхъ, удалось наилучшимъ образомъ осуществить на своихъ судахъ и эскадрахъ ту самую излюбленную формулу, съ которой мы, столь искусившіеся въ теоріи военнаго искусства, никакъ справиться не можемъ. Воздавая должное заслугамъ въ этомъ отношеніи своего знаменитаго предшественника и приписывая совершенно резонно главнымъ образомъ имъ-же его блестящія побѣды, Нахимовъ говоритъ: «Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неусыпно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; я этою привязанностью дорожу больше, чѣмъ отзывами чванныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ-же какъ у всякаго другого» [1]).

Сходство въ пониманіи задачъ морской тактики, но различіе въ пріемахъ.

Другая черта сходства заключается (какъ это ни можетъ показаться парадоксальнымъ) въ однородности основнаго взгляда на морскую тактику, въ одинаковой почти оцѣнкѣ ея смысла и общаго характера. Пріемы у нихъ различные, но духъ одинъ.

«Я имѣлъ счастіе, милордъ,—писалъ Нельсонъ къ лорду Гау послѣ Абукирскаго сраженія, — командовать *арміей братьевъ*, и потому ночное дѣло совершенно клонилось въ мою пользу. Каждый изъ насъ зналъ, что ему дѣлать, и я былъ увѣренъ, что каждый изъ моихъ кораблей будетъ искать въ огнѣ французскаго». Приводя это характерное письмо, Жюрьенъ де ля Гравьеръ очень вѣрно замѣчаетъ, что «подобное довѣріе весьма упрощаетъ положенія, и очень можетъ извинить нѣкоторыя неосторожности» [2]). Вотъ золотыя слова, которыя не слѣдовало бы упускать изъ виду при оцѣнкѣ Синопскаго боя. Незадолго до послѣдняго, Нахимовъ, готовясь къ давно желанной встрѣчѣ съ непріятельскимъ флотомъ,

---

[1]) Гершельманъ, „Нравств. элементъ подъ Севастополемъ“ СПБ., 1897 г., 429.

[2]) „Морскія войны временъ французской республики и имперіи“ СПБ. 1851 г., I, 120.

хотя бы и сильнѣйшимъ, отдалъ приказъ по эскадрѣ, заканчивающійся знаменательными словами: «Увѣдомляю г. г. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, *превышающимъ насъ въ силахъ*, я атакую его, будучи вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло» [1]). Другой приказъ, объявленный уже наканунѣ самаго боя, заканчивался такими строками: «Въ заключеніе, я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія» [2]).

Нахимовъ по духу своему ближе къ Нельсону чѣмъ Ушаковъ.

Не правда ли, какъ много духовной гармоніи въ этихъ боевыхъ документахъ обоихъ адмираловъ, разобщенныхъ между собой полувѣковымъ промежуткомъ. Вспомнимъ предсмертный сигналъ англійскаго витязя въ началѣ Трафальгарскаго боя: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ»! Нельсонъ не понималъ и не любилъ Ушакова, но, мнѣ кажется, онъ сошелся бы съ Нахимовымъ. И врядъ ли этому могли бы особенно помѣшать разногласія тактическаго характера, какъ о томъ нерѣдко приходится слышать теперь. По крайней мѣрѣ, Жюрьенъ-де-ля-Гравьеръ, безспорно одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи и притомъ искренній поклонникъ Нельсона, не обинуясь констатируетъ, что «вся тактика Нельсона, со всѣмъ ея величіемъ и ея ошибочностью, заключается въ одномъ правилѣ: броситься съ рѣшимостью въ самый пылъ опасности и надѣяться на товарищей, чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ». И дальше: «Слѣдя за нимъ на полѣ битвы, изучивъ средства и ихъ результаты въ великихъ событіяхъ, имъ совершенныхъ, чувствуешь невольное желаніе, *вопреки принятымъ идеямъ*, приложить къ нему мнѣніе Джервиса о побѣ-

---

[1]) „Нравств. элементъ подъ Севастополемъ“, 434. Курсивъ мой.
[2]) „Нравств. эл. подъ Севастополемъ“, 436.

дителѣ при Кампердоунѣ.— «Это былъ храбрый офицеръ, мало постигавшій тонкости тактики, въ которыхъ онъ скоро бы запутался. Увидя непріятеля, онъ поспѣшилъ къ нему, не заботясь о томъ, какой выстроить ордеръ баталіи. Чтобы побѣдить, онъ разсчитываетъ на мужественный примѣръ, какой онъ хотѣлъ подать своимъ капитанамъ, и результатъ соотвѣтствовалъ его надеждамъ» [1]).

Развѣ это ужъ такъ не похоже на Нахимова?

Нахимовъ выполнилъ предназначенную ему роль безукоризненно.

Оцѣнка личности и дѣятельности этого оригинальнаго человѣка и незауряднаго адмирала не входитъ въ рамки настоящаго изслѣдованія, а потому мы не можемъ здѣсь дольше останавливаться на относящихся сюда интересныхъ подробностяхъ. Приведемъ лишь въ заключеніе прекрасныя слова выдающагося римскаго стоика Эпиктета, которыя цитируетъ и Асланбеговъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Адмиралъ П. С. Нахимовъ» (Рус. Архивъ 1868 г., с. 407): «Мы здѣсь на сценѣ, гдѣ каждый долженъ сыграть назначенную ему роль. Великая обязанность, лежащая на человѣкѣ, заключается въ томъ, чтобы выполнить свою роль въ совершенствѣ».

Это и посчастливилось сдѣлать Нахимову въ предѣлахъ отведеннаго ему волею судебъ репертуара.

Необходимость для историка художественнаго творчества.

На необходимости и неизбѣжности субъективнаго пониманія исторіи краснорѣчиво настаивалъ и извѣстный ученый цивилистъ Побѣдоносцевъ. Онъ даже идетъ дальше и требуетъ отъ историка художественнаго творчества. Онъ справедливо полагаетъ, что, стремясь къ начертанію вѣрной картины событій въ современной имъ обстановкѣ и къ возможно полному возстановленію факта, а также къ объясненію причинъ, послѣдствій и мотивовъ исторической дѣятельности, наука не можетъ, очевидно, обойтись безъ художества, и «всякій подлинный историкъ долженъ быть художникомъ въ трудѣ своемъ». Но для художества необходимъ идеалъ, черты коего могутъ быть далеко не одинаковы у каждаго. А между тѣмъ,

---

[1]) „Морскія войны", I, 119. Курсивъ мой. Рѣчь идетъ здѣсь объ адмиралѣ Дунканѣ, разбившемъ Голландскій флотъ при Кампердоунѣ 11-го Октября 1797 года.

имъ то и опредѣляется характеръ исторической критики. Отсюда и удивительныя подчасъ противорѣчія въ ея сужденіяхъ и приговорахъ о знаменитѣйшихъ дѣятеляхъ и важнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи.

Непостоянство исторической критики. Примѣры различнаго отношенія изслѣдователей къ тѣмъ же самымъ фактамъ.

Для иллюстраціи этого положенія можно указать въ исторіи не мало примѣровъ. Остановимся здѣсь на трехъ [1]):

1) Взгляды спеціалистовъ по исторіи Екатерины II на характеръ ея внѣшней политики:

а) «Ея политика относительно Польши и Швеціи *совершенно тождественна*, хотя результаты получились различные: шведы устояли, поляки нѣтъ» (Бильбасовъ, «Памяти Екатерины II», Рус. Старина 1896 г., XI, 280).

б) «Политика Россіи въ Швеціи *не имѣла ничего общаго* съ политикой Россіи въ Польшѣ (Чечулинъ, Положенія, извлеч. изъ диссертаціи 8 Дек. 1896 г. «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», п. 7).

2) Отношеніе морскихъ писателей къ колонизаторской дѣятельности на Тихомъ океанѣ въ эту же эпоху извѣстнаго купца Шелихова:

а) «Въ особенности же пріобрѣлъ извѣстность на островахъ *своими неблаговидными дѣйствіями* промышленникъ Шелиховъ» (Сгибневъ, «Рязановъ и Крузенштернъ», Др. и Новая Россія, 1877 г. № 4).

б) «*Привлекая ласковымъ обращеніемъ и справедливостью* туземцевъ, онъ завелъ съ ними торговыя сношенія и всѣми средствами старался знакомить ихъ съ полезными сторонами цивилизаціи и даже, насколько можно, просвѣщать истинами православной вѣры» (Веселаго, «Кр. исторія рус. флота», 223).

3) Оцѣнка царствованія Елизаветы Петровны:

а) «Вдругъ все перемѣнилось,—говоритъ профессоръ Бестужевъ, дочь Петра Великаго взошла на престолъ. Русская душою, благоговѣя къ памяти великаго отца своего, Елизавета Петровна сумѣла выбрать помощниковъ, сумѣла женскимъ тактомъ держать себя внѣ окружающихъ ее интригъ и

---

[1]) Курсивъ мой.

принесла много пользы русской землѣ» (Др. и Новая Россія 1877 г. № 1, «Чему учитъ русская исторія»).

б) «Безпорядокъ и разстройство, — читаемъ мы у Бильбасова, — начались вслѣдъ за смертью Петра Великаго, продолжались при его слабыхъ преемникахъ и, быть можетъ, *Елизавета Петровна болѣе другихъ содѣйствовала ослабленію внутренняго организма имперіи»* («Исторія Екатерины II», т. II, 204).

И врядъ ли когда нибудь положеніе это улучшится, такъ какъ, по справедливому замѣчанію того-же Побѣдоносцева, «самый идеалъ ея (критики) представляетъ колеблющіяся черты и съ каждымъ поколѣніемъ ученыхъ и художниковъ измѣняется» [1]).

Вполнѣ естественно, что необходимость художественнаго творчества въ исторіи наиболѣе сильно сознается профессіональными художниками слова. Особенно красиво и сильно вылилось это у Полонскаго:

Безъ этой творческой мечты
Нѣтъ правды въ жизни, смысла въ лицахъ,
Нѣтъ ни одной живой черты
На историческихъ страницахъ.

Идеалъ историка.

Итакъ, историкъ долженъ быть въ одно и то же время мыслителемъ и художникомъ. Но въ дѣйствительности такое счастливое сочетаніе встрѣчается такъ-же рѣдко, какъ и идеальный квадратъ Наполеона (умъ=волѣ) у полководцевъ. Изъ русскихъ историковъ наиболѣе типичными въ этомъ смыслѣ можно признать, пожалуй, Н. И. Костомарова и В. О. Ключевскаго. Первый изъ нихъ, поэтъ по призванію, не могъ даже отказаться отъ соблазна попытать свои силы въ области беллетристики («Ифигенія въ Тавридѣ», «Кудеяръ», и др.) и свою врожденную способность къ образному мышленію съ особенною силою проявилъ въ лучшихъ своихъ историческихъ монографіяхъ.

Другой великій художникъ слова, обладая еще болѣе дивнымъ даромъ историческаго чутья и творческой прозорливости, уноситъ насъ съ собой въ туманную даль минувшихъ вѣковъ.

---

[1]) „Московскій Сборникъ“ 1896 г. 140.

заставляя вмѣстѣ съ нимъ переживать изображаемыя событія, а не созерцать ихъ только въ телескопъ.

Изъ нашихъ морскихъ историковъ къ этой категоріи можно причислить одного, развѣ, В. Ф. Головачева. Сравнивать его съ упомянутыми корифеями отечественной исторіи, конечно, нельзя, но у него, какъ и у тѣхъ, замѣтно особенное умѣніе переноситься воображеніемъ въ описываемую эпоху и нѣсколькими мѣткими штрихами обрисовывать дѣйствующія лица. Подъ безпристрастнымъ перомъ его оживаютъ давно исчезнувшія изъ жизни фигуры, хотя и не въ томъ, нѣсколько театральномъ, видѣ, въ какомъ мы привыкли ихъ встрѣчать раньше [1]).

---

[1]) Мой некрологъ Головачева († 6 Ноября 1904 г.). „Кр. Вѣстникъ“, № 142.

IV.

Уроки прошлаго.

Міровоззрѣніе историка.—Главныя теченія русской общественной мысли: западничество и славянофильство.—Византія и Римъ.—Равненіе на Западъ.—Самобытность русской исторіи.—Сущность славянофильскаго ученія.—Завѣтъ Достоевскаго.—Происхожденіе русской исторической науки.—Призваніе варяговъ Академіею Наукъ.—Національность въ наукѣ.—Преимущество славянофильскаго пониманія русской исторіи для лучшаго уразумѣнія своего прошлаго.—Попытки славянофильскаго построенія русской исторіи.—Раздѣленіе труда. Орлы и кроты.—Значеніе архивной работы и ея условія. Уроки прошлаго. Пренебреженіе къ нимъ.—Примѣры.—Утилитарное значеніе исторіи и повторяемость событій.—Примѣры.—Искусственность объясненія Гангутской операціи съ точки зрѣнія теоріи в. м. искусства.—Особая важность нравственнаго значенія исторіи.—Историческіе грѣхи нашей морской политики.—Отказъ отъ морской станціи въ Архипелагѣ.—Отказъ отъ о. Минорки. Уступка Норвегіи Пазрѣцкой бухты.—Отказъ отъ о. Цусимы.—Уступка Америкѣ колоній на Тихомъ океанѣ.—Отказъ отъ Шпицбергена.—Опасность потерять Новую Землю.—Вредная централизація прежняго м. управленія. Искаженіе петровскаго взгляда на званіе генералъ-адмирала.—Преждевременное сокращеніе срока службы во флотѣ.—Вѣчное запаздываніе, какъ неизбѣжное послѣдствіе подражанія.—Неустойчивость морской идеи въ Россіи.—Ошибочное представленіе о „континентальности“ Россіи.—Россія континентальная страна, но морская держава.—Пренебреженіе къ своей исторіи никогда не проходитъ даромъ.

Міровоззрѣніе историка.

Итакъ, субъективное отношеніе историка къ своему предмету неизбѣжно и желательно. Характеръ его опредѣляется въ зависимости отъ общаго міровоззрѣнія историка. Послѣднее складывалось у насъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ двухъ мощныхъ теченій общественной мысли: *западничества* и *славянофильства*. Представители обоихъ этихъ направленій относятся большею частью совершенно различно къ однимъ и тѣмъ же историческимъ фактамъ. Необходимо поэтому хотя нѣсколько разобраться въ данномъ вопросѣ и попытаться выяснить, какое же изъ двухъ направленій является наиболѣе

Главныя теченія русской общественной мысли: западничество и славянофильство.

плодотворнымъ для изученія отечественной, а слѣдовательно и своей морской исторіи.

«Западничество и славянофильство, какъ справедливо указываетъ г. Бердяевъ, не только публицистическія, но и философскія направленія» [1]). Отъ нихъ остались глубокія колеи на нашей культурной нивѣ. Россія, какъ извѣстно, зачалась въ половинѣ IX вѣка великимъ путемъ «изъ варягъ въ греки». Этимъ путемъ мы получили первые зачатки христіанства и цивилизаціи непосредственно отъ Византіи. Подъ ея могучимъ вліяніемъ сложилась и вся дальнѣйшая наша исторія. Но молодой и свѣжій народъ внесъ въ нее много особенностей, использовавъ византійское наслѣдство въ своемъ національномъ духѣ. Другой могучій центръ древней цивилизаціи— Римъ, стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ нашего пути, и то, что намъ приходилось иногда получать оттуда, носило неизбѣжно слѣды нѣмецкой обработки, фабричное германское клеймо: «made in Germany». Византійство вошло въ плоть и кровь русскаго народа и стало для него чѣмъ-то близкимъ, роднымъ. Западничество пришло значительно позже, кружнымъ путемъ, и, отожествляемое нерѣдко съ петровской насильственной реформой, первое время не пользовалось популярностью, въ качествѣ именно «нѣмецкой штуки». За то теперь оно получило значительное распространеніе и является чуть ли не синонимомъ передового образа мышленія, быть можетъ вслѣдствіе склонности своей къ атеизму [2]). Петровское окно въ Европу освѣжило Русь, но и одурманило ее. Многіе стали думать, что только и свѣта, что въ этомъ окошкѣ. Оглядываться на Европу намъ, конечно, необходимо, особенно

Византія и Римъ.

Равненіе на Западъ.

---

[1]) „Вѣхи". Сборникъ статей о русской интеллигенціи, 4. Москва 1909 г.

[2]) Въ глазахъ В. Соловьева Византія являлась по преимуществу источникомъ вѣры и умственнаго застоя, тогда какъ Римъ представлялъ благопріятную почву для развитія анализа и критики разума („Три разговора"). Въ историческомъ смыслѣ это, можетъ быть, и не слѣдуетъ принимать ужъ такъ буквально, но въ общихъ, грубыхъ штрихахъ міровая роль обоихъ центровъ древней культуры очерчена вѣрно.

теперь; но, по мѣткому выраженію Драгомирова, и «равняться на западъ» нужно съ умомъ.

Самобытность русской исторіи.

Самобытности нашей не отрицаютъ даже и такіе историки, которыхъ заподозрѣть въ особой склонности къ славянофильскимъ тенденціямъ врядъ ли можно. «Каждый народъ, говоритъ, напримѣръ, профес. Карѣевъ,—придаетъ общему для многихъ явленію своеобразную окраску, и каждый народъ создаетъ нѣчто свое, что усвояется потомъ другими народами, и такимъ образомъ дѣлается общимъ имъ всѣмъ» [1]). К. Валишевскій идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше и высказывается опредѣленнѣе: «Это не Европа и не Азія, а шестая часть свѣта, сказалъ кто-то справедливо. Но эта самобытная Россія, которая, вѣроятно, останется таковой и впредь, и, входя въ кругъ европейскихъ интересовъ, идетъ въ то же время своимъ путемъ, подчиняясь своимъ особеннымъ законамъ развитія и вдохновляясь западной культурой, не даетъ ей поглотить себя—этой Россіи, созданной Петромъ I, Екатерина II дала сознаніе ея силы, ея генія и ея историческаго предназначенія» [2]).

Но то, что для западниковъ является лишь однимъ изъ прочихъ элементовъ историческаго процесса, для славянофиловъ составляетъ душу этого процесса, источникъ живой воды, необходимый для одухотворенія всего таинственнаго прошлаго своего народа.

Сущность славянофильскаго ученія.

Еще въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ, въ университетской и общественной средѣ, появились первые поборники своеобразнаго пониманія русской исторіи, вскорѣ затѣмъ окрещенные именемъ славянофиловъ. Подъ этой общей кличкой разумѣлись люди, далеко не всегда одного масштаба и даже одной вѣры, но болѣе или менѣе солидарные во взглядахъ на основные устои новаго ученія (Погодинъ, Шевыревъ, Лешковъ, И. Бѣляевъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Елагины, Аксаковы, и др.).

Они, какъ и западники, начали съ отрицанія, но направили его, конечно, противъ Европы и ея вреднаго вліянія

[1]) „Общій ходъ всемірной исторіи“, 13.

[2]) „Романъ Императрицы“, 578. Съ этимъ, въ сущности, согласенъ и Менделѣевъ, утверждающій, что „страна-то, вѣдь, наша особая, стоящая между молотомъ Европы и наковальней Азіи, долженствующая такъ или иначе ихъ помирить“ („Къ познанію Россіи“, 3).

на нѣкоторыя стороны русской жизни. Однако, не ограничиваясь этимъ, они выставили и свой положительный нравственный идеалъ, обязательный для человѣческихъ обществъ [1]). Ихъ не могла не поразить очевидная несоразмѣрность между матеріальной и духовной стороною европейскаго прогресса, что Анненковъ, напримѣръ, формулировалъ такимъ образомъ: «Благосостояніе Европы, безпримѣрное въ исторіи, продолжаетъ еще расти, въ ущербъ все болѣе и болѣе грубѣющему нравственному смыслу ея» [2]).

Противъ пользованія плодами этой культуры славянофилы собственно не возставали, но считали безусловно необходимымъ предварительную переработку ихъ въ русскомъ національномъ духѣ, въ согласіи съ главнѣйшими устоями своего ученія. Не допускалось лишь усвоеніе нравственныхъ идеаловъ Запада, тѣмъ болѣе какой либо отдѣльной европейской народности (цѣликомъ). Отсюда уже логически вытекало отрицательное отношеніе славянофиловъ къ петровской реформѣ и воспитанной на ней интеллигенціи (разрывъ съ народомъ).

Государство является лишь выразителемъ внѣшней правды; внутренняя же правда кроется въ тайникахъ народной души. Природный даръ этотъ очищается и совершенствуется путемъ христіанства, въ лучахъ котораго и достигаетъ своего наибольшаго блеска. Этимъ объясняется органическая неразрывная связь русской народности съ православіемъ, составляющимъ для нея не просто лишь формальный религіозный культъ, а ея сущность, душу [3]).

---

[1]) „Нравственный подвигъ жизни,—говоритъ, напримѣръ, К. С. Аксаковъ,—предлежитъ не только каждому человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ, и каждый народъ рѣшаетъ его по своему, выбирая для совершенія его тотъ или другой путь... Всякая умственная, всякая духовная дѣятельность вся тѣсно соединена съ нравственнымъ вопросомъ". („Ист. рус. самосознанія", 250).

[2]) „Ист. рус. самосознанія", 251. Объ этой аномаліи историческаго прогресса я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ (гл. II).

[3]) Желающихъ ближе ознакомиться съ глубокимъ историческимъ и нравственнымъ значеніемъ православія для русскаго народа отсылаемъ къ прекрасной брошюркѣ проф. В. О. Ключевскаго „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа" (Св. Троицкая Сергіева Лавра, 1908 г.).

«Понявъ съ принятіемъ христіанской вѣры, что свобода только въ духѣ.—говоритъ Аксаковъ.—Россія постоянно стояла за свою душу, за свою вѣру». И далѣе: «Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей. по крайней мѣрѣ по стремленію своей жизни» [1]).

Эти то привлекательныя особенности русской народной души и имѣли обаятельное вліяніе какъ на нашихъ западныхъ окраинахъ, такъ и въ остальномъ славянствѣ, связанномъ съ нами племенными и духовными узами. Здѣсь завязка общественной солидарности, почва для идеи панславизма.

Въ ученіи славянофиловъ интеллигенція составляетъ одно неразрывное цѣлое со своимъ народомъ, и въ этомъ, быть можетъ, его главное достоинство. «Между смутнымъ чувствомъ народной массы и высшими проявленіями національнаго творчества въ искусствѣ и мышленіи, говорили они, закономѣрная послѣдовательность, связывающая всю народную жизнь въ одно пѣлое: „несознанная мысль, выработанная исторіей, выстраданная жизнью, потемненная ея многосложными отношеніями и разнородными интересами, восходитъ силою литературной дѣятельности по лѣстницѣ умственнаго развитія отъ низшихъ слоевъ общества до высшихъ круговъ его, отъ безотчетныхъ влеченій до послѣднихъ ступеней сознанія“,—и въ этомъ видѣ оно является уже не остроумной идеей, не діалектической игрой, но глубоко серіознымъ дѣломъ внутренняго самопознанія» [2]).

Такова въ общихъ чертахъ сущность этого непопулярнаго теперь ученія, которое однако въ свое время произвело весьма яркое впечатлѣніе на общество и оставило глубокіе слѣды въ русской исторической наукѣ.

Завѣтъ Достоевскаго.

Если правъ Достоевскій, утверждая, что «стать русскимъ значитъ перестать презирать народъ свой» и что, «ставъ самимъ собой, мы получимъ, наконецъ, обликъ человѣческій, а не обезьяній» [3]), то давно ужъ пора и на свою исторію

[1]) „Исторія рус. самосознанія“, 259.

[2]) „Вѣхи“, 86.

[3]) „Дневникъ Писателя“, январь 1877 г.

взглянуть своими русскими глазами, а не сквозь «нѣмецкія» очки.

Происхожденіе русской исторической науки.

Разрывъ Петра со всѣмъ прошлымъ страны не могъ, конечно, не отразиться и на первыхъ попыткахъ сознательнаго отношенія къ этому прошлому, явившихся къ тому же какъ разъ въ эпоху великихъ реформъ. «Отцемъ русской исторіи» принято обыкновенно считать В. Н. Татищева (1686—1748), а матерью ея, по остроумному замѣчанію Кояловича, была несомнѣнно *нѣмка*. Безъ призванія Варяговъ и тутъ не обошлось! На этотъ разъ ихъ пріютила наша академія наукъ, та самая, которая впослѣдствіи такъ безпощадно забаллотировала Менделѣева. Извѣстное дѣло:

Призваніе Варяговъ Академіею Наукъ.

Вѣдь нѣмцы тароваты,
Имъ вѣдомъ мракъ и свѣтъ,
Земля-жъ у насъ богата,
Порядка въ ней лишь нѣтъ.

И вотъ Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ и другіе нѣмцы—академики принялись копаться самымъ добросовѣстнымъ образомъ въ русскихъ лѣтописяхъ, обрабатывая ихъ, конечно, въ своемъ тевтонскомъ духѣ. Эти, сами по себѣ весьма почтенные, научные труды принесли русской исторіи больше вреда чѣмъ пользы, заложивъ прочный фундаментъ для антинаціональнаго пониманія ея важнѣйшихъ проблемъ.

На счетъ этого въ свое время безпокоился еще Ломоносовъ. «Изъ сего заключить можно,—писалъ онъ по поводу одного изъ трудовъ Шлецера,—какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная къ нимъ скотина» [1]).

Что нѣмцы умный народъ и даже обезьяну выдумали, это всѣмъ извѣстно, но что вмѣстѣ съ косами, буклями и пудрою они принесли на Русь много всякой дряни, отъ которой помутилось наше народное самосознаніе—это, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не всѣмъ ясно.

Національность въ наукѣ.

Истина, по самой сущности своей, не можетъ быть, конечно, національной, но способы служенія ей и пути, къ ней ведущіе, у каждаго народа могутъ быть свои. Мало того, самый выборъ

[1]) „Ист. рус. самосознанія“, 112.

для своего изслѣдованія той или иной стороны истины несомнѣнно опредѣляется психическими особенностями или душевнымъ укладомъ націи. Субъективное отношеніе къ наукѣ свойственно не только отдѣльнымъ людямъ, но и народу. Наука несомнѣнно окрашивается въ національные цвѣта. Даже такая отвлеченная вещь какъ философія носитъ ихъ слѣды. «Нарождается русская философія, говоритъ М. Бородкинъ, и въ ней неизбѣжно отражается наклонность русскихъ къ нравственному анализу и возвеличенію этической стороны жизни. Въ основу нашей философіи ляжетъ поэтому національный эмпиризмъ» [1]).

Если даже признать существованіе такъ называемой *исторической преемственности,* въ силу которой младшіе народы продолжаютъ какъ будто общее дѣло универсальной цивилизаціи, начатое ихъ предшественниками, то и въ такомъ случаѣ невозможно отрицать цѣнность отдѣльныхъ національныхъ вкладовъ въ эту міровую сокровищницу: каждый народъ стремится вѣдь истолковать полученное имъ наслѣдство по-своему. Россія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, и это давно уже поняла даже враждебная намъ Европа.

По словамъ англійскаго историка Карлейля, «русская государственная мысль, какъ носительница разума родной исторіи, не можетъ не быть чисто русской и исключительно русской, ибо она и въ исторической дѣйствительности связана съ русскимъ народомъ, его великимъ умомъ, создавшимъ великую имперію, съ его богатырскими силами, положенными на каждую пядь земли нынѣшней Россіи...» [2])

И это вполнѣ понятно. Если исторія есть, какъ мы это видѣли, прежде всего національное самосознаніе, то этимъ однимъ уже предрѣшается ея національный характеръ. Безусловно правъ поэтому М. Бородкинъ, утверждая, что онѣмеченіе или офранцуженіе умственное, научное, также недопу-

---

[1]) „Національность въ наукѣ", (Н. Вр. № 12831). Сюда же можно отнести замѣчаніе Н. Бердяева: „свойства русскаго національнаго духа указуютъ на то, что мы призваны творить въ области религіозной философіи" („Вѣхи", 19.)

[2]) „Національность въ наукѣ".

стимо, какъ и государственное [1]). Къ этому взгляду примыкаютъ теперь даже представители естественныхъ наукъ. «Наука, чтобы быть дѣйствительной наукой, а не налетомъ цивилизаціи, который во всякое время легко смести, говоритъ одинъ изъ нихъ, должна быть вѣрнымъ отраженіемъ, продуктомъ жизненныхъ интересовъ самого общества и, слѣдовательно, является въ самой своей сущности глубоко національной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ» [2]).

Преимущество славянофильскаго пониманія русской исторіи для лучшаго уразумѣнія своего прошлаго.

Все здѣсь изложенное приводитъ насъ къ убѣжденію въ превосходствѣ такъ называемаго славянофильскаго міровоззрѣнія для лучшаго и болѣе глубокаго уясненія себѣ духа и своеобразной сущности своей исторіи. Считаю, однако, необходимымъ оговориться, что, примыкая къ главнымъ основнымъ положеніямъ славянофильства, пріобщаясь, такъ сказать, къ его чистымъ и возвышеннымъ идеаламъ, я далекъ въ то же время отъ нѣкоторыхъ его узкихъ сектантскихъ крайностей, только умаляющихъ, на мой взглядъ, самый культъ. Подобно Достоевскому, могу сказать, что «я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ славянофилъ» [3]).

Попытка славянофильскаго построенія русской исторіи.

До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ русской исторіи, обработанной въ духѣ славянофильства и построенной на его принципахъ. Попытки, предпринимавшіяся въ этомъ направленіи К. Аксаковымъ, И. Бѣляевымъ, В. Лешковымъ и нѣкоторыми другими, не могли увѣнчаться успѣхомъ, вслѣдствіи неодолимыхъ пока затрудненій. «Само собой разумѣется, говоритъ по этому поводу Кояловичъ, что написать русскую исторію по началамъ славянофильскимъ необыкновенно трудно. Начала эти такъ глубоко захватываютъ русскую жизнь и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Наука, какъ продуктъ національнаго творчества“, с. 6. Еленкинъ.

[3]) „Дневникъ Писателя“, Іюль—Августъ 1977 г. Такъ, напримѣръ, будучи сторонникомъ здраваго государственнаго эгоизма во внѣшней политикѣ, я не могу цѣликомъ раздѣлять нѣкоторыхъ, хотя и благородныхъ, но сентиментальныхъ славянофильскихъ увлеченій, сбивающихъ Россію съ прямого историческаго пути и приносящихъ ей однѣ лишь горькія разочарованія.

такъ широко раздвигаютъ область знаній, необходимыхъ для пониманія этой жизни, что справиться съ этимъ весьма не легко, и возможно весьма не скоро» [1]).

Однимъ словомъ, при настоящемъ состояніи русской исторической науки это является задачей непосильной. Мы уже знаемъ, что теперь пока приходится ограничиваться, по преимуществу, собираніемъ матеріаловъ и первоначальной грубой ихъ обработкой. Соблюденіе при этомъ нѣкоторыхъ пріемовъ классификаціи и общихъ руководящихъ принциповъ, значительно увеличиваетъ, конечно, цѣнность подобной работы (Маколей).

Раздѣленіе труда. Орлы и кроты.

Согласно проникшему уже во всѣ области человѣческаго знанія принципу раздѣленія труда, и тутъ уже, въ первоначальной стадіи разработки историческихъ источниковъ, мы встрѣчаемся съ неизбѣжной спеціализаціей: одни занимаются только добываніемъ фактовъ и приведеніемъ ихъ въ извѣстную систему, другіе—освѣщеніемъ и обобщеніемъ ихъ, ради полученія нѣкоторыхъ выводовъ. Такимъ образомъ, тѣ и другіе работники приносятъ свою долю пользы въ общую сокровищницу науки, по мѣрѣ силъ, дарованій и обширности, и глубины поставленныхъ себѣ задачъ.

Профес. Кояловичъ остроумно сравниваетъ ихъ съ кротами и орлами.

«Кромѣ орловъ науки, бываютъ еще кроты ея, говоритъ онъ, кроты настоящіе, глубокоземельные. Глубоко и далеко взрываютъ они книжное и рукописное подземелье русской исторіи и обладаютъ чутьемъ, точно ясновидѣніемъ, гдѣ лежитъ лучшее сокровище и какъ правильнѣе докапываться до него? Не часто такіе кроты выносятъ наружу свою богатую и дорогую работу и рѣдко объявляются сами. Но когда вынесутъ ее и объявятся, то слетаются орлы и радостно разбираютъ вынесенное на свѣтъ Божій кротами. Бываютъ даже превращенія—орлы становятся кротами, кроты являются съ орлиною работою. Происходитъ счастливѣйшее явленіе въ русской исторіи,—объединеніе орлиной возвышенности мысли и знанія и кротовой глубины мысли и знанія» [2]).

---

[1]) „Ист. рус. самосознанія“, 260.

[2]) „Ист. рус. самосознанія“, 572.

Къ этому образному сравненію остается развѣ добавить, что орламъ присуща, главнымъ образомъ, *широта* взгляда, а кротамъ—*глубина*. Гармоничное сочетаніе обоихъ этихъ свойствъ, встрѣчающееся въ одномъ лицѣ весьма рѣдко, и составляетъ необходимое условіе для поддержанія научнаго равновѣсія въ историческомъ трудѣ. Гораздо чаще попадаются извѣстныя крыловскія куры, мнящія себя ничуть не хуже орловъ, въ виду того, «что по низу они летаютъ такъ, какъ куры», и забывая при этомъ, что хотя «орламъ случается и ниже куръ спускаться, но курамъ никогда до облакъ не подняться!» Не слѣдуетъ также смѣшивать трудолюбивыхъ и прозорливыхъ кротовъ съ такъ называемыми «архивными крысами», грызунами весьма вредными и плодовитыми.

Значеніе архивной работы и ея условія.

Этимъ еще не исчерпывается, однако, вопросъ о значеніи архивной работы. Нѣкоторые историки, не отрицая необходимости ея для подробнаго выясненія отдѣльныхъ событій и даже эпохъ, въ то же время находятъ, что для обоснованія своихъ выводовъ и обобщеній имъ вполнѣ достаточно и существующей литературы. Такое утвержденіе, можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ и справедливо, но оно не допускаетъ распространительнаго толкованія. Главной задачей историка является: 1) точное установленіе факта; 2) освѣщеніе его и оцѣнка, и 3) полученіе обоснованнаго на немъ вывода. Отсюда очевидно, что безъ выполненія перваго изъ этихъ условій и вся дальнѣйшая работа ничего не стоитъ. А мы уже знаемъ какъ трудно установить самый элементарный фактъ въ исторіи и какъ мало довѣрія заслуживаютъ иногда печатные труды.

«Опорою исторической истины можно принимать одни только факты,—говоритъ Головачевъ,—и потому для разысканія факта историку не слѣдуетъ щадить никакихъ трудовъ и усилій; онъ долженъ наряжать историческія слѣдствія и прибѣгать къ наиболѣе прочнымъ документальнымъ свидѣтельствамъ».

Почтенный писатель отлично сознаетъ при этомъ, что «самый тяжелый трудъ для историка, котораго очень основательно всѣ и обѣгаютъ, состоитъ въ отыскиваніи историче-

скихъ истинъ по архивамъ—трудъ, доступный только для лицъ, обезпеченныхъ во имя науки. Тутъ наше время не должно идти въ разсчетъ и, чѣмъ добросовѣстнѣе ваши поиски, тѣмъ менѣе они могутъ быть вознаграждены матеріально» [1]).

Но этого мало. Ограничиваться одними печатными произведеніями не всегда удобно не потому только, что между ними нерѣдко попадаются не совсѣмъ благонадежныя въ отношеніи достовѣрности и безпристрастнаго освѣщенія фактовъ (этому горю можетъ помочь историческая критика), но также и потому, что между личнымъ ознакомленіемъ съ архивнымъ документомъ и полученіемъ его изъ вторыхъ рукъ существуетъ большая разница. Каждый авторъ пользуется имъ по своему, разсматриваетъ его подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и даетъ ему то или иное значеніе, въ зависимости отъ собственнаго пониманія вещей. Даже точная копія первоисточника иногда не можетъ замѣнить подлинника, индивидуальный характеръ котораго, въ такомъ случаѣ, непремѣнно болѣе или менѣе теряется. Все это многимъ покажется излишними тонкостями, усложняющими лишь безъ всякой надобности дѣло. Но послушаемъ, что говоритъ о нихъ все тотъ-же Головачевъ, столь искусившійся въ архивныхъ изысканіяхъ: «Никогда вы не можете составить себѣ болѣе вѣрнаго понятія о характерѣ и нравственномъ достоинствѣ историческаго лица иначе, какъ прочитывая его собственныя рукописи», Справедливо указывая затѣмъ на шханечные журналы, какъ на «столпы историческаго факта», онъ тутъ-же прибавляетъ, что «для разъясненія движенія и дѣйствія не только своихъ, но и непріятельскихъ судовъ, приходится иногда ихъ сплошь прочитывать».

Вслѣдствіи неразборчивости большею частью именно самыхъ цѣнныхъ рукописей, архивная работа, и безъ того не особенно сладкая, становится подчасъ весьма тяжелой. Тѣмъ не менѣе, Головачевъ категорически утверждаетъ, что «только полный сводъ всѣхъ этихъ мелочныхъ и крупныхъ фактовъ вмѣстѣ и можетъ доставить вамъ возможность къ точному

[1]) „Дѣйствія рус. флота въ войнѣ со шведами въ 1788—90 годахъ“, стр. 6 и 12. СПБ. 1871 г.

уразумѣнію большинства дѣйствій и движеній нашихъ военныхъ судовъ и эскадръ, и всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ по флоту» [1]).

Итакъ, архивные документы и литература вещи не равноцѣнныя. За невозможностью работать по первоисточникамъ, можно, конечно, пользоваться и одной литературой, но въ такомъ случаѣ обязательно подвергнуть ее предварительно самой строгой критической оцѣнкѣ. Безъ этого самые остроумные выводы и самыя широкія обобщенія будутъ построены на пескѣ [2]).

Уроки прошлаго. Пренебреженіе къ нимъ.

Уроки прошлаго обыкновенно весьма мало принимаются въ расчетъ при рѣшеніи практическихъ вопросовъ настоящаго и будущаго. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ: это все та-же старая исторія отцовъ и дѣтей. Каждому изъ послѣднихъ непремѣнно нужно самому разбить лобъ, чтобы своимъ умомъ

---

[1]) „Дѣйствія рус. флота въ войнѣ со Шведами", 15—16.

[2]) Кстати, два слова объ архивахъ. За границей—это *научныя* учрежденія, стремящіяся елико возможно облегчить и безъ того нелегкій трудъ изслѣдователей и обставить его всяческимъ комфортомъ; у насъ же это большею частью казенныя *канцеляріи* для доставленія офиціальныхъ справокъ, едва лишь терпящія присутствіе „постороннихъ лицъ". Многіе, вѣроятно, помнятъ, какъ еще не такъ давно въ нашемъ главномъ морскомъ архивѣ, въ прежнемъ полутемномъ и тѣсномъ помѣщеніи, приходилось заниматься, возсѣдая на связанныхъ веревками стульяхъ, при чемъ для того, чтобы можно было хоть какъ-нибудь примоститься къ не въ мѣру высокимъ столамъ, нужно было нагромождать на сидѣніе еще цѣлыя кучи старыхъ пыльныхъ дѣлъ. Отдѣльной комнаты для занятій тогда и въ поминѣ не было, а всякій устраивался по способности, тутъ же среди архиваріусовъ, между наваленными на столахъ грудами ветхихъ фоліантовъ и, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ", усердно принимался переписывать „правдивыя сказанія"... Случалось, что эта мирная идиллія нарушалась иногда вдругъ совершенно неожиданнымъ отказомъ въ выдачѣ какого нибудь самаго заурядняго дѣла, которому истекла уже всякаго рода давность и не въ мѣру ревностному изслѣдователю приходилось волей неволей ставить точку въ самомъ интересномъ мѣстѣ своей работы, въ ожиданіи надлежащаго разъясненія. Подобные инциденты вызывались отчасти неудовлетворительностью самой организаціи этого учрежденія, допускавшей вмѣшательство въ его функціи другихъ управленій министерства, которыя и по сдачѣ своихъ дѣлъ въ архивъ сохраняли право ими распоряжаться. Правда, что всѣ такого рода неудобства и непріятности отчасти искупались любезностью и благодушіемъ служащихъ въ архивѣ, до простыхъ сторожей включительно.

дойти до убѣжденія въ справедливости формулы 2×2=4. Только тогда она станетъ для него поучительной и дѣйствительно полезной. Впрочемъ, и тутъ нѣтъ худа безъ добра, такъ какъ этотъ неизбѣжный процессъ обыкновенно сопровождается выясненіемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ подробностей, частью основательно забытыхъ, а частью и вовсе неизвѣстныхъ предыдущимъ поколѣніямъ.

Итакъ, исторія какъ будто не выполняетъ своего утилитарнаго назначенія, которое ей пытались навязать въ древности (magistra vitae). За примѣрами дѣло не стало—ихъ сколько угодно.

Примѣры.

Въ китайскую кампанію 1900 года наши военноначальники поступали «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», т. е., говоря проще, какъ разъ обратно тому, чему учитъ теорія военнаго искусства [1]); принципъ единства власти, набившій всѣмъ юнкерамъ и кадетамъ оскомину и ставшій въ военной средѣ прописной моралью, былъ основательно забытъ въ самый критическій моментъ послѣдней кампаніи—въ Портъ-Артурѣ [2]); осужденное всѣми авторитетами вмѣшательство политики въ стратегію уничтожило всѣ плоды турецкой кампаніи 1877—1878 гг. и привело насъ отъ стѣнъ Царьграда въ Берлинъ. И т. д.

Утилитарное значеніе исторіи и повторяемость событій.

Все это, конечно, безспорно, но смущать насъ не должно. Польза изученія исторіи такъ же несомнѣнна какъ и склонность постоянно игнорировать ея уроки, но далеко не такъ же очевидна. Въ смыслѣ узко-практическомъ, рецептурномъ,

---

[1]) Мышлаевскій. „1900—1901 гг. Военныя дѣйствія въ Китаѣ. Часть I. Дѣйствія на Печелійскомъ побережьѣ, до взятія г. Тянь-Цзыня включительно“.

Извѣстный авторъ этого труда пришелъ въ такое отчаяніе отъ результатовъ своего изслѣдованія и видимой безплодности своей многолѣтней преподавательской дѣятельности въ академіи, что на публичномъ докладѣ 18 марта 1903 года на ту же тему въ Обществѣ ревнителей военныхъ знаній, съ горечью обозвалъ всѣ разобранныя операціи какой то никому еще неизвѣстной до сихъ поръ стратегіей „style moderne“.

[2]) Какъ извѣстно, подобное же двоевластіе не мало доставляло намъ хлопотъ даже въ мирное время и къ тому-же подъ бокомъ у самой столицы—въ Кронштадтѣ.

если такъ можно выразиться, она, по необходимости, крайне ограничена. Это прежде всего объясняется, конечно, весьма рѣдкою повторяемостью историческихъ событій (особенно въ тождественной обстановкѣ) и измѣнчивостью самой природы человѣка. Еще Гераклитъ сказалъ, что «не можетъ одинъ и тотъ-же человѣкъ войти въ рѣку и выйти изъ нея», т. е. что это будутъ уже два разные человѣка, отдѣленные другъ отъ друга извѣстнымъ промежуткомъ времени, которому соотвѣтствуетъ нѣкоторая эволюція физическая и психическая [1]). Но и тутъ встрѣчаются любопытныя совпаденія.

Примѣры.

I. Въ 1812 году наша армія, послѣ цѣлаго ряда ошибокъ (стратегія нѣмецкихъ систематиковъ), сосредоточилась наконецъ въ наиболѣе удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ пунктѣ подъ Витебскомъ, за р. Лучесой, указанномъ еще въ 1706 г. Петромъ Великимъ. Эта позиція и по сіе время остается самой выгодной, благодаря географическимъ свойствамъ театра войны и близости къ важнѣйшимъ операціоннымъ направленіямъ на Москву и Петербургъ (профес. Михневичъ).

II. Періодическія столкновенія силъ Востока и Запада въ Средиземномъ морѣ сопровождались морскими битвами въ пунктахъ весьма близкихъ другъ къ другу (Акціумъ—31 г. до Р. Х., Лепанто—1571 г., Наваринъ—1827 г.), что несомнѣнно указываетъ на особую стратегическую важность этого раіона для незаконченной до сихъ поръ великой борьбы. И, можетъ быть, въ этихъ же мѣстахъ еще не разъ встрѣ-

---

[1]) Съ этимъ важнымъ фактомъ необходимо, значитъ, считаться и теоріи военнаго искусства, избравшей своимъ фундаментомъ *неизмѣнную*, будто бы, матеріальную и духовную природу человѣка (Лееръ). Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало бы упускать изъ виду, что человѣкъ ужъ вовсе не такая абсолютно неизмѣнная величина, какою онъ представляется нѣкоторымъ теоретикамъ, и что при оцѣнкѣ его „вѣчныхъ“ свойствъ не мѣшаетъ принимать во вниманіе нѣкоторую поправку исторіи, т. е. коррективъ самой жизни.

Изъ физіологіи намъ извѣстно, что человѣкъ приблизительно въ 5—10 недѣль (въ зависимости отъ образа жизни) обновляетъ всю массу своего тѣла, т. е. *физически становится совершенно другимъ, новымъ существомъ*. А такъ какъ психическая жизнь въ всякомъ случаѣ тѣсно связана съ тѣлесной, то и *духовный образъ человѣка неизбѣжно подвергается различнымъ колебаніямъ*, хотя и не всегда замѣтнымъ со стороны.

тятся враждебные флоты прежде чѣмъ окончательно выяснится вопросъ, кому владѣть Средиземнымъ моремъ.

III. Повторяемость морскихъ боевъ въ нѣкоторыхъ, какъ-бы излюбленныхъ, географическихъ пунктахъ (въ бухтѣ Кёге—въ 1677 и 1810 гг., у о. Эланда—1676 и 1789 гг., у Роченсальма—1789 и 1790 гг., и т. д.), тоже объясняющаяся, конечно, стратегическими ихъ свойствами, а, быть можетъ, отчасти и просто извѣстной человѣческой слабостью «танцовать отъ печки».

IV. Въ 1714 году, у Гангута, Петръ рѣшилъ прибѣгнуть къ перетаскиванію своихъ галеръ *волокомъ*, въ обходъ непріятельскихъ силъ, т. е. воспользовался традиціоннымъ русскимъ пріемомъ, впервые осуществленнымъ еще на зарѣ нашей исторіи Олегомъ (865 г.) [1]).

Искусственность объясненія Гангутской операціи съ точки зрѣнія теоріи военно-морского искусства.

[1]) Послѣ этого врядъ ли можно признать правдоподобными тѣ, не лишенныя, впрочемъ, извѣстнаго остроумія, объясненія петровскаго маневра у Гангута, которыми какъ бы пытается заполнить соотвѣтствующіе пробѣлы въ исторіи теорія в. м. искусства. Руководствуясь-де *принципомъ раздѣленія непріятельскихъ силъ*, царь рѣшилъ отвлечь отъ нихъ наиболѣе опасный ему въ данномъ случаѣ отрядъ непріятельскихъ гребныхъ судовъ, для чего и приступилъ къ устройству волока у Лаппвика, при чемъ не особенно будто бы заботился о сохраненіи своей цѣли въ тайнѣ. Другими словами, это была не болѣе какъ простая *диверсія* для отвлеченія лишь вниманія непріятеля и подставленія ему своей сильной стороны (галерный флотъ), а вовсе не самостоятельный обходный маневръ для скорѣйшаго достиженія завѣтной цѣли похода (Або). Историческіе факты, однако, не даютъ пока никакихъ основаній для такого произвольнаго, чисто умозрительнаго, вывода. Единственнымъ подтвержденіемъ (и то косвеннымъ) его справедливости могло бы еще, пожалуй, до нѣкоторой степени служить какъ бы умышленное пренебреженіе Петра къ сохраненію своей операціи въ тайнѣ (секретъ полишинеля), если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ. Но дѣйствительность не даетъ ни малѣйшаго повода для подобной гипотезы, ибо въ архивныхъ документахъ сохранилось совершенно опредѣленное указаніе ее опровергающее. Въ приказѣ отъ 23 іюля 1714 года о постройкѣ помоста черезъ Гангутскій перешеекъ (п. 4) рекомендуется: „Отъ преображенскаго полка съ офицеромъ 30 человѣкъ поставить въ деревнѣ на караулѣ и велѣть жителей переписать по именно и сказать чтобъ изъ деревни никуда отнюдь не выходили, чего велѣть смотрѣть прилежно, дабы непріятель не могъ вѣдать что у насъ дѣлаютъ; ежели же кто отъ непріятельскихъ людей или посторонніхъ мужиковъ покажутся, брать за караулъ и рапортовать немедленно“. (Гл. М. Арх., дѣло гр. Апраксина № 252). Отсюда очевидно, что для соблюденія

Особая важность нравственнаго значенія исторіи.

Гораздо важнѣе, однако, нравственное или воспитательное значеніе исторіи; выработка своего національнаго міросозерцанія, внѣ котораго немыслимо вѣрное пониманіе отечественныхъ интересовъ и цѣлесообразное служеніе имъ. «Политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной», говоритъ Ключевскій [1]). А силу эту мы можемъ почерпнуть лишь въ тайникахъ нашего народнаго духа, т. е. не иначе какъ путемъ исторіи (народнаго самосознанія). «Если русское общество, дѣйствительно, еще живо и жизнеспособно, если оно таитъ въ себѣ сѣмена будущаго, то эта жизнеспособность должна проявиться прежде всего и больше всего въ готовности и способности учиться у исторіи. Ибо исторія не есть лишь хронологія, отсчитывающая чередованіе событій, она есть жизненный опытъ, опытъ добра и зла, составляющій условіе духовнаго роста» [2]).

Она учитъ насъ идти своимъ самобытнымъ путемъ во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ нашей національной жизни, какъ наиболѣе отвѣчающимъ нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Если бы мы повнимательнѣе прислушивались къ ея голосу, то, можетъ быть, удержались бы отъ многихъ крупныхъ ошибокъ и въ нашей морской политикѣ. Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ:

Грѣхи нашей морской политики. Отказъ отъ морской станціи въ Архипелагѣ.

1) Отказъ отъ морской станціи въ Архипелагѣ въ 1774 г., послѣ побѣдоносной войны, закрѣпившей за русскимъ флотомъ не только безусловное господство въ этомъ морѣ, но и фактическое владѣніе подходящими островами. Даже Екатерина не смогла устоять предъ нѣмецкимъ навожденіемъ и почти безо всякой борьбы уступила свое безспорное право

столь важнаго военнаго секрета были приняты всѣ возможныя мѣры и, если онѣ не увѣнчались успѣхомъ, то вовсе не вслѣдствіи какой-то хитроумной задней мысли руководителя операціи, а просто потому, что шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Если, къ тому же, припомнимъ, что вся то «наиболѣе опасная», по этой версіи, для Петра эскадра шаутбенахта Эреншильда состояла всего изъ 10 малыхъ судовъ и въ томъ числѣ только 6 галеръ, то неестественность подобнаго объясненія станетъ очевидной.

[1]) „Благодатный воспит. рус. народнаго духа“.

[2]) „Вѣхи“, 24.

на одинъ изъ этихъ греческихъ острововъ, единственно по настоянію своего хитроумнаго союзника Фридриха Великаго [1]).

Отказъ отъ о. Минорки.

2) Отказъ отъ о. Минорки, предложенной намъ Англіей (1781 г.).

Уступка Норвегіи Паэрѣцкой бухты.

3) Уступка Норвегіи въ 1826 году лучшей на нашемъ Варангерскомъ побережьѣ Паэрѣцкой бухты (дѣло рукъ нашихъ нѣмцевъ-дипломатовъ, съ Нессельроде во главѣ).

Отказъ отъ о. Цусимы.

4) Отказъ отъ о. Цусимы въ 1861 году, въ моментъ фактическаго владѣнія имъ, въ угоду Англіи, достигшей, по обыкновенію, такой блестящей побѣды одной дипломатической настойчивостью и самымъ невиннымъ бряцаніемъ оружія.

Уступка Америкѣ колоній на Тихомъ океанѣ.

5) Уступка въ 1867 году за гроши С. А. Соединеннымъ Штатамъ нашихъ колоній на Тихомъ океанѣ и совершенное забвеніе географическихъ пунктовъ, открытыхъ тамъ же и въ другихъ моряхъ русскими мореплавателями.

Въ коммерческой сдѣлкѣ съ Америкой нѣкоторые и теперь еще продолжаютъ видѣть актъ «исключительнаго государственнаго счастія», способствовавшаго-де удаленію «истощающаго окраиннаго нароста» и слѣдовательно спасительнаго для самой

---

[1]) Еще 4 января 1771 года (т. е. въ самый выгодный для Россіи моментъ послѣ Чесменскаго погрома) Фридрихъ, стараясь внушить императрицѣ, что „Турки никогда не согласятся на уступку Молдавіи, Валахіи и острова въ Архипелагѣ“ (какъ будто дѣло шло о вознагражденіи за счетъ самой Пруссіи) и даже угрожалъ ей, въ случаѣ упорства, отказомъ отъ посредничества. Запутавшись въ польскихъ дѣлахъ, Екатерина испугалась этой угрозы и поспѣшила въ пространномъ письмѣ отъ 19 того же января представить королю свои объясненія. „Островъ, требуемый мною въ Архипелагѣ, будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли, писала она; я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ, Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ, Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этой складки сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получать изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, ваше величество согласитесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего“. (Соловьевъ, „Ист. паденія Польши“, с. 129—132. Москва, 1863 г.).

И тѣмъ не менѣе, Фридрихъ добился своего.

метрополіи [1]). Опасенія автора насчетъ гипертрофіи центра и аномальнаго расширенія периферіи государственнаго организма въ одномъ какомъ либо ея мѣстѣ совершенно справедливы, но не должны бы распространяться на тѣ заморскія колоніи, которыя возникли у насъ самымъ естественнымъ путемъ, какъ продолженіе нашего чисто національнаго Drang nach Osten черезъ сибирскую тайгу къ сказочному «морю-окіану». Не говоря уже о томъ, что изъ продаваемаго за безцѣнокъ наслѣдства можно было бы, кажется, оставить для себя хоть пару—другую найболѣе удобныхъ опорныхъ пунктовъ, въ которыхъ нашъ флотъ всегда такъ нуждался.

Отказъ отъ Шпицбергена.

6) Признаніе въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Шпицбергенскаго архипелага (излюбленный у нашихъ поморовъ Грумантъ) *нейтральнымъ*, какъ отличный прецедентъ для подобнаго же избавленія Россіи отъ еще болѣе близкой ей Новой Земли, къ тому же открытой русскими же людьми еще въ началѣ XVI вѣка (новгородцы посѣщали ее еще гораздо раньше). Опасность потерять эти отмѣченные русскими крестами и избами острова становится все ощутительнѣе, и врядъ ли спасутъ ихъ отъ жадныхъ и болѣе предпріимчивыхъ сосѣдей украшающія карту этого архипелага многочисленныя русскія названія [2]). Какъ жаль, что Петру Великому не удалось осуществить своей идеи о постройкѣ на Н. Землѣ крѣпости, для защиты русскихъ промышленниковъ и вообще охраны государственныхъ интересовъ отъ иностранцевъ—тогда ужъ, вѣроятно, не было-бы никакого сомнѣнія въ ея принадлежности къ Россіи.

Опасность потерять Новую землю.

Вредная централизазація прежняго морского управленія.

7) Непомѣрная централизація нашего морского управленія

---

[1]) „Центръ и госуд. границы Россіи въ XX столѣтіи". СПБ. 1911 г., стр. 3—4.

[2]) Любопытно, что и тутъ не обошлось безъ прискорбнаго вмѣшательства доморощенныхъ нѣмцевъ. Академикъ Миддендорфъ, очевидно плохо освѣдомленный въ русской исторіи, приписалъ честь открытія Н. Земли голландцамъ, чѣмъ, конечно, не мало подкрѣпилъ притязанія на нее иностранцевъ. До этого же даже настоящіе, т. е. зарубежные, нѣмцы не рѣшались оспаривать ее у Россіи.

(М. Сидоровъ, „Картины изъ дѣяній Петра Великаго на сѣверѣ", СПБ. 1872 г.; Черноморецъ, „Сѣверъ Россіи въ военно-морскомъ и коммерческомъ отношеніяхъ", Москва 1894 г.; и друг.).

до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, совершенно не отвѣчавшая территоріальному расширенію государства и нашему національному характеру (стремленіе къ мѣстному самоуправленію: вѣче, міръ, земство).

Искаженіе Петровскаго взгляда на званіе генералъ-адмирала.

8) Искаженіе первоначальнаго значенія должности генералъ-адмирала, что въ концѣ концовъ и должно было привести къ полному ея упраздненію. Между тѣмъ, по замыслу великаго Петра, правда—недостаточно оформленному въ свое время, генералъ-адмиралу предназначалась крайне важная роль покровителя и непосредственнаго вождя новорожденнаго флота. Новое безпомощное существо, встрѣченное русскимъ народомъ съ недовѣріемъ и даже враждебно, особенно нуждалось въ заботливомъ пестунѣ и блюстителѣ его интересовъ. Получая свои исключительныя полномочія отъ Верховной Власти, онъ обязанъ былъ прежде всего беречь флотъ отъ покушеній на него какъ сверху, такъ и снизу, безъ чего не только процвѣтаніе, но и самое существованіе этой новой отрасли вооруженныхъ силъ, въ такихъ условіяхъ какъ у насъ, было-бы прямо немыслимо [1]). Наконецъ, генералъ-адмиралъ,

---

[1]) По Морскому Уставу 1720 года, генералъ-адмиралъ не только „презентуетъ персону своего Государя“, но фактически командуетъ „всѣмъ флотомъ, и партикулярно Кордебаталіи“. Такъ и поступалъ Апраксинъ въ Сѣверную войну и въ Персидскомъ походѣ.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіи различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, на которыхъ останавливаться здѣсь было-бы неумѣстно, (укажу лишь на одно изъ нихъ: значительное количество разобщенныхъ между собой и удаленныхъ отъ центра нашихъ морскихъ бассейновъ), генералъ-адмиралъ сталъ постепенно удаляться отъ непосредственнаго общенія съ флотомъ, уходя съ головой въ административное управленіе. Морское вѣдомство взяло верхъ надъ флотомъ и изъ двухъ присвоенныхъ генералъ-адмиралу функцій одна неизбѣжно должна была атрофироваться. Достаточно указать хотя бы на то, что изъ пяти преемниковъ Апраксина только одинъ В. К. Константинъ Николаевичъ иногда вступалъ въ непосредственное командованіе флотомъ. А, напримѣръ, кн. М. М. Голицынъ не только не удосужился этого слѣлать, но даже, благодаря происканъ адмиралтейскихъ чиновниковъ, съ трудомъ протискался къ своему президентскому креслу въ адмиралтействъ-коллегіи, причемъ не обошлось безъ вмѣшательства Верховной Власти (указъ 7-го апрѣля 1750 г.). Такимъ образомъ, всего четверть вѣка спустя послѣ смерти Петра можно уже прослѣдить явные признаки вырожденія генералъ-адмиральской власти.

при частой смѣнѣ министровъ и другихъ важнѣйшихъ лицъ морского вѣдомства, все же являлся до нѣкоторой степени какъ бы залогомъ устойчивости нашей морской политики.

Преждевременное сокращеніе срока службы во флотѣ.

9) Преждевременное и не подготовленное другими реформами сокращеніе срока службы во флотѣ.

Радикальная мѣра эта, принятая на-спѣхъ, въ горячее время, подъ давленіемъ политическихъ партій и традиціоннаго «равненія на Западъ», поставила нашъ флотъ въ крайне затруднительное положеніе. Если-бы мы вмѣсто того обратились къ нашей собственной исторіи, то, конечно, не нашли бы въ ней никакихъ оправданій для столь скороспѣлой реформы. Припомнимъ, что еще въ 1874 году, когда съ введеніемъ общей воинской повинности для укомплектованія флота было отведено 38 уѣздовъ съ наиболѣе подходящимъ населеніемъ въ 1 милліонъ душъ, то въ первый же призывъ флотъ получилъ лишь 25% хоть сколько нибудь освоеннаго съ водой контингента; остальные 75% этому условію вовсе не удовлетворяли [1]). На сверхсрочной службѣ у насъ тоже остаются немногіе, да и далеко не всегда лучшіе, что въ странѣ бѣдной и съ ничтожнымъ % морского (и притомъ коренного русскаго) населенія вполнѣ естественно. А между тѣмъ, теперь даже нѣмцы стали подумывать объ увеличеніи срока службы до $3^1/_2$ лѣтъ [2]).

Памятуя однако трудность, а иногда и рискованность, подобной операціи, тѣмъ болѣе слѣдовало бы быть осмотрительнѣе и осторожнѣе при постепенномъ сокращеніи сроковъ службы.

Вѣчное запаздываніе какъ неизбѣжное послѣдствіе подражанія.

10) Склонность къ подражанію иностранцамъ и къ простому копированію у нихъ не только матеріальной части, но и идей.

Во флотѣ это наглядно сказывается въ неизбѣжномъ *запаздываніи* кораблестроительной программы и преждевременной устарѣлости судовыхъ типовъ. Особенный вредъ под-

---

[1]) А. Г. фонъ-Витте. „Очеркъ устройства упр. флотомъ въ Россіи и иностр. государствахъ“, с. 295. СПБ. 1907 г.

[2]) См. мои „Матер. для ист. Россіи и рус. флота“ (М. Сб. 1907 г. № 10 и 1909 г. № 1).

ражанія обнаруживался тогда, когда мы, за неимѣніемъ собственныхъ заблаговременно выработанныхъ взглядовъ по данному вопросу, не знали даже въ чемъ собственно подражать.

Уже приведенныхъ здѣсь примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ ясное представленіе о недочетахъ нашей морской политики и о томъ удивительномъ гипнозѣ, въ который умудрились насъ погрузить иноземцы со временъ блаженной памяти академиковъ Шлецера и Байера. Начавъ съ лѣтописныхъ корней русской исторіи, они постепенно пріучили насъ смотрѣть на нее ихъ глазами и до сихъ поръ мы не можемъ вполнѣ отъ этого отдѣлаться, даже въ вопросахъ первостепенной государственной важности.

Но особенный вредъ причинила намъ чужеземная опека въ самомъ важномъ для насъ вопросѣ: нуженъ ли Россіи флотъ? Казалось бы, что даже и вопроса такого не можетъ возникать послѣ того, что онъ давно уже и безповоротно рѣшенъ общепризнаннымъ геніемъ Петра, съ такими колоссальными жертвами создавшаго флотъ для совершенно опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, не отвергаемыхъ и теперь. На дѣлѣ-же и тутъ происходятъ безпрестанныя колебанія, крѣпко тормозящія развитіе и безъ того хронически хирѣющей у насъ морской силы [1])

[1]) Для иллюстраціи этого удивительного, по истинѣ, общественнаго явленія, представляющаго, быть можетъ, какую нибудь атавистическую аномалію, можно привести слѣдующій интересный эпизодъ изъ недавняго прошлаго.

Незадолго до войны съ Турціей, въ февралѣ 1877 года, по иниціативѣ рѣчного яхтъ-клуба, состоялось въ морскомъ музеѣ собраніе видныхъ представителей арміи и флота, для обсужденія вопроса: зачѣмъ намъ нуженъ флотъ. Заканчивая безплодныя пренія и процитировавъ извѣстную французскую пословицу, предсѣдатель выразилъ убѣжденіе, что „хотя и происходило столкновеніе мнѣній, но самое появленіе истины еще только остается въ ожиданіи“.

Головачевъ справедливо объясняетъ этотъ курьезъ нашей склонностью „увлекаться чужими авторитетами“, особенно Наполеономъ причемъ „мы совершенно забыли заслуги нашего собственнаго флота“. („О значеніи флота для Россіи на основаніи исторіи“, М. Сб. 1898 г. № 9).

Этою же забывчивостью, а отчасти и тактическими пріемами въ борьбѣ за кредиты между обоими военными вѣдомствами, вѣроятно, объясняется и появленіе въ 1903 году извѣстной записки, доказывающей

На этой почвѣ выросло много ложныхъ взглядовъ и представленій, борьба съ которыми и составляетъ одну изъ задачъ нашей морской исторіи.

Ошибочность пониманія „континентальности“ Россіи.

Исходя изъ совершенно ошибочнаго пониманія «континентальности» Россіи (чисто условнаго географическаго термина) и невѣрной оцѣнки своеобразности нашей морской зволюціи, весьма многіе любятъ, вслѣдъ за П. В. Чичаговымъ, считать нашъ флотъ «обременительной роскошью подражанія», а русскихъ людей абсолютно неспособными къ морскому дѣлу [1]).

безполезность флота для Россіи. Подъ этимъ, повидимому, впечатлѣніемъ возникло тогда предположеніе о соединеніи ассигнуемыхъ обоимъ военнымъ вѣдомствамъ средствъ въ одинъ общій кредитъ, каковый подѣлить между собой предоставлялось уже самимъ вѣдомствамъ. Послѣдними однако такое, по-истинѣ соломоновское, рѣшеніе было опротестовано и въ концѣ концовъ осуществленія не получило. По крайней мѣрѣ, въ томъ же году изъ общей суммы въ 465 милліоновъ, предназначенной для государственной обороны, морское министерство получило непосредственно въ свое распоряженіе 114 милліоновъ (Гр. Витте, „Вынужденныя разъясненія по поводу отчета г.-а. Куропаткина о войнѣ съ Японіей“, Москва 1911 г., стр. 13).

Любопытно какъ эволюціонировалъ съ тѣхъ поръ взглядъ на этотъ важный вопросъ государственной обороны нашего финансового вѣдомства. Отстаивая ассигнованіе морскому министерству сравнительно уже гораздо болѣе крупныхъ кредитовъ, предсѣдатель совѣта министровъ, въ своей рѣчи къ народнымъ представителямъ 6 іюня 1912 года, между прочимъ сказалъ:

„Если вы отпустите деньги на флотъ, вы должны помнить и знать, что отпускаете ихъ *не въ порядкѣ противоположенія, а въ порядкѣ согласованія*. И Правительство, внося эти предположенія, никогда вамъ не заявляло, что вы отпускаете деньги насчетъ сокращенія кредитовъ военнаго вѣдомства. (Голосъ въ центрѣ: правильно)“; и далѣе: „Правительство никогда не сочтетъ себя въ правѣ пренебрегать интересами сухопутной обороны и *никогда не будетъ черпать аргументы отказа военному вѣдомству въ томъ, что мы отпустили деньги на флотъ* (Рукоплесканія въ центрѣ)“.

(„Истор. засѣданіе Госуд. Думы 6-го іюня 1912 года“, М. Сб. 1912 г. № 6, отд. оттискъ стр. 84. Курсивъ мой).

[1]) Даже самъ генералъ-адмиралъ въ своемъ всеподд. отчетѣ за 1855—1880 г.г. называетъ Россію „большой первоклассной, хотя и не морской державой“. О различномъ пониманіи этого эпитета, у насъ и за границей, см. мою статью „Значеніе Японской войны въ исторіи нашего флота“ (М. Сб. 1907 г. № 2).

Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить наступившую какъ будто въ послѣднее время перемѣну во взглядахъ на этотъ вопросъ даже у сухопутныхъ

Попадаются и шутники (изъ породы не жалѣющихъ для краснаго словца и родного отца), сравнивающіе нашъ флотъ съ доморощеннымъ крѣпостнымъ балетомъ и тому подобными затѣями добраго стараго времени.

Все это объясняется пренебреженіемъ къ своей исторіи или неумѣніемъ разбираться въ ея урокахъ. А между тѣмъ, люди свѣдующіе прямо утверждаютъ, что почерпнутые, напримѣръ, великими полководцами уроки изъ исторіи «всегда имѣли на ихъ систему вліяніе болѣе сильное, нежели ихъ собственная опытность» (Рюстовъ) и что «только основываясь на прошломъ, можетъ нація приступить къ правильному устройству своего будущаго, однако не смѣло придерживаясь примѣра прежнихъ лѣтъ, а разумно знакомясь съ опытомъ, добытымъ въ прошлое время» (Мэхэнъ).

Россія континентальная страна, но морская держава.

нашихъ коллегъ. Такъ, инженеръ-капитанъ Цыгальскій категорически заявляетъ, что „Россія—государство не континентальное“ и совершенно справедливо усматриваетъ грѣхъ весьма многихъ въ томъ, что они, „опираясь на безусловно невѣрное географическое опредѣленіе Россіи, создаютъ и невѣрную идею защиты береговой границы ея“. („Соврем. средства береговой защиты“, СПБ. 1909 г., с. 2).

Соглашаясь по существу съ основательностью этаго взгляда, я все же полагаю, что онъ требуетъ извѣстной оговорки. Россія (рѣчь идетъ объ Европейской), пробившись къ морскимъ берегамъ, уже фактически стала *морской державой*. а потому и идея обороны ея границъ должна быть безусловно сообразована съ этимъ новымъ ея положеніемъ, а не покоиться на прежнихъ устарѣвшихъ основаніяхъ. Но въ географическомъ отношеніи, т. е. въ смыслѣ подавляющаго преобладанія суши надъ моремъ Россія все же продолжаетъ оставаться *страной континентальной*. Приставшіе къ ея окраинамъ кусочки незначительныхъ и разобщенныхъ между собой водныхъ бассейновъ не могутъ измѣнить существенно этого сухопутнаго характера, такъ-же какъ они, напримѣръ, не могутъ замѣтно измѣнить и климата этой обширной равнины.

V.

Методъ и знаніе.

Необходимость упорядоченія всякой науки.—Методъ и знаніе.—Возвеличиваніе метода за счетъ знанія.—Методъ—средство, знаніе—цѣль.—Трудность осуществленія избраннаго метода на дѣлѣ.—Афоризмы, красныя словца и научныя аксіомы.—Методъ не есть отличительный признакъ науки.—Аналогія съ естественными науками.—Военныя науки—почва для интуиціи въ военномъ искусствѣ.—Военное искусство и строительное (аналогія). Задача военныхъ наукъ—формулировать здравыя понятія о природѣ войны.—Основныя и производныя военныя науки.—Всякая наука можетъ развивать человѣческій умъ, если она правильно и цѣлесообразно поставлена.—Военное искусство не можетъ замѣнить геройства.—Естественность реакціи противъ застоя и невѣжества во флотѣ.—Вредъ національнаго самомнѣнія.—Военное просвѣщеніе и военный духъ.

Необходимость упорядоченія всякой науки.

Чѣмъ сложнѣе предметъ, подлежащій нашему изслѣдованію, тѣмъ труднѣе его упорядоченіе. А безъ предварительной систематизаціи сырого матеріала и обработки его въ извѣстномъ направленіи немыслима никакая научная работа. «Держава всякая сильна, когда устроены въ ней всѣ премудро части», сказалъ еще давно дѣдушка Крыловъ. Это не менѣе справедливо и для науки.

Методъ и знаніе.

Для оріентировки въ историческомъ хаосѣ и его осмысленія существуютъ различные пути или *методы*. Подъ методомъ или пріемомъ обыкновенно разумѣютъ способъ употребленія даннаго матеріала для достиженія извѣстной цѣли. «Только истинный методъ, говоритъ Бэконъ, ведетъ твердымъ путемъ черезъ лѣса опыта къ свѣту закона» [1]), что, какъ мы уже знаемъ, и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки. Исторія идетъ кривыми и ломанными линіями

---

[1]) Лееръ. „Общія идеи".

(обходными путями), одна лишь логика, лежащая въ основѣ всякаго научнаго метода, пользуется прямымъ путемъ для систематизаціи и объясненія историческихъ явленій. Слѣдовательно, по самой сущности своей методъ есть вещь чисто *служебная*.

Методовъ, какъ и дорогъ, много—и всѣ они ведутъ въ Римъ, т. е. къ указаной выше цѣли, или, по меньшей мѣрѣ, стремятся къ этому.

Возвеличиваніе метода за счетъ знанія.

«Цѣнность истины въ ней самой, говоритъ Н. Л. Кладо, а не въ томъ источникѣ, откуда она вышла» [1]) и, добавлю отъ себя, не въ томъ методѣ, которымъ она добыта. А между тѣмъ, подъ вліяніемъ теоретическихъ увлеченій первопачальный смыслъ метода затемнился и ему стали навязывать несвойственную ему роль.

«Если-бы, утверждалъ Лессингъ, Богъ явился ко мнѣ и сказалъ: у меня въ одной рукѣ истина, а въ другой исканіе истины, выбирай, что хочешь,—я бы сказалъ Ему: Господи, истину оставь Себѣ, а дай мнѣ исканіе истины». Приведя эту, «одну изъ любимыхъ присказокъ Запада», Н. М. Соколовъ остроумно замѣчаетъ, что «Богъ не могъ сказать этого Лессингу, ибо истина—это Богъ, и Богъ не могъ предложить Лессингу на выборъ Себя или не Себя» [2]).

Методъ—средство, знаніе—цѣль.

Раздѣляя взгляды Лессинга и Конта, Лееръ приходитъ къ убѣжденію, что методъ даже важнѣе знанія, такъ какъ способствуетъ умственному развитію учащагося [3]). Подобное утвержденіе всегда казалось мнѣ нѣсколько парадоксальнымъ, ибо, что тамъ ни толкуйте, методъ есть лишь *средство*, а знаніе—*цѣль*. Средство же никогда не можемъ быть важнѣе цѣли [4]).

---

[1]) „Введеніе въ курсъ ист. в. м. искусства". С.-Петербуръ. 1910 гг., с. 199.

[2]) „Святые земли русской". СПБ. 1903 г.

[3]) „Методъ военныхъ наукъ", предисловіе.

[4]) Для иллюстраціи этого положенія можно привести такой примѣръ изъ области в. м. искусства.

Въ эпоху Клерка (вторая половина XVIII вѣка) во всѣхъ флотахъ считалось ересью и чуть ли не преступленіемъ нарушеніе общепринятаго строя или ордера баталіи. Но это не смутило штатскаго автора

Трудность осуществленія избраннаго метода на дѣлѣ.

Самъ Миль, на котораго тоже любятъ ссылаться въ такихъ случаяхъ, выражается гораздо осторожнѣе: «Я понимаю говоритъ онъ, что самое лучшее средство указать на методъ построенія политики и этики заключалось бы въ самомъ построеніи ихъ; но я знаю также, что иногда бываетъ не безполезно (примѣръ Бэкона лучше всего намъ подтверждаетъ это) *указать на самый путь*, по которому слѣдуетъ идти, если даже мы сами и не приготовлены идти по немъ» [1]).

Такъ именно и приходится поступать громадному большинству историковъ, ибо всегда легче указывать дорогу, чѣмъ самому по ней итти. Это въ порядкѣ вещей.

Афоризмы, красныя словца и научныя аксіомы.

Извѣстно, что для краснаго словца не жалѣютъ иной разъ и отца. Остроумные и мѣткіе на первый взглядъ афоризмы, ставъ отъ частаго употребленія какъ бы научными аксіомами, вносятъ нерѣдко изрядную путаницу въ самыя обыкновенныя понятія. Иначе, по крайней мѣрѣ, довольно трудно объяснить себѣ то, довольно распространенное теперь, положеніе, что *исторія военнаго искусства отличается*, будто бы, *отъ военной исторіи методомъ*.

Методъ не есть отличительный признакъ науки.

Съ виду оно словно и впрямь такъ, а если поближе вглядѣться, выходитъ не совсѣмъ ладное, ибо каждая изъ этихъ научныхъ дисциплинъ можетъ разрабатываться различными методами и, наоборотъ, обѣ онѣ могутъ опираться на одинъ и тотъ же методъ. Слѣдовательно, методъ не можетъ служить *отличительнымъ признакомъ* между ними.

Аналогія съ естественными науками.

Физика изучаетъ явленія, совершающіяся въ тѣлахъ, безъ

новой морской тактики (1782 г.), и онъ, не колеблясь, рекомендуетъ нарушить строй, если это необходимо для достиженія поставленной себѣ цѣли, ибо, по справедливому замѣчанію Н. Л. Кладо,—„средства слѣдуютъ цѣлямъ, а не наоборотъ“ („Введеніе въ курсъ ист. в. м. искусства“, 334). Не могу не упомянуть здѣсь, кстати, о весьма остроумномъ и своеобразномъ объясненіи различія между методомъ и знаніемъ, какое мнѣ довелось слышать отъ одного изъ молодыхъ коллегъ моихъ по академіи. По его словамъ, методъ—это *качество*, а знаніе—*количество*. Вотъ почему-де и существуетъ извѣстная пословица: „сама себя раба бьетъ, коли *плохо* (а не *мало*) жнетъ“.

Но такое толкованіе, при всей своей оригинальности, не убѣдительно, ибо совершенно произвольно.

[1]) Лееръ, „Методъ воен. наукъ“, предисловіе.

измѣненія ихъ состава; а химія—такія явленія, которыя сопровождаются превращеніемъ вещества и слѣдовательно измѣненіями состава тѣлъ. Методовъ же для изученія тѣхъ и другихъ явленій существуетъ нѣсколько. Метереологію тоже, напримѣръ, можно изучать или статистическимъ методомъ, или механическимъ. Подобно тому, и въ области историческихъ наукъ можно пользоваться индукціей, дедукціей или аналогіей, въ зависимости отъ преслѣдуемой въ данномъ случаѣ цѣли и собственной склонности [1]).

Военныя науки—почва для интуиціи въ военномъ искусствѣ.

Задача военныхъ наукъ—дать почву (знаніе) для цѣлесообразнаго проявленія художественной интуиціи (непосредственнаго познанія) въ нужный моментъ. Пользуясь остроумнымъ сравненіемъ, приведеннымъ въ интересной брошюрѣ г. Еленкина [2]), я позволилъ бы себѣ отнести эту задачу къ области смѣшаннаго творчества, гдѣ почти невозможно провести границу между собственно знаніемъ и художественнымъ наитіемъ. Образцомъ такого творчества можетъ служить, напримѣръ, архитектура, гдѣ вмѣстѣ съ большимъ знаніемъ законовъ техники необходима и художественная интуиція. Мало того, послѣдняя можетъ иногда даже замѣнять сложныя математическія вычисленія, такъ какъ, по собственному признанію нѣкоторыхъ талантливѣйшихъ архитекторовъ, красота и пропорціональность линій настолько ими чувствуются при составленіи проектовъ, что являются показателями вѣрности математическихъ расчетовъ. Слѣдовательно, послѣдніе производятся въ подобныхъ случаяхъ отчасти какъ бы совершенно безсознательно. Такова же, по моему убѣжденію, роль интуиціи и въ военномъ искусствѣ.

Воинное искусство и строительное (аналогія).

---

[1]) Кромѣ этихъ главнѣйшихъ методовъ. въ смыслѣ *пріемовъ мышленія,* существуетъ еще значительное количество другихъ, опредѣляющихъ *способъ распредѣленія матеріала*: біографическій, культурный, концентрическій, и проч. О важномъ значеніи, напримѣръ, біографическаго метода М. Меньшиковъ говоритъ въ такихъ образныхъ выраженіяхъ: „Если изучить исторію хотя бы одного рода на протяженіи вѣковъ, но изучить біологически, съ изслѣдованіемъ всѣхъ кровей, то можно найти истинную причину возвышенія царствъ—*чистоту расы* и истинную причину упадка ихъ—*смѣшиваніе расъ*“. („Н. Время“ 1912 г. № 12916).

[2]) „Наука какъ продуктъ національнаго творчества“, с. 19.

Задача военныхъ наукъ — формулировать здравыя понятія о природѣ войны.

Само собою разумѣется, что данное выше опредѣленіе ничуть не исключаетъ другой задачи военныхъ наукъ—вырабатывать и распространять правильныя общія идеи о веденіи войны, ибо безъ этого почва для военнаго творчества не будетъ достаточно подготовлена. Но это вовсе не единственное ихъ назначеніе, какъ многіе теперь думаютъ [1]).

Основныя и производныя военныя науки.

Военныхъ наукъ всего три: военная исторія, стратегія и тактика.

Первая служитъ главнымъ источникомъ для остальныхъ двухъ, тѣсно связанныхъ между собой и съ политикой, которая даетъ директивы стратегіи, а та, въ свою очередь—тактикѣ.

Схематически эту зависимость можно изобразить такъ:

Политика отвѣчаетъ на вопросъ—кого? (бить).

Стратегія—когда? и гдѣ?

Тактика—какимъ образомъ?

Остальные военные предметы, излагаемые въ военныхъ школахъ, являются лишь производными отъ этихъ основныхъ научныхъ дисциплинъ.

Всякая наука можетъ развивать человѣческій умъ, если она правильно и цѣлесообразно поставлена.

Военныя науки, такъ-же какъ и всякія другія, имѣютъ и общую всѣмъ имъ цѣль: 1) развитіе мышленія и 2) сообщеніе знаній. Странно поэтому видѣть то пристрастіе, какое нѣкоторые военные теоретики, повидимому, питаютъ къ извѣстному изреченію Монтеня о предпочтеніи головы хорошо развитой головѣ хорошо наполненной. Никто и не сомнѣвается въ этой азбучной истинѣ. Но усердные поклонники этого афоризма почему то обыкновенно думаютъ, что развивать головы

---

[1]) „Военная наука, по вѣрному замѣчанію Головачева, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ прикосновенныхъ къ ней вопросовъ, начиная, напр., съ воспитанія военнаго человѣка, анализа его національнаго характера, первобытной жизненной обстановки и традицій,—его нравственной выдержки и *служебной обстановки*. Всѣ великіе полководцы обращали главное вниманіе на нравственную сторону своихъ подчиненныхъ, съ которыми они умѣли совершать геройскіе подвиги,—и все на почвѣ своихъ національныхъ вѣрованій и традицій".

(„Чесменское сраженіе въ его полит. и стратег. обстановкѣ и русскій флотъ въ 1769 году", М. Сб. 1900 г., № 1).

можно исключительно лишь патентованными пріемами (напр., изученіемъ древнихъ языковъ или исторіи в. искусства), а что другія науки (какъ соціологія, исторія и прочая «словесность») въ состояніи лишь наполнять ихъ.

Военное искусство не можетъ замѣнить геройства.

Въ прямой связи съ подобнымъ направленіемъ академической науки наблюдается склонность къ возвеличиванію военнаго искусства надъ «геройствомъ». Такое нарушеніе равновѣсія мнѣ представляется совсѣмъ нежелательнымъ. Въ военномъ человѣкѣ оба эти качества должны непремѣнно совмѣщаться, но, если ужъ необходимо почему либо сдѣлать между ними выборъ, то, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ оказать предпочтеніе геройству (только безъ кавычекъ). Ибо всякій, вѣроятно, согласится, что невѣжественное мужество на войнѣ все же лучше просвѣщенной трусости [1]).

Естественность реакціи противъ застоя и невѣжества во флотѣ.

Справедливость требуетъ, однако, признать, что и новое направленіе у насъ военной науки, особенно ярко обозначившееся послѣ неудачной японской войны, явилось не совсѣмъ зря, а какъ естественная реакція противъ военнаго невѣжества, преимущественно процвѣтавшаго во флотѣ. Этого невѣжества не только не стыдились, но многіе даже имъ какъ будто бахвалились, опираясь на вредныя или ложно понимаемыя традиціи. Одна изъ нихъ—«шапками закидаемъ!», особенно много зла принесла намъ на протяженіи нашей исторіи. Происхожденіе ея теряется въ глубинѣ вѣковъ. По крайней мѣрѣ, уже въ 1216 году, во время междуусобной брани на р. Липецѣ, младшіе Всеволодовичи, уговорившись заранѣе на счетъ раздѣла всей русской земли, такъ кичились передъ ратью своихъ противниковъ: «а эти-то полки—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ и кулаками переколотимъ» [2]). На другой день хвастуны были разбиты на голову, потерявъ 9 тысячъ человѣкъ.

Вредъ національнаго самомнѣнія.

Военное просвѣщеніе и военный духъ.

Итакъ, для борьбы съ подобными уродливыми наклонностями нашего національнаго характера военное просвѣщеніе

---

[1]) Вспомнимъ хотя бы извѣстнаго „Бартека—побѣдителя“ Г. Сенкевича.

[2]) Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“. I, 410.

незамѣнимо. Особенно нуждается въ немъ нашъ флотъ. Но бѣда, если въ пылу этой борьбы мы неосмотрительно коснемся святынь народныхъ, драгоцѣннѣйшихъ завѣтовъ старины, которыми, какъ цементомъ скрѣпляется вся наша тысячелѣтняя исторія.

Безъ нихъ всѣ наши остроумнѣйшія теоріи и ученѣйшія системы разсѣются на полѣ брани какъ дымъ.

VI.

Военныя науки.

Россія и Европа.—Эволюція исторіи военнаго искусства въ Россіи.—Первая попытка опредѣлить, что такое исторія военнаго искусства.—Несостоятельность ея.—Исторія военнаго искусства возникла на развалинахъ плохо поставленной военной исторіи.—Своевременное упорядоченіе военной исторіи предотвратило бы расколъ въ исторической наукѣ и устранило бы существующую теперь путаницу въ понятіяхъ.—Реформа Д. А. Милютина.—Новое опредѣленіе исторіи военнаго искусства.—Трудность ея изложенія.—Эволюція академическаго образованія во флотѣ.—Офицерскій Классъ.—Академическій Курсъ морскихъ наукъ.—Николаевская Морская Академія.—Идея о необходимости для моряковъ военнаго образованія и первыя неудачныя попытки ея осуществленія.—Косность морской среды.—Отношеніе И. А. Шестакова къ морской академіи.—Учрежденіе Курса военно-морскихъ наукъ.—Примѣръ Франціи.—Затрудненія первыхъ лекторовъ.—Отсутствіе лекторовъ по исторіи русскаго флота, какъ знаменіе времени.—Цѣль и методъ курса исторіи русскаго флота.—Характеръ изложенія всеобщей морской исторіи.—Методика моего курса.—Измѣненія учебнаго плана въ зависимости отъ перемѣнъ во взглядахъ на военно-морскую исторію.

Россія и Европа.

Подражательность и стремленіе безъ толку «равняться на Западъ»—это печальные остатки петровскаго наслѣдія, ставшія второй нашей натурой и дѣйствительно показывающія, что въ области исторіи нашего самознанія творится что-то неладное.

По старой привычкѣ мы продолжаемъ ѣздить въ чужія земли за порядкомъ для нашей военной науки и нерѣдко уклоняемся отъ самобытной разработки ея въ нашемъ національномъ духѣ [1]). А нашей военно-морской наукѣ, суще-

[1]) Къ современнымъ попыткамъ такого рода можно, впрочемъ, отнести недавно изданную Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ монографію старшаго лейтенанта Е. Н. Квашнина-Самарина „Морская идея въ русской землѣ“ (Исторія до-Петровской Руси съ военно-морской точки зрѣнія). С.-Петербургъ, 1912 г. Трудъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ предназначенъ служить и распространенію морской идеи въ Россіи, о чемъ у меня рѣчь ниже въ главѣ IX.

ствующей всего безъ году недѣлю, и Богъ велѣлъ, какъ говорится, плестись, пока въ хвостѣ старшей братьи.

Эволюція исторіи военнаго искусства въ Россіи.

Съ самаго основанія Императорской Военной Академіи въ 1832 году въ ней появляется уже курсъ «Исторіи военнаго искусства», какъ *часть военной исторіи*. Первый лекторъ этого предмета, г. м. баронъ Зедделеръ, такъ формулировалъ свою задачу:

Первая попытка опредѣлить что такое исторія военнаго искусства.

«Можно ли въ наше время усовершенствовать военное званіе, не требуя отъ начальствующихъ надъ войскомъ образованія, соотвѣтственнаго важной ихъ должности, и не распространяя между ними военныхъ наукъ и познаній?

Въ числѣ сихъ познаній исторія военнаго искусства занимаетъ во всѣхъ высшихъ ввенно-учебныхъ заведеніяхъ просвѣщенной Европы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. *Она служитъ практическимъ введеніемъ въ прочія военныя науки*, показываетъ преимущества и недостатки правилъ ихъ у различныхъ народовъ прошедшихъ временъ и объясняетъ, какимъ образомъ эти науки достигли, наконецъ, настоящаго совершенства. Притомъ *безъ основательнаго знанія исторіи военнаго искусства нѣтъ возможности понимать исторію военную*, а безъ знанія сей послѣдней нельзя быть ни образованнымъ воиномъ, ни хорошимъ полководцемъ. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, думали Фридрихъ Великій и Наполеонъ» [1]).

Несостоятельность ея.

Тутъ, наряду съ обычнымъ преклоненіемъ передъ Европой, мы встрѣчаемся и съ совершенно невѣрнымъ взглядомъ на роль военной исторіи среди другихъ военныхъ наукъ. Изъ подчеркнутыхъ мною строкъ выходитъ, что не исторія служитъ главнымъ источникомъ военныхъ наукъ, а исторія военнаго искусства, каковая и должна поэтому предшествовать не только стратегіи и тактикѣ (что тоже еще вопросъ), но и военной исторіи, чего ужъ совершенно нельзя понять. Очевидно, путаница въ понятіяхъ, существующая до-нынѣ, появилась еще давно, почти одновременно съ нарожденіемъ новой науки «Исторіи военнаго искусства». Потребность въ ней, вѣроятно, была, такъ какъ безъ спроса не бываетъ обык-

Исторія военнаго искусства возникла на развалинахъ плохо поставленной военной исторіи.

[1]) Проф. А. К. Баіовъ. „Исторія в. искусства, какъ наука“. („Извѣстія И. Н. В. Академіи“ 1910 г. № 7, с. 455).

повенно и предложенія; ближайшимъ же поводомъ къ учрежденію новой каѳедры послужила, повидимому, неудовлетворительная постановка преподаванія военной исторіи въ академіи.

По свидѣтельству Леера, она сводилась къ обширному, чисто фактическому, курсу, въ шутку прозванному «наукою о томъ, кто куда пошелъ» или «вензелями, которые арміи выписывали ногами» [1]).

Но горю не могла помочь и новая военная наука, такъ какъ въ трудахъ Зедделера и Веймарна, по словамъ проф. Баіова,—«отсутствовало самое главное, а именно: искусство веденія войны» [2]).

Своевременное упорядоченіе военной исторіи предотвратило бы расколъ въ исторической наукѣ и устранило бы существующую теперь путаницу въ понятіяхъ.

Къ чему же тогда, спрашивается, и затѣвать было все это? Не въ названіяхъ же дѣло. И не проще ли было-бы вмѣсто выдумыванія новой науки заняться упорядоченіемъ преподаванія военной исторіи на болѣе раціональныхъ началахъ?

Но разъ это не было сдѣлано въ свое время, то много позже пришлось, считаясь съ существующимъ фактомъ и установившимися уже традиціями, приняться сразу за преобразованіе всего тогдашняго академическаго преподаванія, потрясеннаго въ самомъ своемъ основаніи (военной исторіи).

Реформа Д. А. Милютина.

Это и выпало на долю особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ самого военнаго министра, Д. А. Милютина (1865 г.). Оно постановило раздѣлить бывшій курсъ военной исторіи на двѣ отдѣльныя части: исторію военнаго искусства и изученіе отдѣльныхъ кампаній. Первая должна была состоять въ «изложеніи послѣдовательныхъ измѣненій въ образѣ веденія войны» съ древнѣйшихъ временъ, причемъ главной цѣлью должно было быть «указаніе того вліянія, которое современныя условія имѣли на состояніе военнаго искусства въ каждую эпоху». Что касается до изученія кампаній, то оно должно было представлять собой критическій разборъ избранныхъ кампаній (двухъ или трехъ), съ подробнымъ изложеніемъ не только всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ дѣйствій, но и

[1]) Кладо. „Введеніе въ курсъ и. в. м. искусства“, 241.

[2]) „Ист. в. искусства, какъ наука“. с. 457.

распоряженій военно-административныхъ и хозяйственныхъ, въ общей совокупности, такъ какъ «только при подобномъ полномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи цѣлой кампаніи можно ожидать основательнаго и полезнаго критическаго разбора» [1]).

Новое опредѣленіе исторіи военнаго искусства. Трудность ея изложенія.

Такимъ образомъ, совѣщаніе впервые формулировало исторію военнаго искусства, какъ науку, но при этомъ затруднилось, повидимому, опредѣлить форму, въ которую она должна была выливаться.

Эту задачу взялъ на себя уже самъ авторъ цитируемой статьи, исходя изъ предположенія, что самое раздѣленіе военной исторіи на двѣ совершенно отдѣльныя части «какъ бы противопоставляло одну другой» и что слѣдовательно и формы изложенія обѣихъ частей должны быть въ значительной мѣрѣ противоположны. Такимъ образомъ, считаясь съ вышеизложеннымъ опредѣленіемъ задачъ военной исторіи и требованіями, предъявляемыми совѣщаніемъ къ новой наукѣ, профессоръ Баіовъ приходитъ къ заключенію, что послѣдняя «должна была вылиться не въ подробномъ изложеніи дѣйствій и распоряженій во время тѣхъ или другихъ войнъ, а въ томъ, чтобы отмѣтить въ каждой эпохѣ все то, что можетъ характеризовать особенность современнаго веденія войны и причины этихъ особенностей» [2]).

Этой исчерпывающей антитезой можно и закончить справку о постановкѣ исторіи военнаго искусства въ военной академіи. Остается лишь напомнить, что, по свидѣтельству того же автора, не остался безъ вліянія на характеръ академической реформы и классическій трудъ самого Милютина «Исторія войны съ Франціей въ 1799 году». Это сочиненіе, какъ образецъ чисто исторической работы, и въ настоящее время не потеряло своего значенія.

Перейдемъ теперь къ нашимъ военно-морскимъ наукамъ.

Начнемъ, для сравненія, тоже съ краткой исторической справки.

Эволюція академическаго образованія во флотѣ.

Къ удивленію, вѣроятно, многихъ, флотъ въ этомъ отношеніи не только не отсталъ, но и опередилъ даже армію,

---

[1]) „Исторія в. искусства, какъ наука“, 459—461.

[2]) „Истор. в. искусства, какъ наука“, 461.

хотя всего лишь на пять лѣтъ. Наша морская академія, правда подъ болѣе чѣмъ скромнымъ названіемъ «Офицерскаго Класса» (этою добродѣтелью мы всегда славились), появилась на свѣтъ еще въ 1827 году. Это учрежденіе ютилось при Морскомъ корпусѣ и имѣло сначала только годичный, а затѣмъ трехгодичный общій для всѣхъ слушателей курсъ. Кромѣ морскихъ наукъ, въ немъ преподавались: исторія, русская литература и иностранные языки.

Офицерскій Классъ.

Въ 1862 году, въ связи съ крупными реформами въ военно-морскомъ дѣлѣ (паръ, броня, нарѣзная артиллерія и проч.) и быстрымъ развитіемъ естественныхъ наукъ, «Классъ» преобразованъ былъ въ «Академическій Курсъ морскихъ наукъ» съ тремя спеціальными отдѣленіями [1]) и двухгодичнымъ курсомъ.

Академическій курсъ морскихъ наукъ.

Такимъ образомъ, мы успѣли не только потерять свое первенство, но и значительно отстать отъ существовавшей уже 30 лѣтъ сухопутной *академіи*. Только въ 1877 году, по случаю исполнившагося 50-ти лѣтія со дня основанія «Класса», мы, наконецъ, рѣшились присвоить своему ученому учрежденію давно уже выслуженный имъ титулъ «академіи».

Николаевская Морская Академія.

Это чисто-формальное торжество ничего, впрочемъ, не измѣнило въ организаціи и функціяхъ новаго учрежденія. А между тѣмъ, казалось бы, что, рожденное подъ громъ побѣдъ нашихъ въ Турціи, оно могло бы откликнуться на бродившую уже нѣсколько лѣтъ во флотѣ идею о необходимости собственно *военнаго* образованія для морскихъ офицеровъ [2]). При горячей поддержкѣ такого выдающагося морского педагога, какъ тогдашній начальникъ морского училища, контръ-адмиралъ В. А. Римскій-Корсаковъ, и сочувствіи товарища Управляющаго М. Министерствомъ, вице-адмирала Лесовскаго, идея эта была разработана въ особой запискѣ о необходимости образованія въ академіи «Морского Отдѣленія» [3]), гдѣ чита-

Идея о необходимости для моряковъ военнаго образованія и первыя неудачныя попытки ея осуществленія.

---

[1]) Гидрографическимъ, кораблестроительнымъ и механическимъ.

[2]) Записка ген. лейт. Ѳ. Ѳ. Веселаго, отъ 29 марта 1886 г.

[3]) Записка эта представлена была въ 1872 году Управляющему М. Министерствомъ и обсуждалась затѣмъ въ Комитетѣ М. учебныхъ заведеній. Послѣдній не могъ придти къ соглашенію и проектъ былъ

лись-бы: морская тактика, морская артиллерія, минное искусство, морское международное право, морская исторія, морская статистика и морская гигіена, «знаніе которыхъ, по отзыву извѣстнаго морского историіографа, не только существенно важно для всякаго образованнаго морского офицера, но даже представляется необходимымъ въ видахъ пользы самой службы» [1]).

Несмотря на такое отношеніе къ дѣлу нѣкоторыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ лицъ, оно не получило осуществленія не только въ 1877 году, но и въ 1881 году, когда снова поднятъ былъ вопросъ о необходимости преобразованія академическаго курса.

Косность морской среды.

Объясняется такая неудача, главнымъ образомъ, недостаточно яснымъ и твердымъ сознаніемъ въ настоятельной необходимости военнаго образованія какъ среди самихъ морскихъ офицеровъ, такъ и особенно въ высшихъ морскихъ сферахъ того времени.

Не касаясь интересныхъ подробностей этого отрицательнаго отношенія нашего морского сословія къ своей главнѣйшей наукѣ [2]), я приведу здѣсь лишь одинъ небольшой эпизодъ, ярко рисующій популярный тогда взглядъ на морскую академію. «Считаю одну вакансію на каждомъ суднѣ для академиста,—писалъ управляющій м. министерствомъ, адмиралъ И. А. Шестаковъ,—слишкомъ большою пропорціей», «Довольно,

Отношеніе И. А. Шестакова къ морской академіи.

разосланъ на заключеніе 231 избраннымъ офицерамъ различныхъ м. спеціальностей. Изъ нихъ только 36 человѣкъ дали свои (впрочемъ, довольно разнорѣчивые) отзывы. Это тоже, если хотите, знаменательный фактъ въ исторіи нашего военнаго просвѣщенія.

[1]) Собственно, идея эта уже и тогда не была новой. Императоръ Павелъ еще въ 1797 году писалъ въ Кронштадтъ, адмиралу А. И. Крузу: «Господинъ Адмиралъ Крузъ! Извольте учредить по вашей дивизіи классъ какъ для флагмановъ, капитановъ и офицеровъ, въ которой собираться всѣмъ тѣмъ, кои службою того дня заняты не будутъ; въ классѣ проходить всѣ нужныя для морского офицера науки, какъ то, тактику, еволюцію, навигацію, практику, о корабельной архитектурѣ, равномѣрно читать новый уставъ».

Подобные же „классы“ были учреждены и въ другихъ важнѣйшихъ портахъ.

[2]) Объ этомъ см. въ книгѣ Н. Л. Кладо „Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства“.

пока нѣтъ особого уваженія къ академистамъ, назначить, чтобы непремѣнно посылали одного изъ каждаго экипажа» [1]).

Къ этому надо прибавить, что, какъ никакъ, академисты получали солидную математическую и спеціальную подготовку и почти не пользовались никакими служебными преимуществами.

«Новая идея,—сказалъ какъ то Фонтенель,—это клинъ, который входитъ только толстымъ концомъ». Дѣйствительно, не мало воды утекло прежде чѣмъ она, наконецъ, выглянула на свѣтъ Божій! Только въ 1895 году получила она, наконецъ, свое осуществленіе, въ видѣ *Курса военно-морскихъ наукъ*, учрежденнаго *при* Николаевской Морской Академіи. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ вліянія Европы. Оно выразилось, во-первыхъ, въ томъ, что дружественная Франція подала намъ примѣръ, поспѣшивъ основать чуточку раньше свою высшую морскую школу; а, во-вторыхъ, устыдившись своей отсталости, мы не только тотчасъ же послѣдовали этому примѣру, но и поторопились послать во Францію своего офицера за «порядкомъ» для новаго нашего учрежденія.

Учрежденіе Курса военно-морскихъ наукъ.

Примѣръ Франціи.

Мы такъ привыкли со временъ Петра ѣздить за порядкомъ «въ Амстердамъ» [2]), что чувствуемъ себя какъ то не въ своей тарелкѣ, когда нѣтъ у насъ на Западѣ подходящаго прецедента или, въ крайнемъ случаѣ, хоть своего «образца по примѣру прошлыхъ лѣтъ». А между тѣмъ, въ тогдашнемъ французскомъ флотѣ вопросъ о военномъ образованіи стоялъ, повидимому, ничуть не лучше, чѣмъ у насъ.

Окончивъ курсъ в. м. наукъ въ 1896 году, я получилъ приглашеніе академической конференціи читать на немъ исторію русскаго флота или русскую в. м. исторію что, конечно, одно и тоже. И сейчасъ же наткнулся на значительныя затрудненія. Прежде всего не было пресловутаго «образца», такъ какъ до того предметъ этотъ вовсе не читался, за неимѣніемъ лектора [3]).

Затрудненія первыхъ лекторовъ.

---

[1]) А. Г. фонъ Витте. „Очеркъ устройства управленія флотомъ въ Россіи и иностр. государствахъ". СПБ. 1907 г., с. 513. Курсивъ мой.

[2]) См. шутку-поэму гр. А. К. Толстого „Русская исторія отъ Гостомысла".

[3]) Образецъ собственно былъ (курсъ всеобщей морской исторіи), но, какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію, онъ оказался

Отсутствіе лекторовъ по исторіи русскаго флота какъ знаменіе времени.

Этотъ фактъ уже самъ по себѣ весьма знаменателенъ, ибо лучше всего, быть можетъ, рисуетъ отношеніе флота къ своей собственной исторіи. Дѣйствительно, ужъ что другое, а ее-то, казалось бы, невозможно не знать. Талантливыхъ же преподавателей въ академіи и спеціальныхъ офицерскихъ классахъ у насъ всегда было достаточно. Въ свое оправданіе мы могли бы привести развѣ только то, что въ тѣ времена въ Морскомъ Училищѣ намъ подъ именемъ в. м. исторіи предлагались лишь описанія нѣсколькихъ болѣе выдающихся морскихъ сраженій, не связанныхъ никакой общей идеей, причемъ о стратегіи никто и не слыхалъ даже, а морская *тактика* постоянно смѣшивалась съ *эволюціями*. Для серіознаго же научно-историческаго самообразованія не хватало времени, да и не было подходящихъ руководителей. Выступать приходилось, къ тому же, передъ весьма солидной аудиторіей, которая могла бы импонировать и не такому неопытному лектору, какъ я [1]).

При подобныхъ условіяхъ было прямо рисково брать на себя такую отвѣтственную обязанность, тѣмъ болѣе что объ освобожденіи отъ строевыхъ служебныхъ занятій, даже зимой, нечего было и думать [2]). Неудивительно послѣ этого что, несмотря на мое увлеченіе исторіей и нѣкоторое дилетантское знакомство съ нею, мнѣ пришлось не мало испытать колебаній и сомнѣній, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться принять сдѣланную мнѣ честь.

«Имъ положило конецъ лишь сознаніе въ необходимости каждому изъ насъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, послужить на пользу нашего еще юнаго учрежденія, вызваннаго къ жизни новыми потребностями флота» [3]).

мало для меня пригоднымъ, о чемъ и будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Въ числѣ слушателей было: 3 капитана 1-го ранга, 9 капитановъ 2-го ранга и 2 лейтенанта, большею частію окончившіе уже спеціальные Оф. Классы, артиллерійскій или минный.

[2]) Несмотря на неоднократное ходатайство объ этомъ начальника академіи, я не былъ освобожденъ даже отъ самыхъ мелочныхъ служебныхъ нарядовъ, что тоже весьма характерно для тогдашняго своеобразнаго отношенія къ наукѣ.

[3]) Капитанъ 2-го ранга Е. И. Аренсъ. „Исторія рус. флота. Екатерин. періодъ“ 1897 г. Литогр. лекціи. Вступленіе.

Своего учебнаго совѣта Курсъ тогда еще не имѣлъ; единства учебнаго плана не существовало; согласованія программъ между собой и съ общею цѣлью академическаго образованія— тоже. Каждый преподаватель «открывалъ Америку» по своему, почти не считаясь съ такого же рода попытками своихъ коллегъ.

Цѣль и методъ курса исторію русскаго флота.

Прежде всего, конечно, предстояло мнѣ выяснить цѣль своего курса и методъ его изложенія. Но это оказалось не такъ просто, какъ я себѣ представлялъ. Тотъ маседуанъ, которымъ насъ угощали когда-то въ Морскомъ Училищѣ, давно уже испарился, а новые факты и идеи, пріобрѣтенные путемъ чтенія и размышленія, не укладывались какъ-то въ опредѣленную принаровленную къ извѣстной цѣли программу. Правда, я только что самъ прослушалъ академическій курсъ всеобщей в. м. исторіи и, слѣдовательно, получилъ какъ бы возможность использовать его въ извѣстной мѣрѣ для предстоявшей мнѣ однородной работы. Но програма упомянутако курса (40 страницъ in folio), разбитая на 233 параграфа, состояла лишь изъ обычнаго перечня историческихъ фактовъ и не заключала въ себѣ никакихъ указаній на основную идею предмета и способъ его трактованія [1]). Самое же изложеніе, вслѣдствіи все той же новизны дѣла и другихъ затрудненій, которыя приходилось преодолѣвать всѣмъ начинающимъ лекторамъ [2]), не могло, конечно, отличаться особою устойчивостью и опредѣленностью, тѣмъ болѣе на первыхъ порахъ. Военно-морская исторія то совершенно сливалась въ немъ съ исторіей в. м. искусства (слѣдовательно, теряла свое лицо), то впадала въ тонъ обыкновеннаго *повѣствованія* о минувшихъ событіяхъ (что не отвѣчало теоретическимъ взглядамъ самого лектора).

Характеръ изложенія всеобщей морской исторіи.

Это и неудивительно, такъ какъ, во первыхъ, очень трудно провести точную границу между в. м. исторіей и исторіей

---

[1]) Въ такомъ же духѣ составлена была кѣмъ-то и первая программа исторіи русскаго флота (1895 г.), оставшаяся, впрочемъ, безъ употребленія.

[2]) Подробности см. въ книгѣ Н. Л. Кладо „Введеніе въ ист. в. м. искусства“, предисловіе.

в. м. искусства (къ тому же, оба предмета читались однимъ и тѣмъ же лекторомъ), а во-вторыхъ, какъ уже было говорено, гораздо легче пропагандировать различные методы, чѣмъ осуществлять ихъ на дѣлѣ. Понятно поэтому, что такое искусственное расчлененіе одной науки на два, въ сущности однородные и смежные отдѣла и параллельное ихъ изложеніе въ одномъ и томъ же классѣ представлялось дѣломъ непосильнымъ даже для такого талантливаго преподавателя, на долю котораго выпала эта неблагодарная задача. Дѣйствительно, въ концѣ концовъ оба предмета слились въ одинъ и исторія в. м. искусства окончательно вытѣснила изъ стѣнъ академіи свою неудобную сосѣдку.

Методика моего курса.

Оставалась исторія русскаго флота, къ которой мы теперь и вернемся.

Предоставленный самому себѣ въ самый критическій моментъ моей преподавательской дѣятельности, я попытался, какъ умѣлъ, установить для предстоящаго курса собственныя директивы.

Исходя изъ того соображенія, что мои слушатели уже достаточно знакомы съ основными фактами нашей морской исторіи, я пришелъ къ убѣжденію въ необходимости базировать свой курсъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Цѣль академическаго преподаванія исторіи—не умноженіе сокровищъ памяти, а *осмысленіе* того, что ранѣе пріобрѣтено [1]).

2) Наиболѣе плодотворнымъ будетъ изученіе морской исторіи въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, такъ какъ только такое изученіе дастъ намъ возможность уяснить себѣ задачи нашего флота и указать средства для ихъ осуществленія.

3) На первомъ планѣ должны стоять вопросы *морской политики* [2]) и изслѣдованіе вліянія характера ея на состояніе и роль флота въ данную эпоху.

---

[1]) Главная задача военной исторіи, по опредѣленію генерала Леера, сводится „къ объясненію мертвыхъ фактовъ, одухотворенію ихъ путемъ оживляющей ихъ мысли“ (Методъ в. наукъ, 65).

[2]) Подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ отношеніе правительства страны къ задачамъ и средствамъ своей морской силы. Напримѣръ, главною цѣлью м. политики Англіи всегда было—господство на морѣ.

4) Ради достиженія возможно цѣльнаго представленія о ходѣ нашей морской исторіи, захватывать постепенно все большіе періоды, поступаясь менѣе важными подробностями.

5) Канвою курса должна служить исторія Россіи. Морской исторіи принадлежатъ узоры.

6) Особеннаго вниманія заслуживаютъ совмѣстныя операціи арміи и флота, какъ наиболѣе типичныя для нашей страны.

7) Методъ изслѣдованія—историко-критическій, какъ наиболѣе цѣлесообразный въ данномъ случаѣ.

Такая постановка преподаванія въ свое время никакихъ возраженій не вызвала.

Измѣненія учебнаго плана въ зависимости отъ перемѣнъ во взглядахъ на военно-морскую исторію.

Итакъ, въ первые годы сушествованія Курса в. м. наукъ одновременно читались на немъ 2 морскія исторіи (всеобщая и русская) и 1 исторія в. м. искусства (всеобщая). Но впослѣдствіи эта пропорція, по различнымъ обстоятельствамъ, измѣнилась въ ущербъ в. м. исторіи. Началось, какъ я уже упоминалъ, съ отказа лектора читать всеобщую в. м. исторію, какъ предметъ, не выдержавшій конкуренціи исторіи в. м. искусства и, въ концѣ концовъ, совершенно слившійся съ нею. Затѣмъ исторія русскаго флота раскололась на три отдѣльные предмета, выдѣливъ изъ себя (на подобіе извѣстнаго вида инфузоріи) исторію русскаго в. м. искусства и стратегическій разборъ отдѣльныхъ русскихъ морскихъ кампаній.

Въ результатѣ оказалось: 2 исторіи морского искусства, 1 прикладная морская стратегія и 1 морская исторія.

Не вдаваясь въ оцѣнку создавшагося такимъ образомъ положенія (что не входитъ въ задачу настоящаго труда), я перейду теперь къ разсмотрѣнію болѣе общихъ, а потому и болѣе важныхъ для насъ въ данномъ случаѣ, вопросовъ. Я постараюсь выяснить здѣсь, на сколько это окажется возможнымъ, дѣйствительное мѣсто в. м. исторіи и исторіи в. м. искусства среди другихъ военно-морскихъ наукъ и взаимныя отношенія обѣихъ.

Задача эта не изъ легкихъ, такъ какъ туману тутъ было въ разное время напущено достаточно.

VII.

Военно-морская исторія и исторія военно-морского искусства.

Происхожденіе исторіи военнаго искусства. — Что такое исторія военно-морского искусства.—Противопоставленіе ея военно-морской исторіи.—Задачи исторіи военно-морского искусства.—На всемъ готовомъ.—Различныя мѣрки для обѣихъ наукъ.—Объединеніе обѣихъ наукъ въ борьбѣ съ врагами здраваго смысла.—Упраздненіе собственно военно-морской исторіи.—Попытки замѣнить ее исторіей военно-морского искусства.—Недочеты теоріи военнаго искусства.—Сравненіе съ естественными науками.—Военной науки нѣтъ, а есть только теорія военнаго искусства. Комментаріи Драгомирова. — Теорія и боевой опытъ.—Военные теоретики въ роли „Великаго Инквизитора“ и врачей, пользовавшихъ „Ивана Ильича“.—Безсиліе военной теоріи.—Сравненіе ея съ физической теоріей газовъ.—Аналогія съ химіей и ботаникой.—Неисторическій методъ и его недостатки.—Склонность къ тенденціозности.—Различное отношеніе военно-морской исторіи и исторіи военно-морского искусства къ фактамъ. Примѣръ: русскій флотъ въ Николаевскую эпоху.—Однихъ голыхъ фактовъ еще недостаточно; необходима объективная оцѣнка ихъ въ связи съ обстановкой.—Расцвѣтъ литературы и искусствъ въ эту эпоху застоя и гнета.—Военная характеристика этой эпохи.—Заслуги флота.—Синопскій бой.—Нашъ паровой флотъ въ Крымскую кампанію.—Заботы адмирала Корнилова о своевременной его постройкѣ. Идеи и люди.—Техника создается не флотомъ, а страной.—Почему можно считать первую половину Николаевскаго царствованія эпохой возрожденія нашего флота.—Исторія военно-морского искусства не можетъ замѣнить военно-морской исторіи.

Происхожденіе исторіи военнаго искусства.

Исторія военнаго искусства, какъ мы уже видѣли, не есть продуктъ нашего національнаго творчества, а родилась на Западѣ и пересажена къ намъ въ готовомъ видѣ. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что ко времени ея возникновенія у насъ уже имѣлись собственные высокіе образцы военнаго искусства (Петръ Великій, Румянцовъ, Суворовъ), до которыхъ военная академія добралась, однако, только въ 1894 году [1]).

---

[1]) Мартыновъ, Е. И. „Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны“, 100. С.П.Б. 1906 г.

Съ учрежденіемъ Курса в. м. наукъ, новая наука, успѣвшая уже достаточно аклиматизироваться у насъ, стала понемногу дѣлаться достояніемъ и флота. Надъ примѣненіемъ метода и пріемовъ теоріи военнаго искусства къ изслѣдованію морской войны особенно много поработалъ Н. Л. Кладо, подъ авторитетнымъ вліяніемъ военно-философской системы генерала Г. А. Леера. Такимъ путемъ создалась у насъ исторія военно-морского искусства.

Что же это такое?

Что такое исторія военно-морского искусства.

Ничего не можетъ быть труднѣе опредѣленія, особенно въ новыхъ научныхъ областяхъ, съ которыми мы еще не совсѣмъ успѣли освоиться. Для подтвержденія этой истины достаточно указать на то, что въ то время какъ для опредѣленія стратегіи и тактики требуется всего нѣсколько строкъ, для выясненія сущности исторіи в. м. искусства приходится прибѣгать къ многорѣчивымъ разсужденіямъ на нѣсколькихъ страницахъ. Объясняется это, мнѣ кажется, больше всего стремленіемъ адептовъ новой науки противопоставлять ее устарѣвшей-де в. м. исторіи, которая, будто бы, до сихъ поръ продолжаетъ пробавляться исключительно описательнымъ методомъ, способствуя лишь «накопленію умственнаго жира» вмѣсто «умственныхъ мышцъ».

Противопоставленіе ея военно-морской исторіи.

Если въ устахъ Леера, боровшагося съ призраками прошлаго и съ враждебно настроенными противъ его ученія современниками, такой пріемъ еще понятенъ, то теперь ужъ обращеніе къ нему не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Въ наше время даже въ школьныхъ учебникахъ избѣгаютъ чисто описательнаго метода. Къ тому же, странно было-бы думать, что исторія в. м. искусства единственное окошко, черезъ которое проникаетъ свѣтъ въ область нашей профессіи. У в. м. исторіи есть много другихъ методовъ и пріемовъ, которые даютъ ей возможность научно обрабатывать свой матеріалъ ничуть не хуже, чѣмъ это дѣлаетъ исторія в.м. искусства, преслѣдующая свои узко-спеціальныя цѣли.

На основаніи многочисленныхъ попытокъ выяснить цѣль исторіи в. м. искусства въ трудахъ Н. Л. Кладо и А. Н. Щеглова

Задачи исторіи в. м. искусства.

(а другихъ пока въ нашей м. литературѣ не имѣется), мы вправѣ, кажется, прійти къ такому заключенію: исторія в. м. искусства изучаетъ *сущность военныхъ явленій на морѣ, не зависящую отъ обстановки* и, слѣдовательно, пригодную для всѣхъ временъ. Обрабатывая въ этомъ направленіи в. м. матеріалъ, она стремится отыскать *неизмѣнныя условія* (*принципы военнаго дѣла*), *ведущіе къ успѣху на войнѣ*.

На всемъ готовымъ.

«Здѣсь уже нѣтъ заботы объ установленіи фактической стороны событій—она берется *готовой* изъ изслѣдованій по военной исторіи» [1]). Значитъ, гдѣ же нибудь да надо ее *готовить*?

Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ приходится достигать точнаго установленія самыхъ элементарныхъ, казалось бы, историческихъ фактовъ. Мы знаемъ также, что для этого недостаточно одного краснобайства, а необходимы тѣ-же самые пріемы логическаго мышленія (индукція, дедукція, аналогія), которыми стала пользоваться такъ еще недавно и сама исторія в. м. искусства.

Безъ фактическаго фундамента, добытаго изъ нѣдръ историческаго хаоса такимъ именно научнымъ путемъ, послѣдняя вѣдь ничего не стоитъ.

Различныя мѣрки для обѣихъ наукъ.

Между тѣмъ, игнорируя и умаляя эту «черную», кропотливую, а подчасъ и весьма неблагодарную работу, нѣкоторые ученые изслѣдователи любятъ однако подчеркивать важное (въ смыслѣ развитія метода военнаго мышленія) значеніе труда по извлеченію принциповъ военнаго дѣла изъ готовыхъ уже фактовъ и анализу способовъ примѣненія этихъ принциповъ къ различной обстановкѣ. Кстати сказать, насажденіе такого *военнаго мышленія* входитъ даже въ задачи корпуснаго учебника по исторіи в. м. искусства [2])

Объединеніе обѣихъ наукъ въ борьбѣ съ врагами здраваго смысла.

Но оказывается, что у в. м. исторіи и исторіи в. м. искусства имѣется и общая имъ весьма заманчивая задача: отысканіе врага здраваго смысла и выясненіе средствъ для борьбы съ этимъ зломъ [3]). О, если бы все оно было, какъ у Гар-

---

[1]) Н. Л. Кладо. „Введеніе въ ист. в. м. искусства“, 226. Курсивъ мой.
[2]) А. Н. Щегловъ. „Исторія в. м. искусства“. СПБ. 1908 г., с. 12.
[3]) Н. Л. Кладо. „Введеніе въ исторію в. м. искусства“, с. 295.

шина, цѣликомъ сконцентрировано въ одномъ «Красномъ цвѣткѣ»! Тогда ничего не было бы легче, какъ вырвать его въ одинъ мигъ съ корнемъ. Но, къ сожалѣнію, оно не имѣетъ постоянной штабъ-квартиры и не вьетъ себѣ гнѣзда исключительно въ сферѣ военныхъ идей, а наполняетъ незримыми клѣточками тѣ самые «умственныя мышцы» человѣчества, о наростаніи которыхъ такъ хлопочутъ нѣкоторые военные теоретики. Къ тому же, такое приведеніе в. м. исторіи и исторіи в. м. искусства къ одному знаменателю какъ то не вяжется съ отрицаніемъ самостоятельнаго значенія в. м. исторіи и съ убѣжденіемъ, что послѣдняя можетъ претендовать на титулъ науки лишь при условіи полнаго отожествленія ея съ исторіей в. м. искусства. Ergo,—послѣдняя и есть единственно допустимая въ научномъ смыслѣ исторія, а всякая иная точка зрѣнія на этотъ предметъ признается ересью. Такая нетерпимость объясняется прежде всего, конечно, сравнительной молодостью новой науки (особенно во флотѣ), а затѣмъ переоцѣнкой ея значенія и не совсѣмъ яснымъ представленіемъ о сущности и задачахъ исторической науки.

Упраздненіе собственно военно-морской исторіи.

Исходя изъ того положенія, что опытъ прошлаго непримѣнимъ къ настоящему вслѣдствіи измѣненія обстановки и что поэтому в. м. исторія не можетъ имѣть непосредственнаго практическаго приложенія, ставятъ на ея мѣсто исторію развитія и примѣненія неизмѣнныхъ (и даже «вѣчныхъ»!) принциповъ военнаго дѣла. Такая постановка, можетъ быть, и не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ, но не слѣдовало бы забывать при этомъ и ея слабыхъ сторонъ. Принципы хотя сами по себѣ и не зависятъ отъ обстановки, но не они, а она на войнѣ повелѣваетъ. Слѣдовательно, принципы (главный объектъ теоріи) занимаютъ служебное положеніе по отношенію къ обстановкѣ (главный факторъ на войнѣ). Теорія же, выясняя природу и роль принциповъ военнаго дѣла, не въ состояніи научить примѣненію ихъ къ безконечно разнообразной обстановкѣ, т. е. самой важной задачѣ военнаго искусства. Это дѣло военнаго генія.

Попытки замѣнить ее исторіей в. м. искусства.

Недочеты теоріи военнаго искусства.

Сравненіе съ естественными науками.

Пресловутая неизмѣняемость человѣческой природы, на которой, главнымъ образомъ, зиждется эта теорія, не менѣе,

пожалуй, проблематична, чѣмъ постоянство химическихъ элементовъ. А условность принциповъ, допускающая иногда при самомъ грубомъ нарушеніи ихъ одерживать побѣды, тоже не особенно способствуетъ упроченію довѣрія ко всей системѣ.

Даже въ болѣе точныхъ и дисциплинированныхъ естественныхъ наукахъ строго отличаются *факты, составляющіе ихъ содержаніе*, отъ *теорій, которыми мы стараемся объяснить эти факты и группировать ихъ въ наши научныя системы*. «*На первыя нужно смотрѣть, какъ на абсолютное знаніе*, на знаніе неизмѣнное, если только не было въ наблюденіяхъ ошибки, которая, конечно, исправится послѣдующими наблюденіями. *Послѣднія, т. е. теоріи, суть только приближенія къ истинѣ и, даже въ наиболѣе совершенномъ развитіи своемъ, подвержены ограниченіямъ и измѣненіямъ*» [1]).

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что теорія военнаго искусства вовсе ужъ не такое внушительное и капитальное зданіе, какимъ она представляется ея фанатическимъ поклонникамъ.

Военной науки нѣтъ, а есть только теорія военнаго искусства. Комментаріи Драгомирова.

Справедливо утверждая, что «военной науки нѣтъ и быть не можетъ: ибо всякая наука есть произведеніе только ума и довлѣетъ сама себѣ», а что существуетъ лишь теорія военнаго искусства, въ коей находятъ примѣненіе почти всѣ науки, отъ математики до психологіи, М. И. Драгомировъ со свойственней ему прямотой заявляетъ: «Въ теоріи военнаго искусства я не знаю положенія, которое не допускало бы по крайней мѣрѣ двухъ противуположныхъ рѣшеній; которое изъ нихъ выбрать— дѣло военнаго діагноза, а какъ на избранномъ рѣшеніи настоять, не подчиняясь вліянію ни личностей, ни обстоятельствъ— дѣло характера» [2]).

---

[1]) Д. Кукъ. „Новая химія“, с. 1. Курсивъ мой.

[2]) „Одинадцать лѣтъ“ (1895—1905 г.г.), т. II, 451, 445.

Какъ нѣтъ собственно и медицинской науки, а есть только теорія врачебнаго искусства. Ибо, по справедливому замѣчанію Золя,—«медицина и остается искусствомъ, не имѣющимъ за себя твердаго оплота. Излеченіе всегда зависитъ отъ случая, отъ счастливыхъ обстоятельствъ, отъ догадливости врача. Вотъ почему мнѣ кажутся смѣшными споры этихъ господъ, опирающихся на незыблемые законы науки. Гдѣ они эти, законы? Пусть мнѣ ихъ покажутъ“. („Лурдъ“).

Теорія и боевой опытъ.

Ставя себѣ задачей теоретическую борьбу съ врагами здраваго смысла, исторія военнаго искусства опирается на знаніе и опытъ (военная исторія). Малая успѣшность этой борьбы объясняется, по убѣжденію того-же военнаго авторитета, тѣмъ, что тѣ теоретики, *которые работаютъ надъ словами, а не надъ предметами* (а таковыхъ значительное большинство), «обыкновенно даютъ выводы, съ практикой военнаго дѣла имѣющіе весьма мало общаго». Отсюда часто встрѣчающееся пренебреженіе боевыхъ офицеровъ къ измышленіямъ военныхъ теоретиковъ; «а съ ихъ голоса щеголяютъ этимъ пренебреженіемъ и тѣ, которые ни боя не видѣли, ни теоріи не знаютъ» [1]).

Виновниками такого печальнаго для интересовъ военнаго дѣла недоразумѣнія бываютъ, конечно, обѣ стороны. Но ничѣмъ неоправдываемое высокомѣріе теоретиковъ особенно часто даетъ себя тутъ знать. «Впрочемъ, и то надо сказать, замѣчаетъ по этому поводу Драгомировъ, что слишкомъ закопавшіеся въ свою теорію теоретики не прочь относиться пренебрежительно къ факту, даже до поползновеніи его подмалевывать» [2]).

Военные теоретики въ роли «Великаго Инквизитора» и врачей, пользовавшихъ «Ивана Иліича».

Мнѣ же подобные господа невольно напоминаютъ «Великаго инквизитора» Достоевскаго. Какъ того смущали и раздражали «несвоевременное» пришествіе на землю Христа и Его непрошенное вмѣшательство въ духовныя дѣла, такъ и тѣхъ возмущаетъ вторженіе боеваго опыта въ давно уже законченную теорію и нарушеніе установившейся тамъ разъ навсегда гармоніи.

Помните: «Это Ты? Ты?—Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ—Не отвѣчай, молчи. Да и что бы Ты могъ сказать? Я слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавлять къ тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?» [3]).

При этомъ не рѣдкость встрѣтить и удивительное самомнѣніе, весьма схожее съ тѣмъ, какое проявляютъ доктора въ

---

[1]) Тамъ-же, 448.

[2]) Тамъ-же.

[3]) „Братья Карамазовы". Полн. собр. соч. изд. Маркса, СПБ. 1895 г., XII, с. 296.

неподражаемомъ разсказѣ Толстого «Смерть Ивана Ильича»: вы, дескать, чего-то тамъ напугались, а мы сейчасъ вамъ все это устроимъ въ лучшемъ видѣ.

Безсиліе военной теоріи.

Въ дѣйствительности же нигдѣ, быть можетъ, теорія не играетъ такой скромной роли, какъ въ военномъ дѣлѣ: «Подготовка къ военному дѣлу, и самая серьезная, конечно необходима, говоритъ Драгомировъ, но она должна заключаться гораздо болѣе въ основательномъ изученіи свойствъ войскъ и и мѣстности, нежели въ задалбливаніи правилъ и принциповъ, такъ называемой военной науки» [1]).

Сравненіе ея съ физической теоріей газовъ.

Цѣну подобныхъ принциповъ мы уже знаемъ: пользоваться ими слѣдуетъ съ извѣстной осторожностью. Но винить въ этомъ теорію было бы, конечно, несправедливо, ибо она имѣетъ дѣло съ крайне сложными и туго поддающимися учету явленіями. Достаточно сравнить ее, напримѣръ, съ физической теоріей газовъ, подчиняющей ихъ непреложнымъ будто-бы законамъ Маріотта и Гей-Люссака. Между тѣмъ, эти законы справедливы лишь по отношенію къ воображаемымъ *идеальнымъ* газамъ, а не къ существующимъ, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворяетъ вполнѣ названнымъ требованіямъ. Физики, однако, этимъ не смущаются и, опираясь на свой условный принципъ, добросовѣстно констатируютъ всѣ частныя уклоненія отъ него. Тѣмъ простительнѣе дѣлать это намъ, военнымъ людямъ.

Аналогія съ химіей и ботаникой.

Продолжая аналогію съ естественными науками, я бы сравнилъ военную исторію съ общей химіей, а исторію в. искусства—съ аналитической. Что можетъ быть важнѣе умѣнія свободно оперировать съ химическими элементами? Но для этого прежде всего необходимо отличное знакомство съ ихъ *природою* и *свойствами*, что достигается лишь самымъ тщательнымъ изученіемъ химическихъ законовъ и гипотезъ, лежащихъ въ основѣ этой науки. А философія химіи (теорія военнаго дѣла то-жъ) одинаково необходима для какихъ бы то ни было спеціальныхъ отраслей ея.

Увлеченіе новымъ методомъ, усвоеннымъ исторіей в. м.

---

[1]) Тамъ же, с. 448.

искусства, и огульное осужденіе всего, что было сдѣлано до того в. м. исторіей, столь же обычныя явленія и въ области естественныхъ наукъ. И въ нихъ новые методы (усовершенствованіе микроскопической техники и подтвержденіе наблюденій въ природѣ путемъ лабораторныхъ опытовъ) нашли себѣ множество сторонниковъ, особенно среди молодыхъ ученыхъ, оказавшихъ своему дѣлу немалыя услуги. «Но, говоритъ г. Еленкинъ, въ увлеченіи борьбой со старыми традиціями, со схоластикой, въ гордости и упоеніи новыми методами, все старое огуломъ подвергалось осмѣянію и осужденію. На систематику и въ частности на флористику смотрѣли съ презрѣніемъ, какъ на занятіе, недостойное истинныхъ ученыхъ, а пригодное лишь для развлеченія дилетантовъ, каковыми являются люди свободныхъ профессій, вродѣ пасторовъ, аптекарей, булочниковъ, культивирующихъ въ часы досуга scientia amabilis» [1]).

Если въ этой тирадѣ сдѣлать соотвѣтствующія подстановки, то получится уже хорошо намъ знакомая картина современной борьбы исторіи в. м. искусства съ в. м. исторіей.

Неисторическій методъ и его недостатки.

Итакъ, исторія в. м. искусства это собственно даже не *исторія*, а скорѣе *анализъ историческихъ фактовъ*, и притомъ не всѣхъ (насколько это, конечно, возможно), а только избранныхъ. Такая работа, несмотря на указанное ограниченіе, можетъ быть, конечно, весьма плодотворной, ибо, хотя нельзя себѣ представить какихъ-либо событій, которыя не предполагали бы *историческаго развитія*, но вовсе не является необходимостью, чтобы всякій способъ ихъ разсмотрѣнія былъ историческій.

«Характерною чертою нѣкоторыхъ изъ наукъ о духѣ является скорѣе то, что онѣ ограничиваются анализомъ систематической связи опредѣленныхъ фактовъ и при этомъ совершенно отказываются отъ вопроса объ ихъ происхожденіи» [2]). Напримѣръ, исторія хозяйства и политическая экономія; исторія языка и грамматика; исторія флота и исторія в. м. искусства.

Но такого рода методъ изслѣдованія представляетъ въ дан-

[1]) „Наука, какъ продуктъ національнаго творчества“, 5.

[2]) Вундтъ. „Введеніе въ философію“, 46.

номъ случаѣ и нѣкоторыя опасности, съ которыми, во всякомъ случаѣ, необходимо считаться.

Склонность къ тенденціозности.

Самый выборъ историческаго матеріала для обоснованія и оправданія излюбленныхъ положеній и нерѣдко предвзятыхъ идей уже можетъ способствовать *тенденціозности*. Очень характерный примѣръ таковой мы имѣемъ въ нашей отечественной исторіи: попытки первыхъ московскихъ великихъ князей оправдать и освятить историчискими ссылками свои притязанія на византійское наслѣдство.

Отбирая тщательно необходимые ему факты, изслѣдователь большею частью почти не интересуется вовсе остальными, упускаетъ связь между ними и неизбѣжно впадаетъ въ односторонность. Не только отдѣльныя событія, но и цѣлыя эпохи, не удовлетворяющія почему либо его требованіямъ, кажутся ему мертвыми страницами и онъ съ легкимъ сердцемъ ставитъ на нихъ крестъ.

«При изученіи исторіи,—говоритъ профессоръ Ключевскій,—неохотно останавливаютъ вниманіе на такихъ эпохахъ, дающихъ слишкомъ мало пищи уму и воображенію: изъ маловажныхъ событій трудно извлечь какую-либо крупную идею; тусклыя явленія не складываются ни въ какой яркій образъ; нѣтъ ничего ни занимательнаго, ни поучительнаго». И далѣе: «Однако, такія эпохи, столь утомительныя для изученія и повидимому столь безплодныя для исторіи, имѣютъ свое и немаловажное историческое значеніе» [1]).

Различное отношеніе в. м. исторіи и исторіи в. м. искусства къ фактамъ. Примѣръ: русскій флотъ въ Николаевскую эпоху.

Къ такимъ эпохамъ въ нашей морской исторіи нерѣдко относятъ теперь царствованіе императора Николая I. Исторія в. м. искусства наложила на него свой херимъ и борьба съ нимъ является поэтому довольно затруднительною. Это любопытный образчикъ различнаго пониманія вещей представителями обѣихъ названныхъ наукъ, а потому необходимо нѣсколько на немъ остановиться.

«Нѣкоторые русскіе морскіе историки,—пишетъ Н. Л. Кладо въ своемъ «Введеніи» (с. 391),—приняли почему-то манеру опредѣлять эпоху Императора Николая I, какъ такую, кото-

---

[1]) „Курсъ русской исторіи", I, 434—435.

рая ознаменовалась возстановленіемъ русскаго флота. Но какъ-то трудно это совмѣстить съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оказался какъ Балтійскій, такъ и Черноморскій флотъ въ Восточной войнѣ». Затѣмъ ставятся въ вину этому флоту его матеріальная отсталость, пренебреженіе личнаго состава къ новымъ усовершенствованіямъ, увлеченіе смотровыми куншт-тюками, забвеніе славныхъ завѣтовъ Ушакова и Сенявина, и т. д. «Свободнаго духа, умѣющаго брать суть дѣла и воплощать его въ имѣемую обстановку не было.... Да и гдѣ было ему быть». Въ доказательство приводится цитата изъ статьи адмирала В. А. Стеценко («Старое и Новое»), которую авторъ «Введенія» заключаетъ такими словами: «Не правда ли картина, настоящаго соннаго царства? Гдѣ тутъ было создавать паровой флотъ и двигать впередъ военно-морское дѣло!»

Если въ Черноморскомъ флотѣ дѣло обстояло немного лучше, благодаря Лазареву, то и тамъ все же не удосужились создать паровой флотъ. «Значитъ и Лазаревъ не сумѣлъ настоять на этомъ, значитъ личный составъ не понималъ всего значенія совершившагося переворота, значитъ его мало это безпокоило».

Однихъ голыхъ фактовъ еще недостаточно; необходима объективная оцѣнка ихъ въ связи съ обстановкой.

Тутъ, конечно, много вѣрнаго—противъ фактовъ спорить не приходится. Но историческая наука не можетъ довольствоваться одною лишь достовѣрностью ихъ, она стремится возможно объективнѣе оцѣнить и объяснить ихъ въ связи съ обстановкой. Здѣсь, конечно, не мѣсто для такой работы, а потому позвольте ограничиться лишь самыми общими соображеніями.

Расцвѣтъ литературы и искусствъ въ эту эпоху застоя и гнета.

Если бы мы, зная о характерномъ для николаевской эпохи умственномъ застоѣ и цензурномъ гнетѣ, не допускавшемъ, какъ извѣстно, даже въ поварскихъ книгахъ «вольнаго духа», вздумали съ этой точки зрѣнія оцѣнить, напримѣръ, русскую литературу того времени, то она представилась бы намъ, конечно, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ дѣйствительности же это золотой вѣкъ ея.

«Представителями нашего духовнаго возрожденія явились почти дѣти, „мальчики“, какъ любовно называетъ ихъ Гер-

ценъ, 30-хъ годовъ, достигшіе зрѣлости только въ слѣдующее десятилѣтіе» [1]).

Несмотря на незначительный радіусъ этого умственнаго движенія (въ чемъ, пожалуй, больше всего и сказался внѣшній гнетъ), «мальчики», по свидѣтельству того же автора, своими трудами, несомнѣнно, способствовали развитію интереса къ прошлому и къ народной жизни. На почвѣ гуманитарнаго движенія сороковыхъ годовъ выросла цѣлая плеяда корифеевъ нашей изящной литературы, только со смертью послѣдняго могикана, Л. Н. Толстого, исчезнувшая окончательно со сцены.

«Сравнивая начало вѣка съ концомъ сороковыхъ годовъ,—говоритъ Е. А. Соловьевъ,—удивляешься огромности пройденнаго пути».

Эпоха умственнаго застоя или «Николаевщина», какъ иногда ее называютъ, ознаменовалась не меньшимъ подъемомъ производительныхъ силъ и въ другихъ смежныхъ областяхъ: живописи (Брюловъ, Бруни, Ивановъ), музыкѣ (Глинка), театрѣ (Каратыгинъ, Щепкинъ, Мочаловъ, Мартыновъ), и проч.

Не кажется ли страннымъ такой духовный расцвѣтъ въ «сонномъ царствѣ»? Меня всегда глубоко интересовалъ этотъ удивительный контрастъ, но я нигдѣ не могъ найти удовлетворительнаго его объясненія. Для самостоятельнаго же изслѣдованія подобныхъ вопросовъ у меня не хватало ни времени, ни необходимой подготовки.

Намъ хорошо извѣстны любовь Николая Павловича къ литературѣ и искусствамъ и вниманіе къ ихъ выдающимся представителямъ. Но однимъ этимъ, конечно, ничего еще нельзя тутъ объяснить. Остается развѣ предположить, что проявленію такого духовнаго возрожденія (корни котораго уходятъ, конечно, въ глубь вѣковъ, но прощупываются довольно хорошо уже въ екатерининскую эпоху), не мало способствовали эти самыя внѣшнія стѣсненія [2]). Благодаря этимъ крутымъ бере-

---

[1]) Е. А. Соловьевъ, Литер. движеніе XIX в. въ Россіи, (Обзоръ минувшаго столѣтія, приложеніе къ „Нивѣ“, 1901 г.).

[2]) Къ огорченію нѣкоторыхъ завзятыхъ и предвзятыхъ теоретиковъ, и такіе удивительные парадоксы встрѣчаются въ жизни, а слѣдовательно и въ исторіи. Ничего не подѣлаешь!

гамъ, рѣка русскаго просвѣщенія не могла разлиться на большое пространство, но зато она сохранила глубину и силу.

Военная характеристика этой эпохи.

Въ военномъ отношеніи эпоха эта особенно прославилась торжествомъ шагистики и церемоніальнаго марша, вообще всякаго рода муштрой. Но на ряду съ этимъ печальнымъ явленіемъ необходимо отмѣтить устраненіе отъ дѣлъ Аракчеева (этого злого генія русской арміи) и возвышеніе такихъ даровитыхъ людей, какъ Дибичъ, Паскевичъ, А. С. Грейгъ, М. П. Лазаревъ, и др. Дибичъ не только одерживалъ блестящія побѣды, но и обращалъ вниманіе на обученіе войскъ, разсыпному строю и стрѣльбѣ въ цѣль, что почиталось тогда чуть ли не ересью [1]).

Заслуги флота.

Адмиралъ Грейгъ много сдѣлалъ для Черноморскаго флота, командуя имъ въ теченіе 17-и лѣтъ (1816—1833 г.г.). Онъ значительно увеличилъ продолжительность службы судовъ, улучшилъ ихъ морскія (а, слѣдовательно, и боевыя) качества и способствовалъ нравственному подъему личнаго состава, что послѣ деморализирующей кампаніи 1806—1812 г.г. представляло не малую заслугу. «Этотъ опытный морякъ и даровитый администраторъ,—по словамъ Тотлебена,—извѣстный и въ ученомъ мірѣ, усовершенствовалъ ввѣреный ему флотъ во всѣхъ частяхъ и подготовилъ его къ дальнѣйшему развитію» [2]).

Грейгу посчастливилось боевымъ опытомъ доказать плодотворность своихъ мѣропріятій. Командуя флотомъ въ кампанію 1828—1829 г.г., онъ, пользуясь *фиктивнымъ* господствомъ его на Черномъ морѣ (ибо оно не было закрѣплено пораженіемъ турецкаго флота и могло основываться на одной только предполагаемой его слабости), обезпечилъ нашей арміи наиболѣе выгодную операціонную линію вдоль морского берега; флотъ затѣмъ служилъ для нея продовольственной базой, а въ критическій моментъ адріанопольскихъ переговоровъ, совмѣстно

---

[1]) Н. А. Епанчинъ. „Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи“, II, 59. СПБ. 1906.

[2]) С. К. Гершельманъ, „Нравственный элементъ подъ Севастополемъ“, с. 399. СПБ. 1897 г.

съ архипелажской эскадрой гр. Гейдена, поддержалъ требованія Дибича угрозой Константинополю.

Только дѣйствительно сильный и исправный въ общемъ флотъ могъ внушить туркамъ необходимость безъ боя уступить ему свое господство.

На смѣну Грейгу явился Лазаревъ, наиболѣе замѣчательный организаторъ и воспитатель Черноморскаго флота, и притомъ не только на нравственныхъ, но и на *національныхъ* началахъ, что такъ выгодно отличало его отъ его предшественника-космополита.

Свою боевую готовность и всегдашнюю исправность лазаревскій флотъ наглядно показалъ въ босфорскую экспедицію 1833 года, въ тяжеломъ крейсерствѣ у абхазскихъ береговъ, въ замѣчательно быстрой и искусной перевозкѣ сухопутныхъ войскъ (16½ тыс. челов. съ артиллеріей, обозами и мѣсячнымъ продовольствіемъ) изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале осенью 1853 года, и, наконецъ, въ послѣднемъ бою своемъ подъ Синопомъ.

Синопскій бой.

Объ этой лебединой пѣснѣ стараго Черноморскаго флота я уже говорилъ выше. Къ сказанному мнѣ остается прибавить немногое.

Извѣстный адмиралъ И. Ѳ. Лихачевъ, совершенно основательно рекомендуя «отложить въ сторону какъ патріотическую гордость и щекотливость, такъ и педантическія претензіи на псевдо-научную критику», полагаетъ, что русская эскадра въ этомъ бою была вдвое сильнѣе непріятельской матеріально и, конечно, въ нѣсколько разъ сильнѣе ея въ нравственномъ отношеніи. Слѣдовательно, особеннаго «геройства», по его мнѣнію, тутъ не представлялось, и «свѣтъ» этимъ «удивленъ» также быть не могъ [1]).

Оставляя, въ свою очередь, въ сторонѣ и спорный вопросъ о «геройствѣ»—понятіи довольно условномъ, нельзя признать такую оцѣнку Синопскаго боя вполнѣ точной. Въ ней, повидимому, недостаточно учтена значительная помощь, оказанная слабѣйшему турецкому флоту 6-ю довольно сильными бере-

---

[1]) Изъ неизданной статьи 1901 года.

говыми батареями (солидные профили и возвышеніе на 30—40 футъ надъ уровнемъ моря). По расчету генерала Пестича (при допущеніи, что для обстрѣла батарей отдѣлено было 100 орудій, т. е. половинное число одного борта), артиллерія нашей эскадры была сильнѣе ихъ въ 4 раза; по сравненію же съ турецкой эскадрой она была слабѣе ея въ отношеніи числа орудій на 25% и сильнѣе ея по величинѣ калибра на 35%. Проводя параллель между этимъ боемъ и безплодной атакой союзнымъ флотомъ Севастополя 5-го октября 1854 года, почтенный изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что блестящій успѣхъ Нахимова и полная неудача союзниковъ объясняется: 1) смѣлостью и рѣшительностью плана, избраннаго Павломъ Степановичемъ (близкая дистанція), 2) безукоризненнымъ исполненіемъ его и 3) отличнымъ знакомствомъ адмирала съ судовымъ и личнымъ составомъ своей эскадры.

На этомъ основаніи генералъ Пестичъ полагаетъ, что «подвиги русскихъ кораблей въ Синопскомъ бою въ глазахъ нашихъ современниковъ становятся теперь гораздо выше того, чѣмъ они казались въ то время» [1]).

Итакъ, въ матеріальномъ отношеніи наше превосходство подъ Синопомъ не было ужъ такъ велико, какъ это многимъ представляется, а *нравственное превосходство* было несомнѣнно весьма значительно, но вѣдь это можетъ служить лишь къ вящей славѣ нашего флота и особенно Нахимова, а ужъ никакъ не къ его умаленію.

Какъ «опрощеніе» не знаменуетъ еще собой пониманія народнаго духа, такъ и отрѣшеніе отъ «предразсудковъ» и «устарѣлыхъ традицій» еще не обезпечиваетъ вѣрнаго взгляда на историческіе факты и вполнѣ нелицепріятнаго къ нимъ отношенія. Погоня за пресловутымъ «объективизмомъ» ничуть не лучше въ этомъ случаѣ «патріотическаго шовинизма».

Нашъ паровой флотъ въ Крымскую компанію.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ Крымской кампаніи несомнѣнно сыгралъ значительную роль паровой флотъ союзниковъ. Отсутствіе его у насъ слѣдуетъ поэтому признать крупнымъ недочетомъ. Однако, и тутъ нельзя ограничиваться огульнымъ

[1]) „Значеніе артиллеріи въ борьбѣ флота съ береговыми укрѣпленіями“ (Севастополь, Синопъ, Александрія). СПБ. 1883 г., с. 46—51.

осужденіемъ цѣлой эпохи и всего морского сословія, а нужно нѣсколько разобраться въ фактахъ и обстановкѣ.

Прежде всего справедливость требуетъ признать, что къ началу Восточной войны у насъ уже имѣлся довольно многочисленный паровой флотъ, хотя и не линейный.

Въ Балтійскомъ морѣ съ 1826 года плаваютъ военные пароходы [1]), а въ 1836 году спускается на воду въ Петербургѣ первый пороходо-фрегатъ «Богатырь», судно, несомнѣнно, боевое и притомъ, по тому времени, довольно сильное. Наконецъ, въ видѣ опыта, выстроенъ на Охтенской верфи и спущенъ въ 1848 году винтовой фрегатъ «Архимедъ», къ сожалѣнію два года спустя разбившійся у Борнгольма. Это несчастіе не могло, конечно, не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ нашего парового судостроенія. Тѣмъ не менѣе, къ 1854 году мы успѣли выстроить еще 2 винтовыхъ корабля и 1 фрегатъ. Однако, заказанная въ Англіи для корабля «Орелъ» машина была конфискована, а съ изготовленіемъ «Кастора» не удалось управиться своевременно, и въ кампаніи принялъ участіе одинъ только фрегатъ «Полканъ». Вмѣстѣ съ десяткомъ пароходо-фрегатовъ и 30-ю паровыми канонерскими лодками, выстроенными замѣчательно быстро зимой 1854—55 г.г., въ Финляндіи и въ Петербургѣ, это представляло уже достаточную морскую силу для прикрытія хотя бы только финскихъ шхеръ.

Въ Черномъ морѣ постройка пароходовъ началась съ большей или меньшей правильностью съ 1830 года [2]) и ко времени войны мы имѣли ихъ уже 11. Первые пароходо-фрегаты прибыли изъ Англіи въ 1843 году [3]). Оттуда же при-

---

[1]) Первый пароходъ „Скорый“ построенъ на Ижорскихъ заводахъ еще въ 1817 году.

[2]) Первый пароходъ „Везувій“ построенъ былъ въ Николаевѣ въ 1820 году. Въ это же царствованіе постройка шла въ такомъ порядкѣ: въ 1830 г.—2 парохода; 1835 г.—1; 1837 г.—1; 1838 г.—1; 1839 г.—1; 1842 г.—1; 1843 г,—2 и т. д. („О судахъ Черном. флота, построенныхъ, со времени вступленія на престолъ Г. И. Николая Павловича“. Николаевъ, 1845 г.).

[3]) Представленіе о силѣ пароходо-фрегатовъ можетъ дать „Владиміръ“ (400 силъ), побѣдитель турецкаго „Первазъ-Бахри“, имѣвшій такое солидное вооруженіе: II—10″, III—68 ф. бомб., IV—24-хъ ф. и II—18 ф. корронады.

шла въ 1850 году военная шхуна «Анапа». Но заказанные въ Англіи черезъ 2 года винтовые корветы «Витязь» и «Воинъ» не поспѣли уже до войны и были конфискованы. Одновременно съ этими заграничными заказами принимались мѣры для созданія парового флота и у себя дома. Въ Николаевѣ заложено было: въ октябрѣ 1852 года 120-и пушечный корабль «Босфоръ» (впослѣдствіи «Синопъ»), въ 800 силъ, а въ маѣ 1853 года—такой же корабль «Цесаревичъ».

Такимъ образомъ, мало по малу предполагалось осуществить новую судостроительную программу. Вѣроятно, это и было бы успѣшно доведено до конца, если бы не разразилась преждевременно война, главною цѣлью которой и было именно уничтоженіе нашего морского могущества на Черномъ морѣ [1]).

Заботы адмирала Корнилова о своевременной его постройкѣ.

Иниціаторомъ реформы и ея энергичнымъ поборникомъ явился тотъ самый адмиралъ Корниловъ, котораго такъ охотно стали теперь выставлять лишь легкомысленнымъ честолюбцемъ. «Чуткій ко всему полезному въ морскомъ дѣлѣ,—говоритъ одинъ изъ морскихъ историковъ,—Корниловъ составилъ обширный планъ замѣнить парусный Черноморскій флотъ паровымъ, съ винтовымъ двигателемъ. По его докладной запискѣ, представленной главнымъ командиромъ князю Меншикову, было высочайше разрѣшено строить въ Черноморскомъ флотѣ корабли *только съ винтовымъ двигателемъ*, а потому передѣлать, по возможности, всѣ годные восьмидесяти пушечные корабли, вводя ихъ поочередно въ Севастопольскій докъ для удлиненія и установки двигателя» [2]).

Идеи и мода.

Если масса тогдашняго нашего морского сословья и оставалась до нѣкоторой степени равнодушной къ идеѣ заведенія парового флота, то это, къ сожалѣнію, въ порядкѣ вещей. Кто же не знаетъ съ какимъ трудомъ проникаютъ новыя идеи въ сознаніе даже развитыхъ и даровитыхъ личностей, привыкшихъ жить извѣстными имъ издавна представленіями. Вѣдь и Наполеонъ не съумѣлъ оцѣнить идею Фультона, су-

---

[1]) Послѣ высадки близъ Евпаторіи у союзниковъ было 89 судовъ (50 паровыхъ) противъ 45-и нашихъ (11 колесныхъ пароходовъ).

[2]) Д. Аѳанасьевъ, „Къ исторіи Черноморскаго флота“ (Р. Архивъ 1902 г. № 3). Курсивъ мой.

лившей ему блестящую побѣду надъ Англіей. Да и сама Англія устами гр. С. Винцента осудила подводныя мины того же Фультона, какъ способъ войны, «въ которомъ не нуждаются обладающіе первенствомъ на моряхъ и который, если онъ удастся, долженъ отнять его у нихъ» [1]).

Техника создается не флотомъ, а страной.

Но императоръ Николай, генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, Корниловъ и нѣкоторыя другія лица ясно и твердо сознавали значеніе новаго фактора въ морской техникѣ и, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, работали, хотя и не особенно успѣшно, надъ примѣненіемъ его въ нашемъ флотѣ. При тогдашнемъ состояніи нашихъ финансовъ (курсъ кредитнаго рубля доведенъ былъ до цѣнности золота) дѣло это, можетъ быть, и не такъ уже трудно было бы осуществить въ полной мѣрѣ и, главное, своевременно. Но для этого требовались прежде всего такія громадныя техническія средства, которыхъ у насъ и въ поминѣ не было, да и создать ихъ по щучьему велѣнію было невозможно. Достаточно вспомнить, что и подъ конецъ царствованія Александра II мы настолько плохо справлялись съ оборудованіемъ заводовъ, что спущенные въ 1870 году полубронеиосные фрегаты «Генералъ-Адмиралъ» и «Герцогъ Эдинбургскій» могли быть изготовлены къ плаванію только спустя 8—10 лѣтъ [2]).

Да, если бы и удалось создать къ началу войны достаточный паровой флотъ, то при томъ соотношеніи силъ, которое явилось прямымъ слѣдствіемъ нашего разрыва съ великими морскими державами, врядъ ли онъ могъ бы существенно измѣнить нашу судьбу.

Почему можно считать первую половину Николаевскаго царствованія эпохой возрожденія нашего флота.

Какъ бы то ни было, кое что въ этомъ направленіи николаевскіе моряки, какъ мы сейчасъ видѣли, все же сдѣлали. Если же къ этому прибавить, что русскій флотъ въ тотъ

---

[1]) Лейтенантъ Е. Аренсъ. „Историко-тактическій очеркъ мин. загражденій“ (М. Сб. 1883 г. №№ 9—12). Да даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія наши старые моряки никакъ не могли скрыть свое пренебреженье къ „самоварамъ“, несмотря на установившуюся за послѣдними прочную репутацію въ недавнихъ морскихъ войнахъ: Американской и Австро-Италіянской.

[2]) Е. Аренсъ. „Роль флота въ войну 1877—1878 гг.“, с. 15 СПБ. 1903 г.

желѣзный вѣкъ не только ни разу не былъ битъ, но самъ одержалъ двѣ блестящія побѣды (Наваринъ и Синопъ) и сослужилъ великую службу арміи въ 1828—29 годахъ, и что онъ всегда являлся готовымъ и исправнымъ орудіемъ государственной политики (демонстраціи: въ пользу Турціи въ 1833 г. и противъ Прусіи въ 1848—50 г.г.), то 30-ти лѣтняя николаевская эпоха покажется намъ уже не такою мрачною и безотрадною. Главнымъ образомъ первая ея половина, особенно благотворная для флота, почему она и трактуется иногда условно, какъ эра его *возрожденія* послѣ того долгаго пренебреженія, въ какомъ онъ пребывалъ передъ тѣмъ (судьбы Сенявина и его сподвижниковъ, быть можетъ, ярче всего характеризуютъ эту печальную страницу нашей м. исторіи).

Высказанный здѣсь мною взглядъ не идетъ въ разрѣзъ въ этомъ отношеніи и съ компетентными мнѣніями общихъ историковъ. «Знакомясь съ правительственной дѣятельностью изучаемой эпохи,—говоритъ профессоръ С. Ф. Платоновъ,—мы приходимъ къ заключенію, что *первыя десятилѣтія царствованія императора Николая I были временемъ бодрой работы, поступательный характеръ которой, по сравненію съ концомъ предшествующаго царствованія, очевиденъ*» [1]).

Исторія в. м. искусства не можетъ замѣнить военно-морской исторіи.

Итакъ, то, что съ точки зрѣнія исторіи в. м. искусства не достойно вниманія или заслуживаетъ его лишь въ отрицательномъ смыслѣ, для исторической науки представляетъ несомнѣнный интересъ. Это не плохой романъ, герои котораго либо ангелы, либо демоны, а правдивая повѣсть жизни, гдѣ дѣйствуютъ обыкновенные люди съ ихъ слабостями и достоинствами. Ихъ прежде всего надо *понять*, т. е. влѣзть въ ихъ шкуру (это совсѣмъ не такъ просто), а затѣмъ ужъ, если угодно, *судить*. Послѣднее, впрочемъ, не дѣло вовсе исторіи. Для нея нѣтъ мелочей и скучныхъ страницъ; въ ней, какъ въ дождевой каплѣ, отражается міръ Божій. Цѣлая эпоха, бѣдная яркими фактами, необходимыми для подтвержденія принциповъ теоріи военнаго искусства, игнорируется и совершенно ускользаетъ изъ поля зрѣнія спеціалистовъ, а

---

[1]) „Лекціи по русской исторіи“. СПБ. 1904 г., с. 589. Курсивъ мой.

финалъ ея—Синопскій бой, какъ не удовлетворяющій требованіямъ этихъ принциповъ, сводится къ нулю. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что исторія в. м. искусства, будучи только частной и спеціальной научной дисциплиной, ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить военно-морской исторіи. Привѣтствуя введеніе въ учебный планъ Военной Академіи исторіи русскаго военнаго искусства, генералъ-маіоръ Сухотинъ выразилъ надежду, что «рядомъ съ новою каѳедрою будетъ по прежнему стоять незыблемо каѳедра основной нашей военной науки—каѳедра классической военной исторіи и европейскаго военнаго искусства... Военная исторія, ни всеобщая, ни русская въ особенности, въ стѣнахъ *русской Академіи военныхъ наукъ* не должна подлежать ограниченію въ смыслѣ обязательности...» [1]).

Это, конечно, справедливо и для нашей Морской Академіи.

---

[1]) А. К. Баіовъ. „Ист. в. искусства, какъ наука". (Извѣстія И. Н. В. Академіи, 1910 г., № 7, 477).

VIII.

Военно-морская исторія, какъ учебный предметъ.

Новыя вѣянія въ Морскомъ Корпусѣ.—Обсужденіе вопроса о преподаваніи в. м. исторіи въ С.-Петербургскомъ Военно-морскомъ Кружкѣ.—Мои возраженія.—Педагогическая роль военно-морской исторіи.—Первая попытка замѣнить ее исторіей в. м. искусства.—Тенденціозное сравненіе обѣихъ наукъ.—Листы и корни.—Задача в. м. исторіи и мѣсто ея среди другихъ военныхъ наукъ.—В. м. исторія должна быть фундаментомъ для остальныхъ в. м. наукъ.—Подраженіе Военной Академіи.—Въ исторію в. м. искусства должны входить и событія, касающіяся русскаго флота.—Аксіомы не требуютъ доказательствъ.—Почему русскому человѣку необходимо знать именно свою отечественную исторію.—Особенности *мѣстной* исторіи.—Аномаліи и антиноміи.—Теорія и исторія военнаго искусства должна входить въ курсъ высшей военной школы, но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.—Личный составъ слѣдуетъ не только обучать, но и воспитывать.—Педагогическія преимущества исторіи.—Физіологія и педагогика.—Доктрина и вѣра.—Наказъ и показъ.—Рецепты и принципы.—Объемъ военныхъ наукъ.—Объектомъ исторіи военнаго искусства должны быть только реальныя явленія, точно установленныя исторіей.—Разборъ одной кампаніи—это лишь суррогатъ военной исторіи.—Методы исторіи.—Роль преподавателя въ средней и высшей школѣ.

Новыя вѣянія въ Морскомъ Корпусѣ.

И тѣмъ не менѣе такое нежелательное превращеніе уже совершилось.

И гдѣ же? Въ Морскомъ Корпусѣ. Къ тому же, оно сдѣлано было не съ легкимъ сердцемъ, а послѣ тщательнаго предварительнаго обсужденія, сначала въ особомъ совѣщаніи преподавателей военныхъ наукъ, въ концѣ 1908 года, а затѣмъ и въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Военно-Морского кружка, 9-го и 16-го марта 1909 года, гдѣ и я имѣлъ уже возможность представить свои возраженія. Къ сожалѣнію, несмотря на выраженное мнѣ сочувствіе, они не имѣли никакого практическаго вліянія на исходъ дѣла. Докладчикъ тоже остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, такъ какъ тѣ немногочисленныя замѣчанія, которыя были сдѣланы по поводу его доклада, дали ему, по его словамъ, только возможность «обсудить свои выводы съ новыхъ точекъ зрѣнія» и указали ему на «слабо

Обсужденіе вопроса о преподаваніи в. м. исторіи въ С.-Петергскомъ Военно-морскомъ Кружкѣ.

и неясно аргументированныя мѣста, которыя и не могли быть поэтому надлежащимъ образомъ поняты» [1]).

Мои возраженія.

Такимъ образомъ, оказывается, что опоненты только усилили позицію своего противника. Это одно уже обязываетъ меня повторить здѣсь свои доводы, тѣмъ болѣе что они нигдѣ напечатаны не были.

«Никакая профессія,—говоритъ Мэхэнъ, точно также какъ и никакая нація не можетъ позволить себѣ порвать съ прошлымъ» [2]).

Педагогическая роль военно-морской исторіи.

Вѣрной хранительницей и истолковательницей этого прошлаго, и притомъ *во всемъ его объемѣ*, является несомнѣнно одна только военно-морская исторія, причемъ вырабатываемыя ею цѣнныя и вѣрно понятыя традиціи служатъ лучшимъ залогомъ процвѣтанія морской силы.

Первая попытка замѣнить ее исторіей в. м. искусства.

Недочеты этой науки, значительно, по обыкновенію, преувеличиваемые, подали поводъ нѣкоторымъ противникамъ ея къ возбужденію принципіальнаго «пересмотра всѣхъ цѣнностей». Въ результатѣ: отказъ отъ в. м. исторіи и замѣна ея исторіей в. м. искусства, даже въ Морскомъ Корпусѣ [3]).

---

[1]) Н. Л. Кладо. „Введаніе въ ист. в. м. искусства“, 21.

[2]) „Вліяніе морской силы на исторію“.

[3]) До какой нетерпимости доходятъ подчасъ нѣкоторые горячіе поборники этой реформы, лучше всего видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Преподававшій прежде въ Морскомъ Корпусѣ в. м. исторію и исторію русскаго флота лейтенантъ Дитерихсъ, какъ видно изъ послѣсловія къ его запискамъ 1899 года (т. II, стр. II), пользовался для своего курса какъ моими академическими записками, такъ и трудами лейтенанта Кладо. Опираясь на этотъ надежный, какъ ему, вѣроятно, казалось, фундаментъ и памятуя, что, „искусство войны на морѣ основано на непзмѣнныхъ началахъ“, и что „только глубокое изученіе в. м. исторіи даетъ сознательное пониманіе этихъ началъ, увѣренность въ ихъ силѣ и возможность пользоваться ими на дѣлѣ“ (Н. Л. Кладо, „Введеніе въ ист. в. м. искусства“, с. 289), онъ такъ и смотрѣлъ на свою задачу, т. е. считалъ, что „курсъ в. м. исторіи имѣетъ цѣлью подготовить къ сознательному изученію тѣхъ неизмѣнныхъ началъ, на которыхъ основано искусство войны на морѣ“ (тамъ-же). Казалось бы, чего же лучше! Но вотъ бѣда: изложеніе „эпизодическое“, да еще по царствованіямъ (въ исторіи русскаго флота). Оно, повидимому, и рѣшило все дѣло. Вмѣсто того, чтобы измѣнить методъ (хотя и въ этомъ особой крайности въ данномъ случаѣ не было), упразднили самый предметъ, замѣнивъ его другимъ. Таково, къ сожалѣнію, на

Для доказательства правильности такого вывода употребляется пріемъ довольно элементарный. Исторія изображается въ видѣ безхитростнаго разсказа, въ которомъ повѣствуется «не мудрствуя лукаво» о различныхъ болѣе или менѣе занимательныхъ событіяхъ, а исторія в. искусства—какъ настоящая заправская наука, пользующаяся критико-историческимъ методомъ.

Не напоминаетъ ли это извѣстную «Битву русскихъ съ кабардинцами», гдѣ бѣдные кабардинцы уже заранѣе, конечно, принесены въ жертву своимъ непобѣдимымъ противникамъ? Нарисовавъ два такихъ портрета, докладчикъ задается вопросомъ: который же изъ нихъ лучше? Угадать отвѣтъ не трудно. Но между этими портретами и ихъ оригиналами весьма мало сходства: одинъ значительно искаженъ, а другой порядкомъ подмалеванъ. Въ томъ то вся и бѣда!

Это отнюдь не два различныхъ растенія, а одно: исторія— корни, исторія в. м. искусства—листья и цвѣты. Срывать цвѣты и дѣлать изъ нихъ красивые букеты легче и пріятнѣе, чѣмъ заниматься выращиваніемъ ихъ, для чего недостаточно имѣть вкусъ и глазъ, а необходимо еще хорошо знать ботанику. Листы и корни.

Невольно тутъ приходитъ на умъ поучительный для всѣхъ временъ діалогъ между листьями и корнями въ извѣстной старой баснѣ:

— „Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Чтобъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!“
— „Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ“
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— „Вы кто такіе тамъ, что дерзко такъ считаться съ нами стали?“
— „Мы тѣ, которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ“.

дѣлѣ обычное теперь у многихъ отношеніе къ в. м. исторіи, несмотря на обязательное соблюденіе внѣшнихъ приличій, т. е. возвеличиваніе этой науки на словахъ.

Эта милая, памятная намъ еще съ дѣтства, простодушная басня нагляднѣе всякихъ логическихъ измышленій показываетъ относительное значеніе обѣхъ отраслей в. м. исторіи и естественное мѣсто, которое отведено каждой изъ нихъ въ ряду другихъ военныхъ наукъ. Задача в. м. исторіи гораздо шире. Она должна образовывать умъ и воспитывать характеръ путемъ *осмысливанія фактовъ* и установленія *національной точки зрѣнія* на событія. Она должна быть поэтому предметомъ *общеобразовательнымъ* и *обязательнымъ* для каждаго морского офицера. Преподаваніе ея должно *предшествовать* изложенію какихъ бы то ни было ея *производныхъ*, въ родѣ исторіи в. м. искусства, если, конечно, обстоятельства допускаютъ такую роскошь программъ. Въ противномъ случаѣ, предпочтеніе необходимо оказать в. м. исторіи, особенно въ Морскомъ корпусѣ.

Задача в. м. исторіи и мѣсто ея среди другихъ военныхъ наукъ.

Даже авторъ перваго корпуснаго учебника по исторіи в. м. искусства, капитанъ-лейтенантъ А. Н. Щегловъ, котораго, очевидно, невозможно заподозрить въ сочувствіи такому взгляду, констатируя, что «в. м. исторія изслѣдуетъ не только самыя военныя дѣйствія, но и общее состояніе флота въ данную эпоху, т. е. судостроеніе, вооруженіе, комплектованіе личнаго состава, организацію и проч.», признаетъ ее *фундаментомъ* главнѣйшихъ военно-морскихъ наукъ, т. е. стратегіи и тактики [1]). Безъ основательнаго же знакомства съ этими послѣдними врядъ ли возможно и усвоеніе исторіи в. м. искусства, которая является въ концѣ концовъ лишь иллюстраціей теоретическихъ принциповъ.

В. м. исторія должна быть фундаментомъ для остальныхъ военныхъ наукъ.

Въ Военной Академіи, послужившей образцомъ при составленіи новаго положенія для нашей академіи, самостоятельнаго курса военной исторія теперь тоже не существуетъ, а читается лишь исторія военнаго искусства и дѣлается критическій разборъ одной-двухъ кампаній. Но, во-первыхъ, я не вижу никакой необходимости непремѣнно подражать во всемъ другимъ, а во-вторыхъ,—сухопутные офицеры до поступленія въ академію изучаютъ довольно обстоятельно военную исторію въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ. А гдѣ же изучать ее

Подражаніе Военной Академіи.

---

[1]) „Исторія в. м. искусства“ СПБ. 1910 г. Введеніе, 1.

нашимъ морякамъ, если даже въ корпусѣ нашли возможнымъ ее упразднить? Мало того, исторію *русскаго* флота тамъ замѣнили *общей* исторіей в. м. искусства, гдѣ о нашей морской силѣ не говорится ни слова [1]).

Въ исторію в. м. искусства должны входить и событія, касающіяся русскаго флота.

Констатируя этотъ прискорбный фактъ, Н. Л. Кладо совершенно справедливо указываетъ, что какъ А. Н. Щегловъ, такъ и всякій другой, имѣя туже ясную цѣль своей работы и тотъ же испытанный методъ, «тѣмъ болѣе легко могли приложить этотъ методъ по отношенію къ изслѣдованію событій, относящихся къ исторіи русскаго флота» [2]). И въ доказательство основательности такого утвержденія Н. Л. Кладо ссылается на собственныя свои попытки въ этомъ направленіи.

Итакъ, при современномъ состояніи нашей в. м. исторіи разработка исторіи русскаго в. м. искусства вполнѣ возможна, хотя, быть можетъ, и съ нѣкоторыми оговорками. Но дѣйствительно ли она необходима и почему?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ утвердительно, но по мотивамъ часто весьма различнымъ. Его разсматриваютъ въ связи съ аналогичными вопросами о необходимости изученія своей военно-морской и даже отечественной исторіи.

Аксіомы не требуютъ доказательствъ.

Существуютъ элементарныя, прописныя истины, до такой степени очевидныя и не возбуждающія ни малѣйшаго сомнѣнія, что доказывать ихъ прямо какъ-то неловко... А, главное, и не нужно вовсе. Къ сожалѣнію, объ этомъ часто забываютъ и, въ погонѣ за будто-бы точными научными опредѣленіями и логическими обоснованіями, нагромождаютъ цѣлыя горы доказательствъ того, что собственно и не требуетъ доказательствъ.

Почему русскому человѣку необходимо знать именно свою отечественную исторію.

Что, напримѣръ, можетъ быть яснѣе и проще положенія: русскому человѣку необходимо знать отечественную исторію? Это же не только понимается каждымъ развитымъ человѣкомъ безъ всякихъ объясненій, но и *чувствуется*.

Оказывается, однако, что этого мало...

---

[1]) Правда, въ новѣйшей программѣ (1912 г.) отведено и исторіи русс флота небольшое мѣстечко, но, *за недостаткомъ свободнаго времени,* она пока еще не читалась; да и читать-то ее предполагается, сколько мнѣ извѣстно, опять таки какъ исторію русскаго в. м. искусства.

[2]) „Введеніе въ ист. в. м. искусства“, 18 и 16.

Если исторія есть *путь къ національному самосознанію*, то вѣдь безъ знакомства съ нею немыслимо и пониманіе окружающей дѣйствительности. Какихъ же тутъ еще нужно доказательствъ? Наконецъ, кому же неизвѣстно, что *мѣстная* исторія имѣетъ свои особенности, отличающія ее отъ другихъ историческихъ процессовъ.

Особенности мѣстной исторіи.

Основные вопросы эти съ достаточною обстоятельностью выяснены уже исторической наукой. Ключевскій въ своемъ послѣднемъ капитальномъ трудѣ подчеркиваетъ двоякій интересъ изученія именно *русской* исторіи: 1) воспитательный или практическій, и 2) научный, которому первый долженъ только придавать болѣе дидактической силы. (I, 1).

Практическое значеніе формулируется въ такихъ выраженіяхъ: «опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ» (I, 42).

Что же касается до *научнаго* значенія, то оно опредѣляется прежде всего обиліемъ готоваго матеріала, который можетъ быть извлеченъ при изученіи мѣстной исторіи для исторической соціологіи, играющей среди историческихъ наукъ такую же роль, какъ физіологія среди біологическихъ (I, 3—5).

Затѣмъ «въ историческомъ изученіи помощью усиленнаго наблюденія, сосредоточеннаго на ограниченномъ пространствѣ, можно яснѣе разглядѣть наблюдаемый предметъ» (I, 6).

Наконецъ (и это главное), «отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразностью своихъ явленій независимо отъ ихъ культурнаго значенія, когда представляетъ изучающему возможность наблюдать такіе процессы, которые особенно явственно вскрываютъ механику исторической жизни, въ которыхъ историческія силы являются въ условіяхъ дѣйствій, рѣдко повторявшихся или нигдѣ болѣе не наблюдаемыхъ, хотя бы эти процессы и не оказали значительнаго вліянія на общее историческое движеніе» (I, 18).

Аномаліи и антиноміи.

Подобной своеобразностью какъ разъ запечатлѣно, напримѣръ, зарожденіе и развитіе у насъ морской силы. Изученіе этихъ процессовъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что мы

имѣемъ тутъ дѣло не съ *аномаліями*, т. е. отрицаніемъ исторической закономѣрности, а скорѣе съ историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ, обусловливаемыми мѣстный обстановкой. Однако, разъ образовавшись, такой самобытный укладъ въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи подчиняется уже общимъ законамъ человѣческой жизни, «какъ организмъ съ разстроенной нервной системой функціонируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія», по образному сравненію профессора Ключевскаго (III, 8).

Здѣсь и ключъ къ рѣшенію вопроса о необходимости для насъ изучать именно русскую в. м. исторію, а, если угодно, то и исторію русскаго в. м. искусства:

1. Военное искусство національно.

2. Источникомъ для его изученія служитъ военная исторія.

3. Отсюда очевидная необходимость преподаванія обоихъ этихъ предметовъ въ высшей военной школѣ и притомъ въ указанной уже послѣдовательности.

Итакъ, теорія военнаго искусства и его исторія, несомнѣнно, должны входить въ курсъ высшей военной школы, но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Въ частности, можно только привѣтствовать разработку у насъ общей и русской исторіи в. морского искусства, какъ всякую попытку внести что-нибудь новое и свѣжее въ область военно-морскихъ наукъ.

Теорія и исторія военнаго искусства должны входить въ курсъ высшей военной школы, но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Но чрезмѣрное усердіе нѣкоторыхъ новаторовъ (особенно изъ молодыхъ), излишнее раздуваніе своихъ «наукъ» (крайности спеціализаціи) и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ врядъ ли послужатъ на пользу тому дѣлу, которому они стремятся служить.

Личный составъ флота (главный элементъ морской силы) необходимо не только обучать (это еще сравнительно самое легкое), но и воспитывать. Однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ и могущественныхъ средствъ для этого, по свидѣтельству всѣхъ авторитетовъ, является исторія.

Личный составъ слѣдуетъ не только обучать, но и воспитывать.

По справедливому замѣчанію профес. Петрушевскаго,—

«умъ человѣка вообще не можетъ съ пользою постоянно пребывать въ отвлеченности, а въ дѣлѣ физики обязанъ безпрестанно обращаться къ реальности, чтобы не заблудиться» [1]).

Это, конечно, одинаково вѣрно и въ нашей военной сферѣ. Никакое абстрактное мышленіе не можетъ искоренить въ мало мальски живомъ человѣкѣ непреодолимой потребности купаться въ морѣ житейскомъ, искать въ мірѣ явленій пищи для своего мятущагося духа. Человѣкъ любитъ иногда повитать въ отвлеченностяхъ; они иногда даже необходимы ему; но жить ими онъ не можетъ; онъ, какъ художникъ, живетъ лишь образами. А гдѣ же ихъ больше и гдѣ они ярче и внушительнѣе, чѣмъ въ исторіи? Отсюда великая педагогическая роль этой науки.

Педагогическія преимущества исторіи.

Какой то тароватый нѣмецъ додумался до остроумной формулы: «Der Mensch ist was er isst». А нѣкоторые его послѣдователи, исходя изъ этой формулы, вѣроятно, полагаютъ, что, насаждая въ школахъ различные идеи и принципы, они уже тѣмъ самымъ подготовляютъ контингентъ здравомыслящихъ въ военномъ отношеніи людей. Но формула нѣмецкая, болѣе или менѣе вѣрная въ физіологическомъ смыслѣ, врядъ ли годится для педагогіи. Воспринимаемыя на школьной скамьѣ абстрактныя идеи обыкновенно очень туго усваиваются, обрабатываются въ каждой головѣ по-своему и нерѣдко измѣняются до неузнаваемости. И выходитъ, что *человѣкъ не есть то, что онъ ѣстъ, а только то, что онъ изъ этой пищи себѣ усвоилъ.*

Физіологія и педагогика.

Историческіе образы всякому доступны; они много говорятъ не только уму, но и сердцу. Въ школѣ только они въ состояніи до нѣкоторой степени замѣнить непосредственный боевой опытъ—вѣнецъ всякаго военнаго обученія.

Доктрина и вѣра.

«Вѣрнѣйшимъ орудіемъ пропаганды, говоритъ Бурже,—служитъ не доктрина, не разсужденіе, а непосредственное соприкосновеніе души съ другой душой. Нельзя ни научить, ни заставить вѣровать. Вѣра передается неуловимою силой влія-

[1]) „Курсъ наблюдательной физики". Университетскія чтенія. СПБ. 1874 г., I, предисловіе.

нія, раскрывающаго ея таинственную и человѣчески неизъяснимую сущность» [1]).

Наказъ и показъ.

Нигдѣ какъ въ нашемъ военномъ дѣлѣ не играетъ такой важной роли *наглядное обученіе*. Тутъ все—*показъ* и почти ничего—*наказъ*. Теорія военнаго искусства необходима, главнымъ образомъ, для философскаго обобщенія и обоснованія существующихъ съ-поконъ-вѣку въ военномъ мірѣ идей, но ей должно быть отведено въ школѣ весьма скромное мѣсто, особенно въ средней. Иначе она, какъ показываетъ опытъ, непремѣнно раздуется, подобно извѣстной толстовской «Спеси» и задавитъ все живое, не преклоняющееся передъ ней.

Рецепты и принципы.

Завзятые теоретики не станутъ теперь, конечно, защищать прежніе излюбленные «рецепты», но, тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ никакъ не могутъ отрѣшиться отъ предвзятой оцѣнки историческихъ фактовъ съ точки зрѣнія своихъ непогрѣшимыхъ будто-бы «принциповъ».

Мы уже выяснили мѣсто в. м. исторіи и в. м. искусства среди другихъ военныхъ наукъ. Остается еще сказать два слова объ объемѣ, въ какомъ должны излагаться оба эти предмета.

Объемъ военныхъ наукъ.

Исторія чѣмъ полнѣе, тѣмъ плодотворнѣе и поучительнѣе. Для нея не существуетъ неважныхъ мелочей, все въ ней имѣетъ свое мѣсто и свое значеніе. Она поэтому представляетъ уже извѣстный интересъ съ самыхъ древнихъ временъ или «отъ царя Гороха», какъ любятъ иногда острить нѣкоторые шутники.

Объектомъ исторіи военнаго искусства должны быть только реальныя явленія, точно установленныя исторіей.

Другое дѣло—тактика и стратегія, а слѣдовательно и исторія в. м. искусства. По самой сущности своихъ задачъ, онѣ должны оперировать только съ точно установленными данными, имѣющими реальное значеніе и для нашихъ дней. И я совершенно согласенъ съ генераломъ Е. И. Мартыновымъ, что вмѣсто того, чтобы заниматься «пустословіемъ о воображаемой тактикѣ Чингисъ-хана и фантастической стратегіи Святослава, академическіе профессора гораздо лучше сдѣлали бы, если-бы занялись критическимъ изслѣдованіемъ нашей послѣдней ту-

[1]) „Космополисъ“, романъ.

рецкой кампаніи: авось, мы тогда не повторили бы тѣхъ же ошибокъ на поляхъ Манчжуріи!» [1]).

Разборъ одной кампаніи—это лишь суррогатъ военной исторіи.

Стремясь похоронить военную исторію, реформаторы все же не могутъ не чувствовать нѣкоторой неловкости: «живого—де хоронимъ». Отсюда невольный компромиссъ: замѣна исторіи ея суррогатомъ—разборомъ одной или двухъ кампаній. Но, по мѣткому выраженію Драгомирова,—«кого не научилъ багажъ всей военной исторіи, того повѣствованія изъ одной кампаніи едва ли чему-нибудь научить могутъ» [2]).

Во всякомъ случаѣ, такой разборъ можетъ быть до нѣкоторой степени полезенъ только для такихъ офицеровъ, которые успѣли уже хорошо ознакомиться съ полнымъ курсомъ военной исторіи, хотя бы въ общихъ чертахъ.

Методы исторіи.

Наконецъ, самый методъ историческаго изложенія можетъ быть различный, въ зависимости отъ постановки преподаванія, не переставая, однако, въ то же время быть научнымъ. Одни, напримѣръ, увлекаются *культурнымъ методомъ* и предпочитаютъ разработку вопросовъ, связанныхъ съ внутренней жизнью народа (Ключевскій); другіе больше отдаются изученію внѣшней политической исторіи, примѣняя къ ней *прагматическій методъ* (Соловьевъ). Каждый, такимъ образомъ, вноситъ свою лепту въ общую сокровищницу исторической науки, выбирая для этого наиболѣе подходящіе, по его разумѣнію, пути. Не вижу достаточныхъ основаній, чтобы лишать этого естественнаго права морскихъ историковъ и навязывать имъ во что бы то ни стало какой-нибудь свой излюбленный и единственно будто бы ортодоксальный методъ, хотя бы онъ и имѣлъ извѣстныя достоинства.

Академическій курсъ в. м. исторіи долженъ отличаться отъ элементарнаго какъ методомъ изложенія, такъ и отношеніемъ преподавателя къ своимъ слушателямъ. Въ средней школѣ предпочтительнѣе *прагматическое* изложеніе фактовъ, причемъ въ старшихъ классахъ оно уже не должно ограничиваться установленіемъ между событіями одной лишь внѣшней механи-

---

[1]) „Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“ СПБ. 1906 г., с. 102.

[2]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 284.

ческой связи, а стремиться къ возможному выясненію ихъ внутренняго смысла и ихъ взаимодѣйствія. Образцами для такой работы могли бы служить, напримѣръ, «Учебникъ русской исторіи» проф. Платонова (3-е изд. 1910 г.) и труды по исторіи русскаго флота Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Въ академіи этого недостаточно. Тутъ требуется болѣе детальное освѣщеніе нѣкоторыхъ фактовъ и спеціальное ихъ изслѣдованіе въ извѣстномъ направленіи, о которомъ я уже не разъ упоминалъ въ своемъ мѣстѣ. Подготовленный элементарнымъ курсомъ и уже достаточно усвоенный фактическій матеріалъ подлежитъ не столько расширенію, сколько обработкѣ по существу, примѣрно въ духѣ изслѣдованій Головачева или Мэхэна и профессора Мышлаевскаго. («Петръ В. Война въ Финляндіи»).

Академія должна пріучать офицеровъ къ самостоятельной работѣ мысли (но не къ какому то «творчеству», что совершенно невозможно) и къ умѣнію пользоваться наиболѣе цѣлесообразно пріемами научнаго изслѣдованія.

Роль преподавателя въ средней и высшей школѣ.

Для учениковъ средней школы—преподаватель авторитетъ, для слушателей академіи—онъ лишь руководитель. Многіе изъ этихъ слушателей (особенно во время существованія еще Курса в. м. наукъ), по своей служебной, а иногда и боевой опытности, оказывались болѣе свѣдущими въ практическомъ военно-морскомъ дѣлѣ (т. е. въ самомъ главномъ), нежели нѣкоторые изъ преподавателей. Попадались между ними и хорошо начитанные, серьезно образованные офицеры. Это слѣдовало бы помнить и не смотрѣть на слушателей, какъ на какихъ-то безграмотныхъ и не умѣющихъ-де логически мыслить школьниковъ, которыхъ необходимо будто бы обучать самымъ элементарнымъ дѣтскимъ понятіямъ, по примѣру нѣкоторыхъ наивныхъ барынь, объяснявшихъ мужикамъ въ воскресныхъ школахъ былого времени что такое «овесъ» или «корова».

IX.

Рутина и традиціи.

Враги здраваго смысла.—Одной рутиной нельзя объяснить фактовъ, подобныхъ дѣлу адмирала Бинга.—Рутина не есть абсолютное зло.—Рутина прежде и теперь.—Одного теоретическаго знанія недостаточно для борьбы съ рутиной; необходимъ прежде всего опытъ и основательное знакомство съ его исторіей.—Изолированность флота отъ народной жизни способствуетъ развитію въ немъ рутины.—Необходимость распространенія въ странѣ морской идеи.—Пренебреженіе къ традиціямъ объясняется непониманіемъ исторіи и отрицаніемъ ея.—Роль традицій. Потребность въ нихъ.—Мысли Драгомирова и Пушкина.—Настоящій человѣкъ и выдуманный.—Иллюзіи Екатерины II.—Борьба съ вредными традиціями.—Ключевскій о традиціяхъ.—Особенное мѣсто боевыхъ традицій. — Связь съ землей. — Взглядъ Головачева.

Враги здраваго смысла.

Торжеству здраваго смысла, культомъ котораго собственно и предназначена, будто бы, быть исторія в. м. искусства, больше всего мѣшаютъ *рутина* и *традиціи*. По крайней мѣрѣ, такъ принято обыкновенно говорить, особенно въ послѣднее время.

Рутина (отъ французскаго route, дорога, колея) это инстинктивная приверженность къ старымъ протореннымъ дорожкамъ, иной разъ кружнымъ и даже опаснымъ, а все же привычнымъ и сердцу милымъ. Она, конечно, тормозъ; но вѣдь и безъ него не обойдешься при крутомъ, напримѣръ, спускѣ. Самая идеальная машина немыслима безъ тренія. Зло неизбѣжное, но, по обыкновенію нѣсколько преувеличиваемое: одной рутиной нельзя, какъ пытается сдѣлать это, напримѣръ, Н. Л. Кладо, удовлетворительно объяснить даже суда надъ несчастнымъ адмираломъ Бингомъ, а не только болѣе сложныхъ явленій в. м. исторіи. Самая надгробная надпись на могилѣ Бинга уже какъ бы на это указываетъ: «палъ жертвой *политическаго* преслѣдованія 14 марта 1757 года [1]).

Одной рутиной нельзя объяснить фактовъ, подобныхъ дѣлу адмирала Бинга.

[1]) „Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства“, с. 323. Курсивъ мой.

Къ тому же, рутина навсегда, конечно, останется для громаднаго большинства человѣчества единственной направляющей въ его практической дѣятельности. Правъ по этому публицистъ М. Меньшиковъ, утверждая, что хотя «рутина—скверная вещь, однако, этимъ словомъ часто ругаютъ необходимый вѣковой *порядокъ*» [1]).

Рутина не есть абсолютное зло.

Существуетъ мнѣніе, что въ прежнія времена было, будто бы, больше оправданія для рутины: «тогда жили по непосредственно передаваемому опыту отъ отцовъ къ дѣтямъ. Тогда неоткуда было черпать идеи, кромѣ какъ отъ окружающей среды, и повѣрять эти идеи—не было *изложеннаго* историческаго опыта, не было исторической литературы, тѣмъ болѣе критической» [2]). Отсюда можно сдѣлать два вывода: 1) количество рутины обратно пропорціонально количеству военнаго образованія, и 2) главнымъ орудіемъ борьбы съ рутиной во флотѣ должна быть в. м. исторія.

Рутина прежде и теперь.

Несостоятельность перваго положенія очевидна, такъ какъ рутина глубого заложена въ психологіи человѣка и однимъ кормленіемъ его здравыми идеями этой психологіи не измѣнить, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени.

Вѣрить въ такое могущество знанія—это все равно, что вѣрить въ довольно распространенный предразсудокъ, что образованіе будто бы страхуетъ отъ преступности.

Одного теоретическаго знанія недостаточно для борьбы съ рутиной; необходимъ прежде всего опытъ и основательное знакомство съ его исторіей.

Въ концѣ концовъ и самъ цитируемый авторъ приходитъ къ грустному разочарованію въ этомъ отношеніи.

Второе положеніе безспорно. Тотъ же авторъ подкрѣпляетъ его дальше еще въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ: «Вредное вліяніе рутины огромно, а *единственное* средство бороться съ нею, дѣлать свой духъ свободнымъ—это изучать исторію. А значитъ, изученіе исторіи не только полезно, но и настоятельно необходимо» [3]).

Чего же лучше?

Однако, не слѣдуетъ забывать, что здѣсь, очевидно, подразумѣвается не обыкновенная «повѣствовательная» исторія,

---

[1]) „Н. Время“ № 12849.

[2]) „Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства“, 342.

[3]) „Введеніе въ курсъ ист. в. м. искусства“, 345.

пригодная лишь для руководителей (ибо имъ то ужъ безъ нея, все равно, не обойтись), а исторія в. м. искусства, т. е. экстрактъ изъ первой, не лишенный «лукаваго мудрствованія» и предназначенный для обучающихся. Это весьма важно отмѣтить во избѣжаніе недоразумѣній, которыя легко могутъ возникнуть, благодаря существующей съ недавняго времени путаницѣ въ самыхъ, казалось бы, элементарныхъ понятіяхъ и опредѣленіяхъ.

Изолированность флота отъ народной жизни способствуетъ развитію въ немъ рутины.

Что рутина легче развивается во флотѣ, не столь тѣсно связанномъ у насъ съ народной жизнью какъ армія,—это, пожалуй, справедливо. Но въ такомъ случаѣ наша прямая обязанность работать, не покладая рукъ, надъ установленіемъ этой спайки. А сдѣлать это возможно опять таки лишь при помощи исторіи, т. е. путемъ возбужденія народнаго самосознанія и ознакомленія самыхъ широкихъ круговъ общества, а черезъ его посредство и народныхъ массъ, съ *морской идеей* [1]).

Необходимость распространенія въ странѣ морской идеи.

Пренебреженіе къ традиціямъ объясняется непониманіемъ исторіи и отрицаніемъ ея.

Замѣчаемое въ наше время пренебреженіе къ традиціямъ представляетъ явленіе вполнѣ естественное, если разсматривать его какъ реакцію противъ нездороваго «кваснаго» патріотизма, не мало надѣлавшаго намъ вреда. Но и тутъ встрѣ-

---

[1]) Это, на мой взглядъ, и должно составлять главную задачу обѣихъ нашихъ морскихъ лигъ. Къ посильнымъ попыткамъ такого рода относится и мой историческій очеркъ „Русскій Флотъ“, изданный Экспедиціей изготовленія Госуд. бумагъ въ годину Японской войны. Кромѣ того я старался при всякомъ удобномъ случаѣ пропагандировать эту идею среди знакомой молодежи, указывая на желательность, хотя въ отдаленномъ будущемъ, учрежденія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ даже спеціальныхъ военныхъ каѳедръ, съ цѣлью ознакомленія юной интеллигенціи, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, съ сущностью и задачами вооруженныхъ силъ страны. Китайская стѣна, раздѣляющая насъ съ обществомъ, должна быть разрушена и основныя идеи вооруженной силы государства должны быть отчетливо усвоены его будущими защитниками. При общей воинской повинности иначе и быть не можетъ.

Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ недавно прочитать, что „среди студентовъ Технологическаго института возникъ научно-морской кружокъ, поставившій цѣлью ознакомленіе съ судостроеніемъ, судовыми механизмами и мореплаваніемъ и развитіе среди студенчества интереса къ морскому дѣлу и флоту“ („Н. Вр.“ 1912 г. № 12915).

Богъ въ помощь!

чается много утрировокъ и красныхъ словечекъ, обнаруживающихъ недостаточное знакомство съ отечественной и морской исторіей, а то и прямо отрицательное отношеніе къ послѣдней. Ибо огульное отрицаніе традицій есть въ сущности отрицаніе создавшей ихъ исторіи.

Роль традицій. Потребность въ нихъ.

Традиція (отъ латинскаго traditio)—преданіе, т. е. духовное наслѣдіе, преемственно передаваемое отъ одного поколѣнія къ другому. Это, если хотите, старое, обтрепанное знамя; иной разъ однѣ лохмотья или даже одно древко, но всегда священное и воодушевляющее. Отказываться отъ такого важнаго воспитательнаго средства мы не вправѣ, тѣмъ болѣе, что однѣми абстрактными идеями и теоретическими выкладками люди жить не могутъ. «Человѣкъ живетъ только тѣмъ, во что вѣруетъ,—говоритъ Драгомировъ,—а въ философію вѣрить нельзя; гдѣ только замѣшивается умовая аргументація, тамъ вѣры нѣтъ» [1]).

Мысли Драгомирова и Пушкина.

Иной разъ человѣку въ сто разъ дороже «возвышающій его обманъ», чѣмъ всѣ очень вѣрныя, но принижающія его духъ «истины». И вѣдь ничего не подѣлаешь съ этимъ! Нашъ безсмертный поэтъ подмѣтилъ этотъ своеобразный капризъ души и увѣковѣчилъ его въ цитированномъ уже двустишіи.

Какое глубокое пониманіе человѣческой природы! А вѣдь человѣкъ—главное орудіе войны; и притомъ человѣкъ самый обыкновенный, со всѣми своими достоинствами и слабостями, котораго мы всѣ съ вами знаемъ, а не тотъ идеальный или какой то тамъ «средній», съ которымъ имѣетъ дѣло теорія [2]).

Настоящій человѣкъ и выдуманный.

Это золотое двустишіе слѣдовало бы начертать на памятникѣ Екатеринѣ II, великой мастерицы faire bone mine à

Иллюзіи Екатерины II.

---

[1]) „Одиннадцать лѣтъ“, I, 76.

[2]) „Даже цѣльное человѣческое существо,—пишетъ генералъ Мартыновъ,—и то въ академіи генеральнаго штаба расчленили на единичнаго человѣка, массового человѣка, волевого человѣка. умового человѣка, духовнаго человѣка, физическаго человѣка, и все это только для того, чтобы потомъ изъ всего этого винегрета составить какую то „коллективную единицу человѣка“, свободную отъ „духовно-волевыхъ погрѣшностей“ („Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“, 104).

mauvais jeu. Подобно Грозному, она не допускала и мысли о какомъ либо афронтѣ своей власти или ущербѣ могуществу имперіи и умѣла сохранять побѣдоносный видъ даже въ самые критическіе моменты своего царствованія. Помните Іоанна, когда онъ получилъ извѣстіе о нанесенныхъ ему поляками и шведами пораженіяхъ:

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о моей побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ! [1]).

Екатерина тоже умѣла принимать потемкинскія декораціи за новые города и села, когда это нужно было для соблюденія престижа власти. Несмотря на ея здравый государственный умъ, она не прочь была наслаждаться иллюзіями, разъ онѣ служили реальнымъ цѣлямъ, т. е. возвеличиванію ея самой, какъ женщины и какъ царицы. «И какъ бы это представленіе ни было ошибочно само по себѣ,—говоритъ извѣстный историкъ Валишевскій,—оно не было слабостью Екатерины: напротивъ, оно было ея главной силой». «Это былъ, если хотите, обманъ, миражъ, но миражъ этотъ длился 30 лѣтъ». А вѣдь за все это время, по словамъ Безбородко,—«ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла».

Борьба съ вредными традиціями.

Безъ традицій жить нельзя; можно лишь бороться съ *вредными* традиціями. Но дѣлать это слѣдуетъ съ большой осмотрительностью, дабы отъ излишняго «газардованія» «не потерпѣли афронта» и тѣ священные завѣты, которыми живетъ нація. Многіе «разрушители легендъ», которыхъ развелось въ послѣднее время не мало, наивно воображаютъ, конечно, что своею дѣятельностью приносятъ огромную пользу дѣлу. Но такъ ли это?

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ нашихъ наиболѣе авторитетныхъ и прогрессивныхъ историковъ:

---

[1]) Гр. А. Толстой „Смерть Іоанна Грознаго“.

«Когда люди перестаютъ дѣйствовать по привычкѣ, выпускаютъ изъ рукъ нить преданія, они начинаютъ усиленно и суетливо размышлять, а размышленія дѣлаютъ ихъ мнительными и колеблющимися, заставляютъ ихъ пугливо пробовать различные способы дѣйствія». И далѣе: «отнимите у современнаго человѣка этотъ нажитой и доставшійся ему по наслѣдству скарбъ обрядовъ, обычаевъ и всякихъ условностей— и онъ все забудетъ, всему разучится и долженъ будетъ все начать сызнова» [1]). Ключевскій о традиціяхъ.

Особенно важное значеніе имѣютъ *боевыя традиціи*, такъ какъ онѣ крѣпче всего сплачиваютъ насъ съ воинскими частями или съ кораблями, гдѣ мы служимъ, и устанавливаютъ преемственную связь съ одухотворяющими насъ подвигами предковъ. Подобныхъ традицій, по самой сущности своей высокихъ и благородныхъ, не могутъ умалить никакіе второстепенные недочеты, въ родѣ техническихъ недостатковъ вооруженія (Севастополь) или тактическихъ ошибокъ (Синопъ). Бороться необходимо съ этими недочетами, а не съ традиціями, которыя въ критическій моментъ боя, когда не отвертишься отъ пули или штыка противника никакимъ философскимъ краснорѣчіемъ, помогутъ намъ выручить изъ бѣды товарища, а то и «душу свою положить за други своя». А безъ этого немыслима и никакая побѣда. Особенное мѣсто боевыхъ традицій.

Традиція это—таинственная связь наша съ родной землей, изъ которой мы созданы и въ которую обратимся. Въ ней черпали свои силы для побѣды надъ врагами еще легендарные герои, въ томъ числѣ и наши русскіе богатыри. Сынъ Посейдона и Геи (богини земли), великанъ Антей, для возрожденія истощенныхъ силъ долженъ былъ припадать къ своей матери-землѣ. Чтобы побѣдить его, Геркулесъ вынужденъ былъ прежде всего поднять его на воздухъ, т. е. *отдѣлить отъ земли*. Связь съ землей.

Глубокій смыслъ этого трогательнаго миѳа не слѣдовало бы забывать никогда, а въ наше время тѣмъ паче. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ морскихъ историковъ Головачевъ хорошо Взглядъ Головачева.

---

[1]) „Курсъ русской исторіи“, III, 163 и 374.

понималъ эти вещи. «Степень самостоятельности каждой націи,—говорилъ онъ,—всегда бываетъ соразмѣрна прочности и оригинальности ея національныхъ традицій, т. е. прочности ея воспоминаній о своемъ великомъ прошедшемъ и твердому вѣрованію въ будущее» [1]).

---

[1]) „Чесменское сраженіе". М. Сб., 1900 г., № 1.

X.

Наука и жизнь.

Значеніе теоріи для военнаго искусства.—Непригодность для военнаго дѣла ученыхъ маніаковъ.—Теорія и жизнь.—Ученые схоластики.—„Противоестественность“ боевого опыта.—Знаніе и воля.—Парадоксы теоретиковъ.—Слово и дѣло.—Военная игра.—Вредъ модныхъ увлеченій.—Пустословіе обратно пропорціонально боевой цѣнности.—Самая важная наука—умѣніе управлять себѣ подобными.—Наставленіе и примѣръ.—Работники дѣла выше работниковъ слова.—Злоупотребленіе авторитетами.—Царство книгъ.—Покупныя идеи.—Преимущества философовъ древности. Сократъ.—Авторитетъ авторитету рознь.—Лееръ, Вирховъ и Мольтке (параллель).—Для военнаго дѣла люди „волеваго“ типа важнѣе людей „умового“ типа.—Драгомировъ и Макаровъ.—Охотники и ученые.—Наше отношеніе къ отвлеченному академизму.—Оторванность отъ жизни военной академіи.—Академическій цензъ.—Судъ и академія (аналогія).—Что можетъ дѣйствительно давать академія.—Благопріятное положеніе нашей морской академіи. Преимущества передъ ней французской высшей в. м. школы.—Эволюція в. м. образованія у насъ и во Франціи.—Заслуги Курса в. м. наукъ.—Въ тѣсномъ общеніи науки съ флотомъ залогъ его возрожденія.—Заключеніе.

Значеніе теоріи для военнаго искусства.

Отрицать значеніе и пользу теоріи въ настоящее время было бы, конечно, странно. Но, повторяю, въ нашемъ военномъ дѣлѣ роль ея сравнительно весьма мизерна, почти ничтожна. Даже такой теоретикъ pur sang, какъ Лееръ, по присущей ему добросовѣстности, не могъ не сознавать этого и при всякомъ удобномъ случаѣ сопровождалъ свои отвлеченныя положенія извѣстными оговорками. Онъ соглашался, что теорія ничего не рѣшаетъ, а лишь объясняетъ и направляетъ творчество, предоставляя ему послѣднее слово; что главная цѣль теоретическаго изслѣдованія—выяснить, какое дѣйствіе принадлежитъ той или другой причинѣ; что теорія стремится къ идеалу, возможное приближеніе къ которому въ дѣйствительности зависитъ отъ обстановки, и т. д. [1]).

---

[1]) „Методъ воен. наукъ“, 3, 15, 33.

Непригодность для военнаго дѣла ученыхъ маніаковъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ послѣдователи этого талантливаго ученаго унаслѣдовали его искренность и скромность, и въ своемъ наивномъ увлеченіи теоретической эквилибристикой давно уже перешли всякія границы благоразумія. Неудивительно, что живые, практическіе дѣятели принимаютъ ихъ иногда, какъ напрасно сѣтуетъ на это самъ почтенный Лееръ, за маніаковъ, для такой дѣятельности непригодныхъ [1]).

Теорія и жизнь.

Тутъ невольно приходитъ на умъ образъ одного изъ такихъ практическихъ работниковъ, извѣстнаго писателя Эртеля, который, по замѣчанію В. Розанова, возражая своимъ противникамъ, какъ бы говоритъ: «въ кабинетѣ ученаго дѣйствительно все опредѣленныя уравненія, и они же царятъ въ кельѣ монаха и въ комнаткѣ курсистки. Но какъ за стѣны ихъ выйдешь, такъ все встрѣчаешь неопредѣленныя уравненія».... [2]).

Съ этимъ необходимо всегда считаться, особенно въ педагогической дѣятельности, дабы не дѣлать изъ мухи слона и не впадать въ схоластику. Совсѣмъ игнорировать «обстановку» (т. е. жизнь) теоретики, конечно, не рѣшаются, но что многимъ изъ нихъ она стоитъ поперекъ горла—это несомнѣнно.

Во всякомъ случаѣ, между ними встрѣчается не мало такихъ, которые убѣждены, что ихъ «наука о войнѣ» является прекраснымъ руководствомъ для уразумѣнія самыхъ сокровенныхъ тайнъ военнаго искусства. А между тѣмъ, какъ справедливо указываетъ Драгомировъ,—«теоретическая подготовка не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ чисто практическимъ, т. е. съ умѣніемъ разбираться въ обстановкѣ. И ставить послѣднее въ зависимость отъ первой значитъ заниматься отводомъ глазъ, а не стремленіемъ по совѣсти уяснить дѣло». Чего проще теоретической подготовки къ ходьбѣ по канату, а попробуйте пройти [3]).

Ученые схоластики.

Теорія военнаго искусства не есть наука, хотя она и

---

[1]) Тамъ-же, 63.

[2]) „Толстовство и жизнь“, Н. Вр. № 12136.

[3]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 38—39.

пользуется для своихъ изслѣдованій различными науками, отъ математики до психологіи включительно. Злоупотребляя ими въ цѣляхъ поддержанія престижа несуществующей «военной науки», нѣкоторые «пустопорожніе» представители ея до того увлекаются, что «осмѣливаются стрѣлять вовсе не кстати синусами и тангенсами въ дѣлѣ совершенно практическомъ (въ стрѣльбѣ) [1]) или пытаются доказать превосходство наступленія надъ обороной при помощи такой чисто кабалистической формулы: $\frac{MV^2:2}{mv^2:2}=\frac{MV^2}{m}$, гдѣ M и m соотвѣтствуютъ элементу матеріальному армій наступающаго и обороняющагося, а V и v элементу духовному тѣхъ же армій, причемъ v приходится принять равнымъ единицѣ [2]).

«Противоестественность» боевого опыта.

Неудивительно послѣ этого, что факты живой дѣйствительности, не вмѣщающіеся въ подобныя псевдо-научныя рамки, кажутся такимъ мудрецамъ *противоестественными* и ставятъ ихъ совершенно въ тупикъ.

Блестящая переправа черезъ Дунай въ 1877 году привела всѣхъ въ восхищеніе, на она смутила теоретиковъ, не знавшихъ, къ какой категоріи операцій ее отнести, такъ какъ въ ней было все противъ правилъ: 1) непріятельскій берегъ командовалъ нашимъ; 2) рѣка въ этомъ мѣстѣ изгибается въ сторону противника; 3) сначала приступили къ переправѣ, а затѣмъ ужъ стали обстрѣливать турецкій берегъ. Когда объ этомъ узналъ Радецкій, то онъ сказалъ: «а пусть внесутъ въ рубрику нечаянныхъ нападеній» [3]).

Знаніе и воля.

Съ другой стороны, немудреныя положенія теоріи военнаго искусства зачастую не выполняются на дѣлѣ вовсе не потому, чтобы ихъ такъ трудно было усвоить, а просто лишь за отсутствіемъ необходимой для этого рѣшимости [4]). Все это

Парадоксы теоретиковъ.

---

[1]) Драгомировъ. „Одиннадцать лѣтъ“, II, 81.

[2]) Мартыновъ. „Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“, 105.

[3]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 447.

[4]) „Всѣ мы образованные,—говоритъ г. Гершензонъ,—знаемъ такъ много Божественной истины, что одной тысячной доли той, которую мы знаемъ, было бы достаточно, чтобы сдѣлать каждаго изъ насъ святымъ. Но знать истину и жить по истинѣ, какъ извѣстно, разныя вещи. Сознаніе не живетъ, не дѣйствуетъ; оно не имѣетъ никакого непосредственнаго прикосновенія къ реальному міру; живетъ и

не можетъ, конечно, не плодить недоразумѣній между практикой и теоріей, чему не мало способствуетъ ничѣмъ не оправдывамое высокомѣріе послѣдней, доходящее до парадоксальныхъ афоризмовъ, въ родѣ того, что «ничто такъ не портитъ войска, какъ война», или что «море разстраиваетъ берегъ».

Слово и дѣло.

Слово само по себѣ, особенно въ военномъ дѣлѣ, еще немногого стоитъ. Но оно все же можетъ приносить и вредъ и пользу, почему требуетъ осторожнаго съ нимъ обращенія. Важнѣе извѣстный пріемъ, наглядно показывающій, какъ надо дѣло дѣлать, или такая практическая мысль, которую можно съ пользою осуществить при случаѣ. Идеи только тогда пріобрѣтаютъ дѣйствительное значеніе, когда переходятъ въ чувства, входятъ въ плоть и кровь людей. А этого не такъ то легко достигнуть даже въ полѣ и на морѣ, а не только въ академической аудиторіи, гдѣ обстановка и самая война по необходимости замѣняются такъ называемой военной игрой.

Военная игра.

Но «между нею и дѣйствительнымъ боевымъ дѣломъ не только нѣтъ никакого соотвѣтствія, но даже есть рѣзкія противорѣчія, порождающія мирно—игорную тактику въ противоположность боевой». Въ ней все условно, фиктивно. Она напоминаетъ царство тѣней, которое Скарронъ изображаетъ въ такихъ стихахъ [1]):

Et près de l'ombre d'un rocher
J'aperçus l'ombre d'un cocher
Qui tenant l'ombre d'une brosse
Nettoyait l'ombre d'un carose.

Военная игра не даетъ, конечно, никакого представленія о настоящей войнѣ и дѣйствительномъ боѣ и понимать ее нужно только какъ чисто-школьный пріемъ для пріученія офицеровъ къ цѣлесообразному подбору статистическаго матеріала, нанесенію на карты условныхъ знаковъ и т. п. Слѣдовательно, бѣда не въ самой игрѣ, а въ отношеніи къ ней участвующихъ. И начинается она тогда, когда ученые руководители и

дѣйствуетъ только центральная воля человѣка, слѣдовательно, только черезъ нее сознаніе можетъ осуществить познанную истину". („Вѣхи", 73).

[1]) Драгомировъ. „Одиннадцать лѣтъ", II, 413—417.

обучающіеся офицеры, производя цѣлый рядъ манипуляцій, ничего общаго съ дѣйствительными боевыми пріемами не имѣющія, перестаютъ это сознавать и начинаютъ принимать эту «игру воображенія» за настоящее дѣло, совершенно упуская изъ виду послѣднее. Особенный вредъ въ этомъ отношеніи приноситъ разыгриваніе фиктивныхъ боевъ, почему отъ этого теоретическаго баловства многіе стали уже теперь отказываться.

Вредъ модныхъ увлеченій.

Люди такъ ужъ устроены, что должны поклоняться какому нибудь модному фетишу. Одно время увлекались до полнаго самозабвенія акробатствомъ и муштровкой; затѣмъ наступило царство все подавляющей техники; наконецъ теперь выступаетъ на первый планъ теорія, нерѣдко впадающая въ схоластику, т. е. въ то-же акробатство.

Любопытнѣе всего то, что всѣ эти, съ виду совершенно различныя, направленія трогательно сходятся въ одномъ: полномъ пренебреженіи къ *человѣку*, который, какъ всѣмъ доподлинно извѣстно изъ прописей, есть *главное орудіе на войнѣ*.

Пустословіе обратно пропорціонально боевой цѣнности.

Чрезмѣрное увлеченіе теоріей вредно уже потому, что неизбѣжно ведетъ къ пустословію. А кому же неизвѣстно, что «въ многоглаголаніи нѣсть спасенія» [1]). Мало того, не трудно подмѣтить, что такое многоглаголаніе обыкновенно обратно пропорціонально боевой цѣнности человѣка. Суворовъ, Ушаковъ, Сенявинъ, Нахимовъ, Бутаковъ, Скобелевъ—все это люди, или совсѣмъ не баловавшіе перомъ, или удѣлявшіе такому занятію самое ничтожное количество своей жизни. Всѣ они мало говорили, еще меньше писали и очень много и хорошо дѣлали. Самъ великій Наполеонъ, которому военные теоретики даже на томъ свѣтѣ буквально ни минуты не даютъ покоя, тоже никогда чернильной душой не былъ. Если не ошибаюсь, свои знаменитыя «Pensées» онъ писалъ уже на островѣ св. Елены, т. е. когда ничего другого ему и не оста-

---

[1]) „Слова мудрыхъ—какъ иглы и какъ вбитые гвозди, и составители ихъ—отъ единаго пастыря. А что сверхъ всего этого, сынъ мой, того берегись: составлять много книгъ—конца не будетъ, и много читать—утомительно для тѣла“ (Екклесіастъ, XII, 11—12).

валось дѣлать. «Военное искусство очень просто,—писалъ онъ между прочимъ,—но цѣликомъ выражается въ исполненіи». Другими словами,—«теорія безъ дѣлъ мертва есть».

Самая важная наука—умѣніе управлять себѣ подобными.

М. И. Драгомировъ лучше другихъ понималъ всѣ эти простыя, но постоянно забываемыя истины и при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегалъ своимъ мѣткимъ и остроумнымъ словомъ отъ столь опаснаго забвенія. «На службѣ,—говорилъ онъ,—выше всѣхъ наукъ должна стать наука управлять себѣ подобными. И развѣ для этой науки школа что нибудь даетъ? Развѣ не попадаются ученые ослы, отработавшіе всѣ школьные цензы и для службы никуда не годные?» [1]).

Надавленіе и примѣръ.

Говорятъ, что даже начертанное на стѣнѣ поученіе сохраняетъ свою поучительность для человѣка. Можетъ быть, это и справедливо вообще, но роль такого поученія въ военномъ дѣлѣ весьма проблематична. Даже въ религіи, какъ мы видѣли, показъ важнѣе наказа. И вся великая сила евангелія заключается не столько въ божественной мудрости его изреченій, сколько въ осуществленіи ея на дѣлѣ самимъ Великимъ Учителемъ. Безусловно правъ поэтому Драгомировъ, утверждая, что «слово (идея тожъ) предшествуетъ дѣлу и даже составляетъ его душу; но пока оно не воплотилось въ дѣло, оно пустой звукъ—ничто. *И потому въ нашей сферѣ работники дѣла, отъ полководца и до солдата, всегда стояли и всегда будутъ стоять выше работниковъ слова* [2]).

Работники дѣла выше работниковъ слова.

Злоупотребленіе авторитетами.

Итакъ, во всякомъ живомъ, практическомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе,—въ нашемъ военномъ, авторитеты дѣла стоятъ неизмѣримо выше авторитетовъ слова. Роль послѣднихъ, по самой своей сущности, должна быть весьма скромной и ограниченной. Въ дѣйствительности же мы видимъ совсѣмъ другое. Военные ученые и писатели появляются въ значительномъ количествѣ главнымъ образомъ въ мирное время, и преимущественно въ ближайшія къ только что законченной войнѣ (особенно, если

---

[1]) „Одиннадцать лѣтъ“, I, 353. А. Кантъ прямо указываетъ, что „изъ академій выходитъ въ жизнь больше нелѣпыхъ головъ, чѣмъ изъ какого-нибудь другого общественнаго класса“ (Сб. Толстого: „Ложная наука“, № 901, с. 22).

[2]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 146. Курсивъ мой.

она была неудачна) эпохи. Въ этой пучинѣ безслѣдно тонутъ тѣ немногочисленные боевые офицеры, голоса которыхъ были бы особенно цѣнны при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ военнаго искусства. Какъ, напримѣръ, русская кожа только тогда обращаетъ на себя наше благосклонное вниманіе, когда она возвращается къ намъ изъ Европы съ заграничнымъ клеймомъ, такъ и боевой опытъ лучшихъ нашихъ генераловъ и офицеровъ получаетъ у насъ права гражданства лишь послѣ одобренія его результатовъ авторитетными книжниками. Преклоняются передъ ними, въ сущности, гораздо больше, чѣмъ передъ знаменитыми полководцами, хотя, ради соблюденія военныхъ приличій, каждый правовѣрный офицеръ обязанъ, конечно, черезъ два слова въ третье, поминать Наполеона, Суворова, Нельсона и др.

Любопытнѣе всего то, что даже такой богъ войны, какъ Наполеонъ, интересуетъ насъ не столько своими мастерскими операціями, сколько умными и краснымъ словечками, получаемыми притомъ обыкновенно изъ вторыхъ рукъ, а слѣдовательно и въ извѣстномъ уже, не всегда безпристрастномъ, освѣщеніи.

Непомѣрное преклоненіе передъ бумажными авторитетами не особенно хорошо рекомендуетъ нашу собственную способность къ самостоятельному мышленію. Великое изобрѣтеніе Гутенберга не мало вреда принесло намъ въ этомъ отношеніи [1]). Теперь ни созерцанія, ни вдумчивости, ни размышленія почти не требуется. Всякій самый заурядный человѣкъ (а «ученый оселъ» тѣмъ паче), если только онъ не лишенъ сноровки схватывать на книжномъ рынкѣ все, что «плохо лежитъ», всегда сумѣетъ написать ученый трактатъ о выѣденномъ яйцѣ, который лучше всего было бы назвать: «Такъ говоритъ Наполеонъ». Въ такихъ трактатахъ есть все что угодно, за исключеніемъ собственнаго взгляда автора.

Каюсь, но меня ничуть не радуетъ это подавляющее человѣческій духъ обиліе разнаго бумажнаго вздора, въ которомъ какъ въ морѣ совершенно теряются творенія великихъ людей.

[1]) „Книгопечатаніе породило двѣ новыя страсти: страсть писать все и страсть печтаать все“ (Boiste).

А вѣдь именно они соль земли; только ихъ міровая скорбь, ихъ слезы даютъ вкусъ нашей жизни.

Покупныя идеи.

Цивилизація, умопомрачительный матеріальный прогрессъ и рядомъ съ нимъ убогій прогрессъ духовный—все это перестроило до неузнаваемости весь укладъ нашей жизни и почти совершенно отучило насъ жить своимъ умомъ. Намъ некогда уже, подобно древнимъ, отдаваться созерцанію окружающаго міра и задумываться надъ мчащимися мимо насъ событіями. Кто въ наше время станетъ дома ткать холстъ или печь хлѣбъ? Всѣ предпочитаютъ носить линючій ситецъ и отравляться лавочнымъ суррогатомъ, сдобреннымъ поташомъ. Тоже и съ идеями. Стоитъ ли вымучивать ихъ изъ своего мозга, когда за какихъ нибудь 2—3 рубля можно всегда получить ихъ въ готовомъ видѣ и въ какомъ угодно количествѣ?

Не такъ было въ глубокой древности, когда читать почти нечего было, а писать было очень неудобно, да и зуда такого въ рукахъ не было, какъ теперь. Философы, а за ними и всѣ тѣ, кто не лишенъ былъ способности мыслить, уходили съ головой въ это мышленіе, наслаждаясь имъ, какъ высшимъ процессомъ, доступнымъ человѣку, какъ нѣкіимъ божественнымъ нектаромъ. Глубина мысли и лаконизмъ языка—ихъ девизъ, въ настоящее время утраченный. Толстой напоминаетъ намъ о немъ въ своихъ поучительныхъ сборникахъ различныхъ изреченій, подъ заглавіемъ «Путь жизни». «Прежде думай, потомъ говори,—учитъ извѣстный Саади. Но остановись прежде, чѣмъ тебѣ скажутъ: довольно. Человѣкъ выше животнаго способностью рѣчи, но онъ ниже его, если болтаетъ, что попало» [1]).

Преимущества философовъ древности. Сократъ.

Одинъ изъ типичнѣйшихъ философовъ древней Греціи-Сократъ чуть свѣтъ выходилъ на улицу, чтобы учиться и поучать. Онъ непосредственно насыщался жизнью и тутъ же дѣлился благопріобрѣтеннымъ со своими учениками и послѣдователями, увлеченными его высокимъ идеализмомъ. Онъ училъ «познавать самого себя» и указывалъ на вѣчную истину и добродѣтель, къ которымъ всѣмъ слѣдуетъ стре-

[1]) „Слово“, изд. „Посредника“. Москва, 1911 г., № 904.

миться, презирая земныя блага и не жалѣя своей жизни. Онъ жестоко обличалъ софистовъ и, въ укоръ имъ, училъ даромъ, почему вѣроятно и казался имъ отсталымъ. Онъ въ себѣ самомъ воплощалъ свою идею, личнымъ примѣромъ оправдывая ея истинность и окончательно запечатлѣвъ свою преданность ей трагической кончиной. Но онъ ничего не писалъ: «я желаю начертать мое ученіе,—говорилъ онъ,—не на звѣриной кожѣ (пергаментѣ), а въ человѣческомъ сердцѣ».

Я, конечно, не такъ наивенъ, чтобы проповѣдывать возвращеніе къ древнимъ временамъ. Это невозможно, а слѣдовательно и не нужно. Всякому овощу свое время и каждому дню довлѣетъ злоба его. Но я не могъ удержаться отъ проведенія этой исторической параллели между эпохой созерцанія и самостоятельной работы мысли, и современнымъ царствомъ печатной бумаги и фабричнаго производства идей. И, право-же, сравненіе это не въ нашу пользу. «Ищи истину въ мысли,—гласитъ одно персидское изреченіе у того же Толстого,—а не въ гніющихъ книгахъ. Если хочешь видѣть мѣсяцъ, то гляди на небо, а не въ лужу» [1]).

Авторитетъ авторитету рознь.

Если ужъ безъ бумажныхъ авторитетовъ никакъ обойтись пельзя, то было бы желательно по крайней мѣрѣ умѣть разбираться въ нихъ. Авторитетъ авторитету рознь. Кабинетные ученые, вродѣ генерала Леера, несмотря на свои безспорныя заслуги въ области философіи военнаго искусства, слишкомъ далеко отстоятъ отъ войскъ и совершенно имъ чужды. Ихъ отвлеченныя теоріи пользуются популярностью, главнымъ образомъ, среди военной интеллигенціи, склонной къ метафизическому изученію вопросовъ войны въ мирной обстановкѣ. Этимъ путемъ онѣ проникаютъ въ верхніе слои арміи и флота, нерѣдко заражая ихъ академическимъ самомнѣніемъ и крайнею нетерпимостью къ голосу строевыхъ офицеровъ и къ указаніямъ опыта. Каждый изъ этихъ господъ понимаетъ Леера, конечно, по своему, а другой и совсѣмъ его не понимаетъ,

Лееръ, Вирхофъ и Мольтке (параллель).

---

[1]) Цитирую по книжкѣ Н. Л. Кладо „Введеніе въ курсъ исторіи в. м. искусства“, 527.

но всѣ считаютъ своимъ долгомъ непремѣнно все дѣлать (или хоть говорить) «по Лееру» [1]).

Упрекъ, дѣлаемый Вирхову, можно, мнѣ кажется, отнести (съ нѣкоторыми оговорками, конечно) и къ нашему Лееру. Тѣ же «неоцѣнимыя заслуги», каждому извѣстныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ же крупные недостатки: узкая односторонность и «терапевтическая безплодность». Вирховъ въ медицинѣ, на мой некомпетентный взглядъ, отчасти напоминаетъ Мольтке въ военномъ искусствѣ: масса знаній, еще больше нѣмецкой обстоятельности и душевнаго равновѣсія, много настойчивости и прямолинейности и совсѣмъ почти отсутствіе того священнаго огня, которымъ пламенѣли такіе орлы, какъ Суворовъ или Скобелевъ.

Для военнаго дѣла люди «волевого» типа важнѣе людей «умового» типа.

Но Леерь не Вирховъ, а тѣмъ паче—не Мольтке. Нашъ философъ принадлежалъ, по классификаціи Драгомирова, къ людямъ «умового» типа, а нѣмецкій стратегъ, стоявшій непосредственно во главѣ арміи, несомнѣнно къ «волевому» типу, что собственно и дало ему возможность примѣнить свои обширныя познанія и крупныя дарованія на дѣлѣ. Къ той же

---

[1]) Чего ужъ, кажется авторитетнѣе въ медицинской наукѣ Вирхова? А на дѣлѣ оказывается, что его односторонность и созданное имъ *безплодное* терапевтическое направленіе сильно повредили дальнѣйшему прогрессу въ этой области. H. St. Chamberlaine такъ говоритъ объ этомъ: „поведеніе ученаго спеціалиста, неоцѣнимыя заслуги котораго каждому извѣстны, скрываютъ въ себѣ много опасностей, на которыя временами приходится обращать должное вниманіе. Какъ и прочія учрежденія человѣческаго общества, такъ и научная область требуетъ корректива, противовѣса. Уже въ интересахъ самой науки это было бы необходимо. Ученый дѣлается узкимъ и самоувѣреннымъ; разъ онъ свѣдущъ въ одномъ дѣлѣ, то онъ иногда думаетъ, что онъ все знаетъ, дѣлается нетерпимымъ, какъ какой нибудь религіозный фанатикъ. Оттого, пожалуй, происходитъ то явленіе, что нигдѣ не расцвѣтаетъ болѣе пышно, такъ сказать, *безчинство авторитетовъ и даже терроръ*, чѣмъ въ республикѣ ученыхъ; *единственно „знаменитости“ и, быть можетъ, весьма заслуженнаго имени иной разъ достаточно для того, чтобы цѣлыхъ 30 лѣтъ держать подъ спудомъ всѣ оригинальные умы, всѣ новыя плодотворныя мысли въ области данной науки и чтобы воспитать поколѣніе лицемѣрныхъ болтуновъ и высокомѣрныхъ посредственностей*“.

(Д-ръ мед. Siegfr. Möller. „Сохраненіе здоровья и его возстановленіе“. М.. 1910 г., с. 126. Курсивъ мой).

категоріи относятся, конечно, какъ самъ Драгомировъ, такъ и всѣ тѣ боевыя имена, которыя всегда были и будутъ особенно близки и дороги сердцу русскаго солдата, несмотря на всѣ свои теоретическія увлеченія и прегрѣшенія. Такова притягательная сила «военныхъ добродѣтелей»!

Драгомировъ и Макаровъ.

Интересно отмѣтить, что одно изъ крупнѣйшихъ такихъ увлеченій—отрицательное отношеніе къ полевымъ щитамъ и къ судовой бронѣ, почти одновременно овладѣло умами Драгомирова и Макарова. Глубоко сочувствуя идеямъ послѣдняго, М. И. былъ убѣжденъ, что «не далеко то время, когда его мнѣніе, какъ здоровое и въ основаніи отвѣчающее духу войны и боя, возьметъ верхъ. Ибо въ области войны имѣетъ будущность только то, что отвѣчаетъ принципу движенія, дѣятельности, энергіи, самоотверженія» [1]).

Надо думать, что генералъ Драгомировъ, если бы ему довелось лично участвовать въ послѣдней кампаніи, какъ человѣкъ живого ума и высокихъ дарованій, быстро смекнулъ бы, въ чемъ дѣло, и во время сумѣлъ бы отказаться отъ своего не въ мѣру пренебрежительнаго отношенія къ техническому прогрессу. Врядъ ли и нашъ С. О. Макаровъ остался бы при своемъ теоретическомъ заблужденіи, убѣдившись въ несомнѣнномъ вредѣ его на боевомъ опытѣ [2]). Но Богъ судилъ иначе! И надо же было такъ случиться, что страстный противникъ судовой брони погибъ именно на *броненосцѣ*, какъ бы самой смертью своей стремясь запечатлѣть справедливость своей теоріи.

Къ сожалѣнію, даже всякаго рода крайности въ увлеченіяхъ подобныхъ крупныхъ людей соблазняютъ многихъ изъ «малыхъ сихъ» и нерѣдко ведутъ къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ. «Слѣдуя раболѣпно и подобострастно, но безъ всякаго смысла и разсужденія въ хвостѣ Драгомирова,—говоритъ Е. И. Мартыновъ,—представители нашей оффиціальной военной науки прозѣвали тѣ новые пріемы военнаго искус-

---

[1]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 87.

[2]) Это заблужденіе не принципіальное, а только по отношенію къ современной обстановкѣ.

ства, которые подъ вліяніемъ усовершенствованій техники зародились на западѣ» [1]).

Это, конечно, справедливо, также какъ и то, что заставь дурака Богу молиться—онъ и лобъ расшибетъ! Что подѣлаешь съ этой глупой повадкой, привитой намъ еще въ татарскія времена и отмѣченной такъ образно въ «Потокѣ-богатырѣ»:

Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

Но и то надо сказать, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А значеніе Драгомирова, Макарова и имъ подобныхъ не въ ошибкахъ ихъ, конечно, а въ свойственномъ такимъ истинно-военнымъ натурамъ подъемѣ духа и великой способности вести за собой людей безропотно на подвиги и смерть.

Охотники и ученые.

Среди охотниковъ извѣстны три наиболѣе характерные типа: *àхалы*, *пỳкалы* и *заправскіе охотники*. Первые только «ахаютъ» при встрѣчѣ съ дичью и никакъ не могутъ рѣшиться своевременно выстрѣлить; вторые—напротивъ, рефлекторно отзываются на каждое появленіе птицы и не жалѣютъ патроновъ, стрѣляя зря на воздухъ. Изъ нихъ современемъ могутъ еще выработаться настоящіе охотники, но изъ «ахаловъ» никогда ничего путнаго не выйдетъ. Заѣденные метафизикой книжники обыкновенно и становятся со временемъ такими никуда негодными въ боевомъ смыслѣ «ахалами».

Еще Сенека замѣтилъ, что злоупотребленіе книгами разсѣиваетъ вниманіе и отучаетъ умъ отъ самостоятельной работы.

Наше отношеніе къ отвлеченному академизму.

Русскіе люди отличаются удивительною способностью заимствованія у иностранцевъ и особенно у нѣмцевъ всякаго рода заграничныхъ диковинокъ, отъ пудры, косъ и шпицрутеновъ до государственныхъ законовъ и научныхъ теорій включительно. Такимъ же чисто—подражательнымъ и искусственнымъ путемъ создался у насъ академизмъ, съ архи-нѣмецкой академіей наукъ во главѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, слава Богу, не потеряли еще своего врожденнаго здраваго смысла и потому

---

[1]) „Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“, 102.

сохранили способность иногда какъ бы со стороны взглянуть на «нѣмецкіе» подарки своимъ хозяйскимъ глазомъ и даже не безъ нѣкотораго юмора. Это единственно и спасаетъ насъ еще отъ полнаго обезличенія передъ Европой, куда великій Петръ, придя въ «газардъ», прорубилъ не окно, а сразу цѣлыя ворота.

Отвлеченнымъ академизмомъ у насъ увлекаются сравнительно незначительные круги, остальное общество держится въ сторонѣ отъ него и даже не особенно расположено къ нему. «Интеллигенція,—говоритъ Н. А. Бердяевъ,—не безъ основанія относится отрицательно и неодобрительно къ отвлеченному академизму, къ разсѣченію живой истины, и въ ея требованіи цѣлостнаго отношенія къ міру и жизни можно разглядѣть черту безсознательной религіозности» [1]).

А что же сказать про массу, про простой народъ? Онъ относится къ пустопорожнимъ и не въ мѣру самоувѣреннымъ умникамъ, оторваннымъ отъ жизни, съ нескрываемой ироніей, какъ къ людямъ совершенно безполезнымъ; а тѣ, въ свою очередь, презираютъ его за невѣжество.

Можетъ быть, народъ инстинктивно понимаетъ, что всѣ эти такъ называемыя «науки» ничуть не способствуютъ улучшенію нравовъ и не даютъ человѣку самаго важнаго—душевнаго мира. Правъ поэтому былъ Монтэнь, когда говорилъ: «я люблю мужиковъ: они недостаточно учены, чтобы разсуждать превратно» [2]).

Оторванность отъ жизни военной академіи.

Наша военная академія, пересаженная къ намъ тоже съ Запада, по свидѣтельству генерала Мартынова, оторвалась отъ жизни и «какъ бы замерла въ своихъ отжившихъ, неподвижныхъ формахъ» [3]). Такъ какъ этаго явленія, повидимому, не замѣчается (по крайней мѣрѣ въ такой же значительной степени) въ высшихъ военныхъ школахъ Европы, то я отчасти склоненъ приписывать его у насъ неудавшейся акклиматизаціи чуждаго нашей почвѣ растенія.

Академія не только не должна отставать отъ жизни, но

---

[1]) „Вѣхи“, 7.

[2]) Сб. Толстого „Ложная наука“, 24.

[3]) „Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“, 101.

стоять во главѣ быстро развивающагося военнаго дѣла, въ качествѣ какъ высшей школы, такъ и высшаго ученаго учрежденія. Таковъ идеалъ, въ дѣйствительности почти недостижимый.

Наука, запертая въ академическихъ стѣнахъ, неизбѣжно начинаетъ понемногу покрываться плѣсенью, для уничтоженія которой требуется прежде всего свѣжій воздухъ. Но многіе ученые педанты такъ боятся сквозняка!

И вотъ обыкновенно все сводится на дѣлѣ къ насажденію мнимой учености, къ увлеченію крайностями классификаціи и умственной эквилибристики, при содѣйствіи даже математики; къ процвѣтанію схоластики и къ подавленію личной инициативы.

Академическій цензъ.

Такое дѣйствительное состояніе у насъ высшей военной школы не можетъ, конечно, оправдывать и особыхъ привиллегій академическаго ценза. Ибо послѣдній, самъ по себѣ, еще далеко не даетъ нравственнаго права на занятіе, напримѣръ, командныхъ должностей въ арміи и собенно во флотѣ, хотя нѣкоторые и воображаютъ, что академія должна даже, будто бы, готовить офицеровъ къ такому «высшему командованію».

Однако, мы уже видѣли, что это совсѣмъ не такъ, и что больше всего этому мѣшаетъ оторванность академіи отъ жизни. Для аналогіи приведемъ остроумное объясненіе, какое даетъ подобному же явленію въ сферѣ военнаго суда генералъ Драгомировъ. «Судъ откололся отъ строя,—говоритъ онъ,—и не взирая на то, что онъ комплектуется лицами, начавшими службу въ строю, довольно скоро это забываетъ и тѣмъ меньше понимаетъ строевую жизнь и ея болѣсти, чѣмъ болѣе погружается въ свои формы и въ свой судебный уставъ. Отсюда и противорѣчіе между взглядами на виновность строевыхъ начальниковъ и представителей суда». И далѣе: «Всякое учрежденіе, создаваемое какъ средство для достиженія извѣстной цѣли, имѣетъ тенденцію мало-по-малу это забывать и обращается въ самодовлѣющую цѣль, если его не обуздываютъ лица, обязанныя это дѣлать» [1]).

Судъ и академія (аналогія).

[1]) „Одиннадцать лѣтъ“, II, 490.

Развѣ это не справедливо и для нашихъ академій?

Что можетъ дѣйствительно давать академія.

Если бы онѣ вмѣсто того чтобы гоняться за несбыточными мечтами о подготовкѣ офицеровъ къ «высшему командованію» и о «зарожденіи въ нихъ правильнаго военнаго творчества», ограничились бы болѣе скромною и посильною для нихъ задачею дать своимъ слушателямъ высшее военное образованіе, соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ службы [1]), то онѣ могли бы пополнять войска и флотъ просвѣщенными практическими дѣятелями, а не доктринерами, которые, по вѣрному замѣчанію генерала Мартынова, «для военнаго дѣла несравненно опаснѣе круглыхъ невѣждъ» [2]).

Благопріятное положеніе нашей морской академіи. Преимущества передъ ней французской высшей военно-морской школы.

Наша морская академія (я говорю, конечно, о военно-морскомъ ея отдѣлѣ) еще учрежденіе совсѣмъ юное. Это, если хотите, одновременно и ея преимущество и ея недостатокъ. Она не успѣла еще уйти отъ жизни, а по своей впечатлительности и неустойчивости готова воспринять, въ интересахъ лучшаго осуществленія своего назначенія, все что угодно, и хорошее и дурное. И было бы весьма прискорбно, если бы, находясь въ такомъ переходномъ возрастѣ, она дала бы себя увлечь на ложный путь.

Сверстница ея, французская морская академія, болѣе или менѣе гарантирована отъ этаго, благодаря своему чисто практическому характеру. Она, какъ извѣстно, не только не отрывается отъ строевого флота, но сама плаваетъ на собственныхъ судахъ. Объ этомъ въ свое время позаботился морской министръ Локруа, писавшій въ своемъ рапортѣ президенту республики, отъ 27-го декабря 1875 года: «Намъ нужна не высшая *научная* школа, а *практическая*, подготовляющая къ войнѣ, и такъ какъ мѣсто моряка прежде всего на кораблѣ, то и школа должна быть пловучая, составленная изъ нѣсколькихъ крейсеровъ, подъ начальствомъ отдѣльно-командующаго адмирала» [3]).

Наши слушатели—офицеры тоже расписываются на лѣтнее

---

[1]) Это и составляетъ назначеніе, напримѣръ, Николаевской Морской Академіи (ст. 1-я „Положенія“).

[2]) „Изъ печальнаго опыта русско-японской войны“, 106.

[3]) Н. Л. Кладо. „Организація морской силы“, II, 132, СПБ. 1901 г.

время по судамъ флота, но, не будучи тамъ хозяевами, они лишены возможности самостоятельно провѣрять на дѣлѣ основательность и осуществимость теоретическихъ положеній, излагаемыхъ въ академіи. Только учрежденіе при ней своего собственнаго отряда судовъ можетъ разгрузить ея лекціонный багажъ и ограничить его предметами первой необходимости.

Эволюція военно-морского образованія у насъ и во Франціи.

Идея высшей военно-морской школы впервые родилась у насъ, но получила право гражданства только тогда, когда вернулась изъ Франціи уже патентованной. Но и тутъ мы приняли свою землячку довольно подозрительно, чтобы не сказать холодно и остановились на полдорогѣ.

А между тѣмъ, къ «Франціи милой» мы всегда льнули и питали къ ней особенную нѣжность, которая, вѣроятно, и привела насъ мало по малу къ оффиціальной дружбѣ и даже союзу. Наши офицеры, подобно французамъ, стали въ послѣднее время больше заботиться о своемъ военномъ образованіи, чѣмъ о собственно морскомъ ремеслѣ. Въ эволюціи морскихъ учебныхъ заведеній обѣихъ странъ замѣчается даже нѣкоторое сходство, хотя бы внѣшнее больше. Одновременно съ учрежденіемъ во Франціи первой морской академіи у насъ основанъ былъ морской кадетскій корпусъ (1752 г.); преобразованіе этой академіи (около 1768 г.) почти совпало съ преобразованіемъ нашего корпуса (1764 г.); наконецъ, осуществленіе тамъ и у насъ идеи высшей военно-морской школы новѣйшаго типа совершилось въ одинъ и тотъ же годъ (1895).

Десять лѣтъ спустя послѣ своего преобразованія, французская морская академія уже обнаружила замѣтное вліяніе на личный составъ флота, участвовавшій въ Американскую войну за независимость (1774—1783 г.г.), значительно поднявъ къ тому времени его военное образованіе и тактическое искусство. Нашъ Курсъ военно-морскихъ наукъ, за такой же 10-ти лѣтній промежутокъ времени, не успѣлъ еще ощутительно воздѣйствовать на характеръ морскихъ операцій въ русско-японскую войну. Тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить его несомнѣнныхъ заслугъ въ предварительной критической оцѣнкѣ всей обстановки, при какой суждено было развер-

Заслуги Курса в. м. наукъ.

нуться этой несчастной для насъ кампаніи и въ почти пророческихъ предсказаніяхъ нашихъ пораженій. Къ сожалѣнію, эта добросовѣстная и весьма цѣнная работа Курса не обратила на себя своевременно должнаго вниманія кого слѣдуетъ.

А еще раньше, во время Испано-Американской войны 1898 года, слушателямъ посчастливилось принять участіе, подъ руководствомъ профессора морского международнаго права И. А. Овчинникова, въ обсужденіи и составленіи изданной затѣмъ русскимъ правительствомъ декларації о нейтралитетѣ. И надо было видѣть, съ какимъ рвеніемъ отнеслись къ этому живому дѣлу не молодые уже по своему возрасту и службѣ офицеры!

Въ тѣсномъ общеніи науки съ флотомъ залогъ его возрожденія.

Итакъ, побольше свѣжаго воздуха, и наше юное учрежденіе, въ тѣсномъ общеніи съ флотомъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ дать ему въ ближайшемъ будущемъ цѣлую плеяду не только доблестныхъ, но и отлично знающихъ свое дѣло офицеровъ— важнѣйшій залогъ побѣдъ на морѣ.

Заключеніе.

Итакъ, воину необходимы: 1) *мужество* (характеръ, воспитаніе); 2) *знаніе* (школа), и 3) *умѣніе* (жизнь, служба). Только наличіе всѣхъ этихъ качествъ и гармоничное сочетаніе ихъ въ одномъ человѣкѣ могутъ болѣе или менѣе обезпечить цѣлесообразное примѣненіе на дѣлѣ принциповъ военнаго искусства. Но лишь военный *геній* можетъ сдѣлать это въ совершенствѣ и дать намъ высокіе образцы своего собственнаго мастерства, заслуживающіе, конечно, внимательнаго изученія, но отнюдь не слѣпого подражанія, ибо военное искусство, какъ и всякое другое, прежде всего *индивидуально*.

3—
9771/52

45-18